

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 7 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Биологические
(биоресурсные) коллекции
в конституционном
измерении

Конституционно-правовая
функция производства
по делам об административных
правонарушениях в судах
общей юрисдикции

Прижизненный личный фонд
как юридическое alter ego
своего учредителя

Предмет науки истории
государства и права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 78
№ 7 (224)
июль 2025

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 17.07.2025
Объем 18,13 усл. печ. л. (14,75 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 7 (224)
July 2025

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

17.07.2025
Volume: 18,13 conventional printer's sheets (14,75 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Кабышев С. В. Биологические (биоресурсные) коллекции в конституционном измерении	9
Щепалов С. В. Конституционно-правовая функция производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции	20
Корепина А. В. Экспертная деятельность в сфере государственного управления: конструирование дефиниции в праве	34
Чирнинов А. М. Критерии оценки конституционно-судебной аргументации	48

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Захаров Д. Е. Убытки и их возмещение при нарушении договора в германском гражданском праве	70
Кантор Н. Е. Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя	81

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Каравеева Ю. С. Включение фактических воспитателей в круг субъектов повышенной ответственности в ст. 150–151 УК РФ: социальная обусловленность и межотраслевой подход	95
--	----

ИСТОРИЯ ПРАВА / HISTORIA LEX

Лукашевич Д. А. Предмет науки истории государства и права	109
--	-----

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ / INDEX LIBRORUM

Саидов А. Х. О развитии сравнительной истории права (статья-рецензия: размышления после прочтения двухтомного учебника Д. Ю. Полдникова «Сравнительная история зарубежного права» (М., 2024))	131
--	-----

CONTENTS

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Kabyshev S. V. Biological (Bioresource) Collections in a Constitutional Dimension	9
Shchepalov S. V. The Constitutional Law Function of Administrative Offense Proceedings in Courts of General Jurisdiction	20
Korepina A. V. Expert Activity in Public Administration: Constructing a Definition in Law	34
Chirninov A. M. Criteria for Evaluating Constitutional Judicial Argumentation	48

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Zakharov D. E. Damages and Compensation for Breach of Contract in German Civil Law	70
Kantor N. E. A Lifetime Personal Trust as the Legal Alter Ego of Its Founder	81

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

Karavaeva Yu. S. Inclusion of De Facto Guardians in the Category of Subjects with Enhanced Liability under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code: Social Justification and Interdisciplinary Approach	95
--	----

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

Lukashevich D. A. The Subject Matter of the History of State and Law Science	109
---	-----

RECOMMENDED BOOKS AND REVIEWS / INDEX LIBRORUM

Saidov A. Kh. To the Development of Comparative Legal History (Review: Reflections after Reading D. Yu. Poldnikov's Two-Volume Textbook «Comparative History of Foreign Law» (Moscow, 2024))	131
---	-----

С. В. Кабышев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Биологические (биоресурсные) коллекции в конституционном измерении

Резюме. Конституция России обязывает государство к созданию условий, способствующих научно-технологическим прорывам и обеспечивающих технологическую самостоятельность на уровне, позволяющем уверенно решать задачи национального развития в условиях гарантированной безопасности государства и общества. На основе идей конституционализма, заложенных в Конституции России, должны формироваться методология и содержательные параметры отраслевых режимов научно-технологического развития, включая столь важный для развития био- и генетических технологий, формирования природо-подобного технологического уклада режим биологических (биоресурсных) коллекций. В статье в связи с принятием базового федерального закона о биологических (биоресурсных) коллекциях обсуждаются имеющие принципиальное значение для его эффективной реализации характеристики конституционно-правового режима соответствующих объектов, которые предлагается раскрывать через совокупность следующих отправных категорий: признание биологических (биоресурсных) коллекций национальным достоянием; приоритетная ориентация на сохранение биологического разнообразия и обеспечение национальной (прежде всего природной, но не только) идентичности; устойчивая полнота (постоянство пополнения), безопасность, стабильность, регулируемая доступность, востребованность.

Ключевые слова: конституция; конституционно-правовой режим; биологическое разнообразие; биологические (биоресурсные) коллекции; публичное достояние народа; экологическая безопасность; научно-технологическое развитие

Для цитирования: Кабышев С. В. Биологические (биоресурсные) коллекции в конституционном измерении. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 9–19. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.009-019

Biological (Bioresource) Collections in a Constitutional Dimension

Sergei V. Kabyshev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
State Duma, Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The Constitution of Russia obliges the state to create conditions that facilitate scientific and technological breakthroughs and ensure technological sovereignty at a level sufficient to confidently address national development challenges while guaranteeing the security of the state and society. The methodology and substantive parameters of sectoral regimes for scientific and technological development — including the regime for biological (bioresource) collections, which is critical for advancing bio- and genetic technologies and fostering a nature-like technological paradigm — must be based on the constitutional principles enshrined in the

Constitution of the Russian Federation. The paper elucidates the constitutional and legal regime characteristics of biological (bioresource) collections that are essential for the effective implementation of the recently adopted federal framework law on such collections. These characteristics are proposed to be defined through the following key categories: recognition of biological (bioresource) collections as a national asset; a priority focus on preserving biodiversity and ensuring national (primarily natural, but not limited to) identity; sustainable completeness (ongoing replenishment), security, stability, regulated accessibility, and relevance.

Keywords: Constitution; constitutional and legal regime; biological diversity (biodiversity); biological (bioresource) collections; public domain of the people (national heritage); environmental security (ecological safety); scientific and technological development

Cite as: Kabyshev SV. Biological (Bioresource) Collections in a Constitutional Dimension. *Lex russica*. 2025;78(7):9-19. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.009-019

Введение

Конституция России, будучи системно-смысловым и ценностно-мировоззренческим ядром национального правопорядка, формирует методологические ориентиры, принципиальные, целевые и институционные основания комплексного межотраслевого правового обеспечения научно-технологического развития страны, интеграции научно-технологических факторов в механизм управления государством и практической реализации соответствующих приоритетов в рамках единой государственной научно-технической политики. Состоявшееся при обновлении Конституции РФ в 2020 г. расширение предметно-функциональных направлений федерального ведения путем закрепления в их числе основ федеральной политики и федеральных программ в области научно-технологического развития (п. «е» ст. 71) только совершенствует и уточняет разграничение компетенции, не оказывая влияния на логику построения системы функций государства. В общем контексте конституционной поправки 2020 г., обусловленной укреплением суверенитета, общенациональной идентичности и социальной направленности государства, научно-технологическое развитие приобретает значение ведущей интеллектуально-прогностической, материально-обеспечительной основы и инструментального средства для рационально обоснованного и технологически оснащенного осуществления всех направлений развития российской государственности. Речь идет о признании науки и ее выражения в практико-технологических формах и результатах в качестве системообразующего фактора политики государства. Это соотносится с закрепленными в Конституции РФ принципом социальной ориентации государственной научно-технической политики (п. «в» ч. 1 ст. 114),

согласно которому правовое регулирование и иные формы государственного воздействия должны способствовать развитию науки не только для самой науки, но и для общества, и необходимостью сохранения и роста научного потенциала России не как самоцели, а сквозь призму приоритетов государственной поддержки научно-технологического развития (п. «в.1» ч. 1 ст. 114).

Тем самым Конституция РФ обязывает государство к созданию условий, приводящих к научно-технологическим прорывам и обеспечивающих такую степень реализации технологической самостоятельности, при которой реальная возможность непрерывного, полного и эффективного осуществления конституционно значимых функций и задач связана с поддержанием преемственности, целостного единства, благополучия и безопасности государства и общества при сохранении естественной среды жизни и деятельности народа.

Основная часть

Конституционное регулирование не только имеет целеполагающее значение при формировании и реализации государственной научно-технической политики, но и задает принципиальные содержательные требования к определению оптимально сбалансированной (с учетом этических, экологических, экономических и иных факторов) текущей отраслевой регламентации соответствующих отношений. Конституционализм нередко редуцируется до режима ограничения политической власти. На наш взгляд, он служит формой познания и упорядочения социально-правовой, а опосредованно — через формирование общих ценностно-мировоззренческих нормативных установок человека — и более широкой жизненной реаль-

ности, ее организации на основе баланса всей совокупности наиболее значимых ценностей и интересов, обеспечивающих преемственность и устойчивое воспроизводство государства и общества с учетом естественных (природных, исторических и иных) предпосылок и факторов его развития в гармонии с окружающей средой. В этом плане важна, перспективна (но, увы, пока не взята в основательную проработку в нашей доктрине) постановка проблемы комплексного раскрытия экологического содержания российского конституционализма, присущей ему системы политико-правовых идей, подходов, концептуальных начал, которые характеризуют конституционные основы взаимоотношений общества и личности с природой¹.

Именно приверженность конституционализму дает защиту от экономизации и технизации права, исконным предназначением которого служат идеи добра и справедливости. Попытки представить роль права в современном мире и в его перспективах не столько в регулятивно-организующем, сколько в подчиненном, обусловленном значении, как нечто детерминированное естественными науками², видятся по меньшей мере неперспективными, рискованными, грозят возвышением партикулярных представлений об эффективности и целесообразности над общими интересами.

Существующий в отечественной юриспруденции серьезный дефицит конституционно-правовых исследований как общих, так и предметно-профильных проблем и направлений научно-технологического развития осложняет построение надлежащей методологии и системы правового регулирования в данной сфере, формирование и развитие сбалансированных комплексных правовых режимов, не позволяет с необходимой полнотой и уровнем качества реализовать потенциал отраслевого нормативного инструментария, обеспечить определенность, правильное место в системе правового регулирования, а также непротиворечивую взаимосвязь законодательства о науке и правоприменительной практики.

Отдельного внимания заслуживает анализ с конституционно-правовых позиций технологий сохранения биологического разнообразия и биотехнологий, которые теснейшим образом связаны с развитием генетики, отнесены к важнейшим наукоемким технологиям (Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529³), обеспечивают формирование новых рынков в сфере биоэкономики, что, в свою очередь, является одной из ключевых задач для достижения национальной цели развития, определенной как технологическое лидерство (пп. «а» п. 7 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309⁴). Формирование подходов к реализации этих целей и задач, опирающихся на конституционно-правовую методологию, требует выхода за рамки ситуативных правовых аспектов импортозамещения и ориентации на правовое обоснование стратегического лидерства.

Многоаспектная, комплексная природа отношений, складывающихся в сфере формирования и реализации био- и генетических технологий, становления биоэкономики, существенная специфика и степень выраженности предопределенных самим предметом, его закономерностями технико-технологических аспектов регулирования, нередко деликатный, нравственно-чувствительный характер возникающих вопросов указывают на исключительную важность междисциплинарного и межотраслевого взаимодействия при принятии правовых решений, которое должно выстраиваться в режиме конституционного диалога.

Отечественная юридическая наука должна выработать методологию и стратегию правового развития био- и генетических технологий и биоэкономики, сформировать в рамках единой модели правового регулирования, соответствующей актуальным потребностям научной мобилизации и объективно сложившемуся централизованному механизму научного руководства в этой сфере, систему дифференцированных профильных правовых режимов с учетом специфики конкретных потребностей и угроз, в частности в области фармакологии, медицины, сельского хозяйства.

¹ Бондарь Н. С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 11–20.

² Заикин С. С. Естественные науки и их популяризация: проблемы взаимодействия и соотношения с правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 79.

³ Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

Большое значение для развития био- и генетических технологий и биоэкономики, обеспечения необходимых гарантий и инфраструктуры естественно-научной деятельности имеет правовой режим биологических (биоресурсных) коллекций. Актуальность его обсуждения существенно возрастает ввиду принятия Федерального закона от 30.11.2024 № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях...»⁵ (далее — Закон о биологических коллекциях), которым впервые системно определены правовые основы формирования, сохранения, развития, изучения и использования биологических (биоресурсных) коллекций, находящихся в федеральной собственности, а также образования и организации деятельности биоресурсных центров.

При всем многообразии связанных с появлением и реализацией этого нового правового регулирования вопросов как формально-юридического, так и предметного, специально-научного (техничко-технологического) характера необходимо прежде всего осмысление с концептуальных конституционно-правовых позиций исходных пунктов в целеполагании, идеологии и логике установленных нормативно-правовых конструкций. Следует учитывать,

что формирование данных конструкций шло скорее через динамизацию научного анализа, интегрированного в законодательный процесс, а не в качестве формализации итогов развития самой по себе научной доктрины, которая пока находится в стадии становления⁶. Отсутствуют и общепризнанные подходы к пониманию соответствующего режима на международном уровне⁷. Выработка более конкретных норм отраслевого уровня, важность которых как необходимого элемента в реализации Закона не вызывает сомнений, должна быть подчинена — и в идейно-смысловом плане, и с точки зрения формального представления об иерархии норм права — конституционным императивам.

Биологические (биоресурсные) коллекции, разработка методологии и практическое формирование которых осуществлялись с лидерством российских (советских) ученых, включая особую роль Н. И. Вавилова, обосновавшего закон гомологических рядов в наследственной изменчивости⁸ и с опорой на существующие достижения⁹ собравшего уникальную, богатейшую коллекцию семян растений¹⁰, имеют неопределимое значение¹¹. Как было отмечено в постановлении Президиума РАН от 06.02.2024 № 19 «О подготовке проекта федерального

¹ Бондарь Н. С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 11–20.

² Заикин С. С. Естественные науки и их популяризация: проблемы взаимодействия и соотношения с правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 79.

³ Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

⁵ СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7419.

⁶ См., например: Агафонов В. Б., Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г., Мохов А. А. Национальное законодательство о биоресурсных центрах и биологических коллекциях: концепция развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 8. С. 103–109; Казанцев М. Ф. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций: система, состояние, развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 94–143.

⁷ Пономарёва Д. В. Международно-правовые основы создания, использования и сохранения биоресурсных коллекций // Lex Genetica. 2024. № 3. С. 84–99.

⁸ Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Труды Всероссийского съезда по селекции и семеноводству в г. Саратове. 1920. Вып. 1. С. 41–56.

⁹ См., например: Бобринский Н. А., Четвериков С. С. Сбор и приготовление зоологических коллекций. М.; Л., 1925; Кожевников Г. А. Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций. М., 1902.

¹⁰ Хлесткина Е. К. Генетические ресурсы России: от коллекций к биоресурсным центрам // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2022. № 183 (1). С. 9–30.

¹¹ Руда М. Г. Биологические коллекции: раскрытие потенциала в современных геополитических реалиях. М.: Русайнс, 2024.

закона “О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях”»¹², Россия является одним из крупнейших обладателей биоресурсных коллекций как *золотого фонда*, основы развития генетических технологий; биоресурсные коллекции критически важны для функционирования целых областей науки и отраслей производства; сохранение, развитие и непрерывное изучение биологических коллекций, безусловно, составляет основу устойчивого и безопасного развития страны; последствия исчезновения, ликвидации коллекций либо прекращения их изучения и использования следует оценивать как катастрофические. Президиум РАН констатировал, что если в зарубежном законодательстве большое значение придается обращению особо ценных генетических ресурсов, включая специальный порядок доступа к их исследованию зарубежных ученых, то в российском законодательстве такие правовые механизмы отсутствуют, более того, без четкого регулирования биологические коллекции вынужденно оказываются под действием инородных правовых режимов, что не способствует их эффективному сохранению и использованию.

Рассмотрение феномена биологических (биоресурсных) коллекций в системе конституционно-правовых координат предполагает необходимость учета сформированных в практике конституционного правосудия релевантных правовых позиций, влияющих на определение конституционно-правового режима биологических ресурсов, смысла и содержания политики государства и правового регулирования в отношении экологических объектов.

Нужно сделать акцент на следующих правовых позициях Конституционного Суда РФ:

— природные ресурсы составляют естественное богатство, являются ценностью всенародного значения, публичным достоянием многонационального народа России, используются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (постановление от 07.06.2000 № 10-П¹³);

учитывая ценность природных ресурсов для нынешних и будущих поколений, соединенных общей судьбой на своей земле, правовое регулирование в этой сфере должно основываться на принципе приоритета публичных интересов (постановления от 14.05.2009 № 8-П¹⁴, от 21.04.2020 № 19-П¹⁵);

— конституционно предопределенная обязанность заботы о сохранении окружающей среды и экологической безопасности не препятствует рациональному использованию природных ресурсов в рамках предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, что требует такого законодательного регулирования порядка и условий ее осуществления, которое гарантировало бы эффективную защиту природных ресурсов и окружающей среды (постановление от 30.03.2018 № 14-П¹⁶); законодатель должен исходить из необходимости решения социально-экономических задач, сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности (постановление от 22.09.2023 № 45-П¹⁷); в частности, необходимо обеспечить такое регулирование потребления, изъятия из природной среды объектов животного мира, которое не создавало бы угрозы сохранению его биологического разнообразия, способности к воспроизводству и устойчивому существованию (определение от 06.07.2001 № 151-О¹⁸).

Биологические (биоресурсные) коллекции Российской Федерации выступают одним из наиболее значимых элементов общенародного достояния, что является доминантной, системообразующей идеей в конституционной методологии построения их правового регулирования, в котором должен обеспечиваться безусловный приоритет публичных интересов. Раскрытие этой идеи связано с анализом конкретных характеристик конституционно-правового режима биологических (биоресурсных) коллекций

¹² URL: <https://new.ras.ru/upload/iblock/25c/0u2kb4tIs3i2t01xnhp2rg1b9c5hv23k.pdf>.

¹³ СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

¹⁴ СЗ РФ. 2009. № 22. Ст. 2752.

¹⁵ СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3223.

¹⁶ СЗ РФ. 2018. № 15 (ч. IV–V). Ст. 2238.

¹⁷ СЗ РФ. 2023. № 41. Ст. 7407.

¹⁸ Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 2.

как национального достояния¹⁹ с учетом их восприятия и реализации законодателем.

Конституционный режим как правовая категория, по нашему мнению, представляет собой совокупность необходимых и достаточных элементов, определяющих:

а) цели, задачи и функции соответствующего института;

б) особенности правового статуса субъектов;

в) инструменты (виды гарантий, мер ответственности, защиты и т.п.);

г) этапы достижения целей правового регулирования, в том числе создание надлежащего подзаконного регулирования.

Конституционно-правовой режим биологических (биоресурсных) коллекций включает в себя их функционально-целевые характеристики, задаваемые в наиболее общем виде конституционными параметрами функционального содержания как таковой российской государственности, имущественные и финансовые основания в системе публичной собственности, публично-политические в соотношении с субъективно-личностными (прежде всего научно-исследовательскими, экономическими) аспекты пользования такими коллекциями, связанные с этим ограничения и обременения, другие существенные моменты. Говоря о содержательных чертах данного режима, получивших отражение и конкретизацию в Законе о биологических коллекциях, будет уместно с учетом целей и формата настоящего исследования сделать акцент на следующих принципиальных характеристиках: 1) национальном достоянии; 2) приоритетной ориентации на сохранение биологического разнообразия и обеспечение национальной (в первую очередь природной, но не только) идентичности; 3) устойчивой полноте (постоянстве пополнения); 4) безопасности; 5) стабильности; 6) регулируемой доступности; 7) востребованности.

Точка отсчета в правовом порядке, установленном Конституцией РФ, — признание общности судьбы многонационального народа Российской Федерации на своей земле (преамбула), что фокусирует всю систему конституционного регулирования на обеспечении естественных природных условий существования народа. В соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию РФ в 2020 г., сохранение уникального природного и биологического многообра-

зия страны, ранее имплицитно присутствовавшее в виде ценности и принципа в системном единстве положений ст. 9, ст. 58, п. «д» ч. 1 ст. 72, ч. 2 ст. 74, приобрело непосредственно выраженное функционально-практическое значение в составе направлений деятельности Правительства РФ (п. «е.5» ч. 1 ст. 114). Конституционным установлением этой публичной функции предопределяются требования к созданию институциональных, инфраструктурных условий сохранения биоразнообразия, что обязывает к организации и поддержке коллекционных фондов, отражающих такое разнообразие и способствующих его воспроизводству. Соответственно, ориентация на сохранение биологического разнообразия является приоритетной в конституционно-правовом режиме биологических (биоресурсных) коллекций. Закон о биологических коллекциях закрепляет эту задачу как первостепенную (п. 1 ст. 4).

Необходимо учитывать, что сохранение биологического многообразия в конституционно-правовом плане не может рассматриваться только с позиции рафинированного экологического значения (сохранение природы), вне контекста связей природы с человеком, обществом, государством. Сохранение биоразнообразия выступает одним из важнейших факторов обеспечения национальной идентичности. В этом плане нельзя обходить вниманием или недооценивать социокультурные аспекты формирования и сохранения биологических (биоресурсных) коллекций, имея в виду тот вклад, который они позволяют внести в укрепление самосознания народа. Понимание народом себя, своих корней, традиций неотделимо от познания природных условий своего существования. А историческая преемственность социального развития предполагает ответственность за сохранение богатства природной среды, которое от прежних поколений должно передаваться поколениям будущим. Немаловажно и то, что принцип конвергентности, являющийся основой природоподобного технологического уклада, зависящего от биологических (биоресурсных) коллекций, соотносится с глубинными представлениями о естественном биосоциальном развитии, неизбывным стремлением российской цивилизации к обустройству мира на основе единства правды, истины и аутентичных форм их воплощения. В этом плане правовое

¹⁹ Петухова Е. П. Национальное достояние как разновидность конституционно-правового режима (на примере природных ресурсов) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 80–92.

регулирование в сфере биологических (биоресурсных) коллекций отражает идеологию научно-технологического развития²⁰, соотносенного с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Правовое регулирование в сфере биологических (биоресурсных) коллекций, обусловленное целями обеспечения биологического разнообразия, должно способствовать достижению и поддержанию надлежащей научно обоснованной представленности биологических объектов в их объективно существующей вариативности, то есть формированию устойчивой полноты фондового (коллекционного) охвата, его целостности и постоянства пополнения. Если речь идет о биологических объектах искусственного происхождения, то вариативность приобретает потенциальный, прогнозируемый характер. Закон о биологических коллекциях непосредственно ориентирован в том числе на развитие данных коллекций (ч. 1, 2 ст. 1, ст. 3, 4 и др.), что предполагает, согласно ч. 2 ст. 19, пополнение научно систематизированного фонда паспортизированных биологических образцов естественного и (или) искусственного происхождения, формирующего биологическую (биоресурсную) коллекцию. Следовательно, режим биологических (биоресурсных) коллекций функционально ориентирован на гарантийно-обеспечительные и стимулирующие механизмы, направленные на углубление познания и потенциала биологического разнообразия, что должно находить адекватное выражение при решении вопросов финансового и материального обеспечения деятельности, связанной с биологическими коллекциями. Принимая во внимание фундаментальное и стратегическое значение находящихся в федеральной собственности биологических коллекций, которые служат общим интересам, всеобщность конституционной обязанности сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ), можно заключить, что экономические гарантии развития биологических (биоресурсных) коллекций должны строиться на основе солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ), что подразумевает создание заинтересованности в экономическом участии негосударственных субъектов.

Безопасность — ключевая характеристика режима биологических (биоресурсных) коллек-

ций с учетом особой важности сохранения, поддержания целостности накопленных фондов соответствующих объектов, что предопределяется имеющей конституционное значение общей заинтересованностью в сохранении природного мира и устойчивости экосистем в условиях нарастающего негативного антропогенного воздействия. Безопасность как элемент режима биологических (биоресурсных) коллекций, с одной стороны, производна от конституционного императива экологической безопасности, с другой — служит инструментальной основой для ее реализации, обеспечивая национальную безопасность. Эффективная защита национальной безопасности как общего блага (публичного интереса) выступает основой достижения социальной солидарности, а также взаимного доверия государства и общества.

Закон о биологических коллекциях, исходя из необходимости полноты и эффективности защиты коллекций, закрепляет комплексный состав требований к безопасности (ст. 26), которые включают в себя, в частности, требования к физической защите коллекций, в том числе от несанкционированного доступа к паспорту безопасности таких объектов (территорий), отнесение коллекций и входящих в них образцов к категории особо ценного движимого имущества, возможность создания депозитарных хранилищ образцов коллекций на случай чрезвычайных ситуаций и (или) для федеральных государственных нужд, минимальные требования к материально-техническому обеспечению биоресурсных центров. Следует обозначить имущественные гарантии безопасности, связанные с недопустимостью прекращения вещных прав на объекты недвижимости, необходимые для обеспечения биологических (биоресурсных) коллекций, без согласования с уполномоченным федеральным органом и межведомственной комиссией, осуществляющей координацию деятельности национального центра генетических ресурсов (ч. 2 ст. 26).

Закон непосредственно не определяет процедурный порядок соответствующего согласования, условия (критерии) согласования или отказа в согласовании, возможность преодоления разногласий, однако ценностно-целевые основания введения этого механизма, многосоставность участвующих в нем субъектов принципиально исключают узкое толкование указанного ограничения и упрощенный подход

²⁰ Ковальчук М. В. Идеология природоподобных технологий. М., 2022. С. 32–95.

к его реализации. Согласно правовым позициям, выработанным в определении Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1911-О²¹, специфика бюджетных учреждений и сферы их имущественных прав предполагает право Российской Федерации на условиях, предусмотримых федеральным законом, изменять предназначение предоставленного федеральному бюджетному учреждению земельного участка, поскольку оно неразрывно связано с выполнением актуальных социальных задач, решаемых государством в интересах общества; при этом законодатель в процессе установления соответствующих условий должен исходить из соображений разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что, если законодательство не устанавливает каких-либо специальных механизмов, направленных на обеспечение и восстановление прав бюджетных учреждений при решении вопросов об изъятии земельных участков, подлежат применению общие гражданско-правовые механизмы, которые не сводятся к требованию о признании решения об изъятии земельного участка недействительным. По смыслу изложенных правовых позиций прекращение прав на объекты недвижимости, необходимые для обеспечения биологических (биоресурсных) коллекций, во всяком случае, не должно осуществляться, если это приведет к невозможности нормального, устойчивого и целостного функционирования коллекции, реализации стратегии ее развития.

Конституционно-правовой режим биологических (биоресурсных) коллекций, предполагающий их развитие в условиях надежной защищенности, включает в себя требование стабильности вводимых в порядке текущего отраслевого регулирования гарантий, недопустимость снижения достигнутого уровня гарантирования. Исполнение законодательных норм, определяющих режим биологических (биоресурсных) коллекций, их конкретизация и развитие на уровне подзаконного регулирования, в том числе при наличии прямого уполномочия законодателя по вопросу, не получившему

содержательной регламентации в Законе о биологических коллекциях, должны быть научно обоснованными, осуществляться с ориентацией на наибольшее благоприятствование развитию и сохранению биологических (биоресурсных) коллекций и на основе поддержания доверия к действиям государства.

Закрепляя ценности охраны окружающей среды как естественной основы человеческого существования, Конституция РФ исходит из того, что природные ресурсы выступают в двуедином качестве экологических объектов, подлежащих охране, и элемента материальной базы жизни и развития российского народа, естественной производительной силы. Приоритет публичных интересов не является фактором нивелирования экономической ценности²². Неслучайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400²³, обеспечение экологической безопасности рассматривается в неразрывном системном единстве с рациональным природопользованием. В этом плане законодательно установленный в соответствии с Конституцией РФ режим биологических (биоресурсных) коллекций, выражающий уже на терминологическом уровне взаимосвязь биологических и ресурсных характеристик, ориентирован на изучение биологического разнообразия, использование генетических ресурсов в целях обеспечения устойчивого развития Российской Федерации, обеспечение образовательной и (или) просветительской деятельности (п. 1 и 2 ст. 4, п. 2, 3 и 4 ст. 12 Закона о биологических коллекциях), что естественным образом предполагает регулирующую доступность объектов коллекций (п. 3 ст. 4 указанного Закона).

Установка именно на регулирующую доступность определяется требованиями безопасности, защищенности, сохранности коллекций, возможностью и необходимостью введения дифференцированных параметров доступа с учетом ценности и специфики конкретных коллекций (п. 3 ч. 4 ст. 9, ч. 8 ст. 17 Закона о биологических коллекциях), что не ставит под сомнение важность обеспечения таких условий доступа, которые отвечали бы принципам определенности и равенства.

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² Харьков В. Н. Приоритетное обеспечение публичных экологических интересов как конституционный принцип охраны окружающей среды и природопользования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 193–199.

²³ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

При этом сохранность биологических (биоресурсных) коллекций является самостоятельной и в значительной мере определяющей ценностью для данного режима, государство должно стремиться к тому, чтобы коллекции были востребованы в использовании для целей научно-технологического и устойчивого развития. Необходимы сбалансированные подходы и решения, способствующие не только появлению, но и, что особенно важно, масштабированию научных биотехнологических разработок, результаты которых должны быть приспособлены для целей промышленного производства. Формирование с учетом общих положений ст. 17 Закона о биологических коллекциях условий эффективной востребованности коллекций требует отдельного внимания отечественной юриспруденции.

Заключение

Таким образом, состоявшееся государственное признание биологических (биоресурсных) кол-

лекций как отдельного важного, нуждающегося в особом отношении и защите юридического феномена, фактически сложившегося в качестве элемента национального богатства, которое собиралось, хранилось и развивалось поколениями российских ученых, имеет стратегическое значение. Речь идет не просто о правовом обеспечении сохранности накопленных фондов, а об определении вектора комплексного правового подкрепления биоразнообразия, необходимого для устойчивой жизни, расширении возможностей отечественной науки в сфере развития биотехнологий (создание инфраструктуры, подготовка кадров и др.). Без этого многие биологические коллекции могут быть утрачены²⁴.

Необходимость формирования нового, природоподобного технологического уклада требует научной и правовой мобилизации, отечественная юриспруденция должна сфокусироваться на эффективной реализации режима биологических (биоресурсных) коллекций с учетом конституционных ценностей и ориентиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафонов В. Б., Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г., Мохов А. А. Национальное законодательство о биоресурсных центрах и биологических коллекциях: концепция развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 8. С. 103–109.
- Бобринский Н. А., Четвериков С. С. Сбор и приготовление зоологических коллекций. М. ; Л., 1925. 112 с.
- Бондарь Н. С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 11–20.
- Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Труды Всероссийского съезда по селекции и семеноводству в г. Саратове. 1920. Вып. 1. С. 41–56.
- Заикин С. С. Естественные науки и их популяризация: проблемы взаимодействия и соотношения с правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 72–82.
- Казанцев М. Ф. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций: система, состояние, развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 94–143.
- Ковальчук М. В. Идеология природоподобных технологий. М., 2022. 332 с.
- Кожевников Г. А. Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций. М., 1902. 182 с.
- Об итогах Первого научного форума «Генетические ресурсы России»: перспективы развития, научно-исследовательский и научно-практический потенциал биоресурсных коллекций / И. А. Тихонович, Д. В. Гельтман, Н. С. Чернецов [и др.] // Биотехнология и селекция растений. 2022. № 5 (2). С. 38–47.
- Петухова Е. П. Национальное достояние как разновидность конституционно-правового режима (на примере природных ресурсов) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 80–92.
- Пономарёва Д. В. Международно-правовые основы создания, использования и сохранения биоресурсных коллекций // Lex Genetica. 2024. № 3. С. 84–99.

²⁴ Об итогах Первого научного форума «Генетические ресурсы России»: перспективы развития, научно-исследовательский и научно-практический потенциал биоресурсных коллекций / И. А. Тихонович, Д. В. Гельтман, Н. С. Чернецов [и др.] // Биотехнология и селекция растений. 2022. № 5 (2). С. 38–47.

Руда М. Г. Биологические коллекции: раскрытие потенциала в современных геополитических реалиях. М., 2024. 130 с.

Харьков В. Н. Приоритетное обеспечение публичных экологических интересов как конституционный принцип охраны окружающей среды и природопользования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 193–199.

Хлесткина Е. К. Генетические ресурсы России: от коллекций к биоресурсным центрам // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2022. № 183 (1). С. 9–30.

REFERENCES

Agafonov VB, Vypkhanova GV, Zhavoronkova NG, Mokhov AA. National Legislation on Bioresource Centers and Biological Collections: A Development Concept. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;8:103-109. (In Russ.).

Bandar NS. Environmental Constitutionalism in Modern Jurisprudence: From Doctrine to Practice. *Rossijskaja Justicia*. 2023;6:11-20. (In Russ.).

Bobrinsky NA, Chetverikov SS. *Collection and preparation of zoological collections*. Moscow — Leningrad; 1925. (In Russ.).

Kazantsev MF. Legal regulation in the sphere of biological collections: system, state, development. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2018;18(1):94-143. (In Russ.).

Kharkov VN. Priority Provision of Public Environmental Interests as a Constitutional Principle of Environmental Protection and Nature Management. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;10:193-199. (In Russ.).

Klestkina EK. Genetic resources in Russia: from collections to bioresource centers. *Proceedings on Applied Botany, Genetics and Breeding*. 2022;183(1):9-30. (In Russ.).

Kovalchuk MV. *Ideologiya prirodnopodobnykh tekhnologiy [Ideology of nature-like technologies]*. Moscow; 2022. (In Russ.).

Kozhevnikov G.A. *Guide to Zoological Field Trips and Collecting Zoological Collections*. Moscow; 1902. (In Russ.).

Petukhova EP. National heritage as a constitutional law regime (a case-study of natural resources). *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2014;1:80-92. (In Russ.).

Ponomareva DV. International legal framework for the creation, use and conservation of bioresource collections. *Lex Genetica*. 2024;3:84-99. (In Russ.).

Ruda MG. *Biological Collections: Unlocking Potential in Contemporary Geopolitical Realities*. Moscow; 2024. (In Russ.).

Tikhonovich IA, Geltman DV, Chernetsov NS, Mikhailova NA, Glotov AS, Khlestkin VK, Ukhatoeva YuV, Zavarzin AA, Nizhnikov AA, Khlestkina EK. On the results of the First Scientific Forum «Genetic Resources of Russia:» prospects for development, research and practical potential of bio-collections. *Plant Biotechnology and Breeding*. 2022;5(2):38-47. (In Russ.).

Vavilov NI. The law of homologous series in hereditary variability. *Proceedings of All-Russian Congress on Breeding and Seed Production in Saratov, June 4–13*. 1920;1:41-56. (In Russ.).

Zaikin SS. Natural Sciences and their Popularization: Problems of Interaction and Correlation with Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(10):72-82. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация
svkabyшев@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation; Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svkabyshev@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 2 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.*

*Received 02.11.2024.
Revised 13.06.2025.
Accepted 15.06.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.020-033

С. В. Щепалов

Верховный Суд Республики Карелия
г. Петрозаводск, Российская Федерация

Конституционно-правовая функция производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции

Резюме. В статье предлагается определить место производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции (ПДОАП в СОЮ) в системе административного процесса исходя из функции данного производства. Формулируется вывод о том, что, вопреки нормам КоАП РФ, она под влиянием конституционного законодательства приобрела отличия от функции несудебной административной юрисдикции. Предназначение судебного производства выходит за пределы борьбы с правонарушениями и реализации целей административной ответственности. Оно должно обеспечивать справедливое разрешение публично-правового конфликта. ПДОАП в СОЮ выполняет функцию независимой внешней ревизии управленческой инициативы публичной администрации, выраженной в актах органа административного преследования или несудебного органа административной юрисдикции, на предмет соответствия закону в свете общеправовых принципов и ценностей. Таким образом, ПДОАП в СОЮ функционально не объединено с несудебным производством в однородную процессуальную деятельность и не является продолжением несудебной административной юрисдикции. Однако ПДОАП в СОЮ оказалось предметом противоречивого правового регулирования, поскольку его конституционно-правовая функция не согласуется с КоАП РФ. Это вызывает сложности в судебной практике. По приведенным причинам автор предлагает в рамках третьей кодификации изъять из КоАП РФ не всю процессуальную часть, а нормы о ПДОАП в СОЮ, выделив их в отдельный закон «О судебной административной юрисдикции».

Ключевые слова: административная ответственность; правосудие; административное правонарушение; кодификация законодательства; административный процесс; административная юрисдикция

Для цитирования: Щепалов С. В. Конституционно-правовая функция производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 20–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.020-033

The Constitutional Law Function of Administrative Offense Proceedings in Courts of General Jurisdiction

Stanislav V. Shchepalov

Supreme Court of the Republic of Karelia
Petrozavodsk, Russian Federation

Abstract. The paper defines the place of judicial proceedings in cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction (administrative offense proceedings in courts of general jurisdiction, or AOP in CGJ) within the administrative process system, based on the function of these proceedings. The author concludes that, contrary to the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (CAO RF), this area, influenced by constitutional legislation, has developed distinctions from the function of non-judicial administrative jurisdiction. The purpose of judicial proceedings extends beyond merely combating offenses and achieving the objectives of administrative liability. It must ensure a fair resolution of public law disputes. AOP in CGJ serves the function of independent external review of the managerial initiatives of public administration, as expressed in the acts of the prosecuting authority or a non-judicial body of administrative jurisdiction, with respect to their compliance with

© Щепалов С. В., 2025

the law in light of general legal principles and values. Consequently, AOP in CGJ is not functionally integrated with non-judicial proceedings as a homogeneous procedural activity and does not represent a «continuation» of non-judicial administrative jurisdiction. However, AOP in CGJ has become the subject of contradictory legal regulation, as its constitutional law function is not congruent with the CAO RF. This disparity poses challenges in judicial practice. For these reasons, the author suggests, within the framework of the third codification, to extract not the entire procedural section from the CAO RF, but rather the provisions concerning AOP in CGJ, isolating them into a separate law titled «On Judicial Administrative Jurisdiction».

Keywords: administrative liability; justice; administrative offense; codification of legislation; administrative procedure; administrative jurisdiction

Cite as: Shchepalov SV. The Constitutional Law Function of Administrative Offense Proceedings in Courts of General Jurisdiction. *Lex russica*. 2025;78(7):20-33. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.020-033

Введение

Не первый десяток лет в науке ведется дискуссия о месте, которое должны занимать судебные производства в процессуальном законодательстве об административных правонарушениях. Волей законодателя отраслевая принадлежность производства по делам об административных правонарушениях в арбитражных судах определена однозначно. Касательно же аналогичной деятельности судов общей юрисдикции вопрос остается открытым. В отношении производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции (ПДОАП в СОЮ) еще не могут быть применены даже термины «вид судопроизводства» и «форма правосудия». Первый обозначает самостоятельную процессуальную форму правосудия, но в отношении ПДОАП в СОЮ самостоятельность таковой еще не обоснована. Ведется дискуссия и о том, следует ли относить в целом к правосудию ПДОАП в СОЮ, поскольку оно урегулировано КоАП РФ как часть одного и того же административно-юрисдикционного производства.

В свете законодательного подхода судьи, как и инспекторы правоохранительных структур, являются представителями публичной администрации, ведущими борьбу за правопорядок. С одной стороны, это не беспочвенно: понятие «административный» означает «управленческий»¹; с другой — в свете конституционных

норм судьи представляют собой самостоятельную ветвь власти, играющую собственную роль в системе сдержек и противовесов правового государства. Такое внутреннее противоречие, заложенное в этом судебном производстве, не позволяет осознать его предназначение. В связи с отсутствием правильного ориентира возникают сложности в толковании гл. 29–30 Кодекса применительно к судебной деятельности. Совершенствование процессуального законодательства об административных правонарушениях становится вовсе невозможным. Как писал Сенека Луцилию, кто не знает, в какую гавань плыть, для того нет попутного ветра². По этой причине хотелось бы предложить уважаемому читателю рассуждения о предназначении ПДОАП в СОЮ. Оно оказывается настолько далеким от предназначения несудебной административной юрисдикции, что целесообразность их сосуществования в рамках одного кодекса вызывает сомнение.

1. Проблема определения предназначения ПДОАП в СОЮ

Предназначение правового явления связывается с его функцией, которая предопределяет возникновение и самого явления³. Под функцией в целом (лат. *functio* — исполнение, осуществление) понимается назначение, роль, кото-

¹ См. подробнее: Старостин С. А. О соотношении понятий «административный процесс», «административное производство», «административные процедуры» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5 (21). С. 104.

² Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / пер. С. А. Ошерова ; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М. : Наука, 1977. Письмо LXXI.

³ См., например: Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1996. С. 12 ; Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : Статут, 2017. Гл. 1, § 1.4.

рую выполняет определенная часть системы по отношению к целому⁴. В социальных науках функция указывает на роль общественных структур и процессов в поддержании устойчивости систем, частями которых они являются⁵. Функция же правового феномена истолковывается как его воздействие, проявляющееся как существенное свойство⁶. Тот же аспект у административно-процессуального института понимается как основное проявление его социального назначения, выражающееся в ведущих направлениях его регулирующего воздействия на общественные отношения⁷. Словом, функция имеет внутреннюю сторону — те направленные вовне импульсы, источником которых служит явление, и внешнюю, основную — его социально-правовую ценность.

В законодательстве отсутствуют нормы о функции ПДОАП в СОЮ. В науке имеется три взгляда на тот же вопрос. Чаще всего эта судебная деятельность не наделяется самостоятельной функцией⁸, а на нее распространяются общие функции производства по делам об административных правонарушениях (ПДОАП). Ими считаются направления процессуальной деятельности участников производства по делу: защита и административное преследование⁹. Преследование рассматривается как основная функция¹⁰ в трудах А. П. Шергина¹¹,

К. И. Разоренова¹², А. Ю. Винокурова¹³ и других ученых. Второй подход состоит в том, что судьи в рамках КоАП РФ должны лишь объективно и беспристрастно разрешать дела безотносительно к функциям преследования и защиты¹⁴. Третья точка зрения выводит функцию ПДОАП в СОЮ еще дальше за пределы государственного управления. Считается, что она предопределена функцией административного судопроизводства, заключающейся в разрешении юридического конфликта. Только в данном случае он касается нарушения не субъективных публичных прав, а права объективного¹⁵. Тем не менее нельзя отрицать, что функция ПДОАП в СОЮ как минимум связана с функцией в целом ПДОАП, и искомое явление можно попытаться определить через эту призму.

2. Функция производства по делам об административных правонарушениях

КоАП РФ не содержит указания на функцию регулируемого им производства. Однако в качестве зацепки можно использовать норму ч. 5 ст. 1.3 о том, что подведомственность дел органам исполнительной власти субъектов РФ определяется в соответствии с их задачами и функциями. Соответственно, функция несудеб-

⁴ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 1-е изд. М. : Большая российская энциклопедия, 1991.

⁵ Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.

⁶ Маматказин И. Р. Значение понятийного аппарата для выявления сущности и функции социально-обеспечительных выплат // Социальное и пенсионное право. 2023. № 3. С. 27.

⁷ Привод. по: Иван Александрович Галаган и его научное наследие / отв. ред. Ю. Н. Стариков. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2010. С. 398.

⁸ Привод. по: Иван Александрович Галаган и его научное наследие. С. 419, 426.

⁹ Тюрина А. А. Функция защиты в административно-юрисдикционном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. Гл. 1, § 1.1.

¹⁰ Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2003. Гл. 1, § 2.

¹¹ Шергин А. П. Административное преследование как функция административно-юрисдикционного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 155–162.

¹² Разоренов К. И. Функция административного преследования в административно-юрисдикционном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

¹³ Винокуров А. Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 52–56.

¹⁴ Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 95–104 ; Панкова О. В. Процессуально-правовой механизм осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 182.

¹⁵ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Указ. соч. Гл. 1. § 1.3, 1.4.

ного ПДОАП, очевидно, связана с функциями государственного управления в той же сфере.

Достаточно близкими к функциям можно считать и задачи ПДОАП. Они в Кодексе содержатся в ст. 24.1 и изложены достаточно четко: всестороннее, полное, объективное выяснение обстоятельств дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения решения, выявление причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений. На выполнение тех же задач ориентированы и нормы, определяющие предмет доказывания (ст. 26.1), устанавливающие требования к оценке доказательств (ст. 26.11), порядку рассмотрения дела (ч. 3 ст. 29.4, ст. 29.13) и основания для отмены вынесенного постановления (ч. 4 ст. 30.7). Законодатель прямо не ассоциирует их с административным преследованием и защитой, но недвусмысленно ориентирует юрисдикционные органы на борьбу с правонарушениями. Таким образом, задачи ПДОАП оказываются связанными с предназначением самой административной ответственности.

Подобный подход соответствует и научным воззрениям. ПДОАП трактуется в науке как процессуальный порядок или процессуальная форма реализации института административной ответственности¹⁶. Соответственно, функ-

ция ПДОАП состоит в том, что оно должно быть оптимальной официальной формой, в рамках которой применяются меры административной ответственности.

Административная ответственность исторически выделилась из ответственности уголовной. Она, как правило, сопряжена с наказанием за деяния меньшей общественной опасности, налагаемым в рамках упрощенной процедуры¹⁷. Но особенность в том, что она заключается в реагировании на неподчинение установленному порядку управления и направлена на укрепление управленческих отношений. В то время как включение деяний в уголовное законодательство указывает на их общую антиобщественную направленность, административные правонарушения направлены против правомерной деятельности администрации¹⁸.

Приведенный подход с советской эпохи¹⁹ до настоящего времени наиболее распространен. Административная ответственность относится к административному принуждению²⁰, связывается с неисполнением публично-правовых обязанностей или нарушением запретов на совершение действий, подрывающих основы публичного правопорядка²¹. Известные ученые констатируют, что административная ответственность способствует восстановлению нарушенного порядка управления²², является

¹⁶ См., например: Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 522, 523; Иван Александрович Галаган и его научное наследие. С. 140; Аврутин Ю. Е. О соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Омск, 28 ноября 2014 г.) / отв. ред. Ю. П. Соловей. Омск: Омская юридическая академия, 2015. С. 22–23; Бахрах Д. Н., Хазанов С. Д., Демин А. В. Административное право России. М.: Норма, Инфра-М, 2000. С. 518; Шергин А. П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 145.

¹⁷ Кононов К. А. Развитие законодательства об административной ответственности в России // Lex russica. 2016. № 1. С. 34–37; Нестеров В. М. Направления совершенствования подсудности и дифференциации процессуальной формы при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 39–42.

¹⁸ Женетль С. З. Разграничение преступлений и административных правонарушений в российском и зарубежном законодательствах // Административное право. 2008. № 1.

¹⁹ Привод. по: Иван Александрович Галаган и его научное исследование. С. 133.

²⁰ Россинский Б. В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 6–24; Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права: учебник. М.: Кнорус, 2023. Гл. 5, § 5.2.

²¹ Машаров И. М., Кононов П. И. О проблеме понимания административной ответственности по действующему законодательству Российской Федерации // Административная ответственность: вопросы теории и практики. М., 2005. С. 39–40.

²² Мартынов А. В. К вопросу о возможности компенсации гражданско-правовых убытков, возникающих в результате совершения административного правонарушения // Актуальные проблемы предпри-

действенным средством обеспечения порядка и безопасности²³. Следует согласиться с суждением о том, что из административного права как отрасли публично-правового регулирования, обеспечивающего функционирование публичной администрации, выделились сферы ответственности субъектов общества за нарушение установленных публичной администрацией правил. Тем самым объективировались административно-деликтные отношения²⁴.

По причине широты сферы государственного управления административная ответственность перестала связываться лишь с административным порядком наложения наказания. Это дало возможность законодателю далее расширять сферу административно-деликтного правового регулирования²⁵. Неслучайно П. П. Серков определил административное правонарушение как межотраслевое виновное противоправное действие (бездействие)²⁶.

Словом, институт административной ответственности является «приводным ремнем» государственного управления. Посредством его публичная власть в рамках своего арсенала полномочий обеспечивает реализацию своей внутренней политики²⁷. С внутренней стороны функция ПДОАП заключается в оптимизации борьбы публичной администрации с неповиновением порядку управления путем всестороннего, полного и объективного рассмотрения соответствующих дел. В целом же функция ПДОАП выражается в том, что оно *способствует эффективности государственного*

управления путем преследования лиц, игнорирующих установленные формы реализации публичной администрацией внутренней политики. Тем самым позитивное государственное управление приобретает эффективность, а публичная власть успешно реализует собственные внутренние функции.

3. Внутренняя сторона функции ПДОАП в СОЮ

На первый взгляд, функция ПДОАП в СОЮ должна быть аналогичной, тем более что КоАП РФ не выделяет у судебного порядка функциональных особенностей. Однако в действительности ее вектор приобрел иное направление под влиянием не КоАП РФ, а конституционного законодательства, в первую очередь ст. 118, 120 и 123 Конституции РФ.

Более 20 лет Конституционный Суд РФ придерживается обоснованной ссылкой на эти положения точки зрения, согласно которой функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих сторон. Суд обязан обеспечить *справедливое* и *беспристрастное разрешение спора*, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и не может принимать на себя их процессуальные функции²⁸. Этот же подход распространен и на ПДОАП в СОЮ²⁹. Отмечено, что отсутствие в числе участников производства по делу должностных лиц, уполномоченных поддерживать обвинение, не свидетельствует о возложении

нимательского и корпоративного права в России и за рубежом : сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции (г. Москва, 22 апреля 2015 г.) / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М. : РАНХиГС при Президенте РФ. Юридический факультет имени М.М. Сперанского, Юстицинформ, 2015. С. 145–150.

²³ Макарейко Н. В. Административная ответственность в системе юридической ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 5–11.

²⁴ Колomoец Т. А., Колпаков В. К. Правовая идентификация административного судопроизводства в украинской административно-правовой науке // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 41–47.

²⁵ Голумян В. Г. Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // Lex russica. 2017. № 7. С. 151–165.

²⁶ Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. Гл. 2, § 1.

²⁷ Административная ответственность в области связи и информации : учеб. пособие / отв. ред. А. В. Сладкова. М., 2024. С. 7.

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 № 4-П // СЗ РФ. 2002. № 8. Ст. 894 ; постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 1086-О-О (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2024)).

на суд обязанности выполнять не свойственную ему функцию (обвинение)³⁰. В особых мнениях судей содержатся аналогичные суждения. Судья К. В. Арановский подчеркивает, что сбор доказательств — процессуальная функция заинтересованных участников производства по делу³¹. Судья Н. В. Витрук характеризует функцию ПДОАП в СОЮ при рассмотрении дел, отнесенных к судебной подведомственности, как функцию правосудия³².

О наличии как таковой функции судебных органов по рассмотрению дел об административных правонарушениях упоминает и Верховный Суд РФ³³. Встречаются и утверждения, дающие ей отдельные характеристики, в том числе воспроизводящие позицию Конституционного Суда РФ о недопустимости возложения на суд обвинительной функции³⁴. Дисциплинарная коллегия мотивирует вывод о наличии в действиях судьи дисциплинарного проступка тем, что судья в результате недобросовестного исполнения функции по отправлению правосудия допустил волокиту по делам об административных правонарушениях, что вызвало обоснованную жалобу гражданина на ограничение его конституционного права на судебную защиту и доступ к правосудию³⁵.

В практике кассационных судов содержатся аналогичные суждения о функции ПДОАП в СОЮ. Из нее исключается обвинение, а сама она соотносится с отправлением правосудия, всесторонним выяснением обстоятельств дела и беспристрастным разрешением дела по существу. На основе ст. 118 и 123 Конституции формулируется вывод, что суд, рассматривая дела об административных правонарушениях, осуществляет исключительно функцию правосудия

и не должен подменять органы и лиц, предъявляющих и обосновывающих обвинение³⁶. При отклонении доводов жалобы приводятся такие мотивы: из материалов дела не следует, что судья рассмотрел дело с обвинительным уклоном либо иным образом взял на себя не свойственную судам функцию, не связанную со всесторонним, полным, объективным и своевременным выяснением обстоятельств дела³⁷.

Конституционные нормы в их истолковании Конституционным Судом РФ проникают более глубоко в ПДОАП в СОЮ, разворачивая его функцию совершенно в другую сторону, чем предписано Кодексом. В результате порядок ПДОАП в СОЮ превращается в конгломерат разнородных процессуальных ориентиров, как будто, говоря метафорически, у судьи на одно плечо накинута мантия, а на другое пришит погон.

Итак, Конституция РФ в ч. 3 ст. 123 содержит норму о том, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Ввиду этого о необходимости справедливости и беспристрастности разрешения спора говорится и в выводах о действии в ПДОАП в СОЮ приведенных процессуальных принципов. В 2005 г. в определении по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав статьей 30.11 КоАП РФ Конституционный Суд РФ указал, что принципы состязательности и равноправия сторон должны распространяться на все стадии административного судопроизводства³⁸. Этот подход стал развиваться далее — при конституционно-правовом толковании ст. 30.11³⁹ и 30.15⁴⁰. В 2015 г. провозглашено, что и часть 2 ст. 29.5 КоАП РФ не препятствует реализации права на судебную защиту на основе состязательности и равноправия сторон⁴¹.

³⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2157-О ; определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1311-О ; определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1312-О.

³¹ Мнение судьи К. В. Арановского к определению Конституционного Суда РФ от 18.09.2014 № 1817-О.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 № 9-П. Особое мнение судьи Н. В. Витрука // СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2890.

³³ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 06.07.2023 № ДК23-62 ; апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25.05.2021 № АПЛ21-3Д.

³⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 13.11.2023 № 5-АД23-81-К2 ; постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2023 № 5-АД23-78-К2.

³⁵ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 22.07.2022 № ДК22-23.

³⁶ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2022 № 16-289/2022.

³⁷ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2023 № 16-6219/2023.

³⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 № 113-О // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2195.

³⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 113-О.

⁴⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2012 № 598-О.

⁴¹ Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2015 № 2482-О.

Те же конституционно-правовые ценности защищаются Верховным Судом РФ⁴². Ссылаясь на нормы ст. 118 и 123 Конституции РФ о состязательности и равноправии сторон в административном судопроизводстве, высшая судебная инстанция применительно к ПДОАП в СОЮ использует термин «стороны». Согласно же тексту Кодекса, таких участников производства по делу не существует. К сторонам, состязательность и равноправие которых нужно обеспечить, Верховный Суд РФ относит в одних актах лицо, в отношении которого ведется производство по делу, и прокурора⁴³, в других — лицо, в отношении которого ведется производство по делу, и потерпевшего⁴⁴. В руководящем разъяснении со ссылкой на ч. 3 ст. 123 Конституции РФ указывается на равенство прав участников судебного разбирательства по каждому делу на пользование в суде родным языком в силу ч. 2 ст. 26 Конституции РФ, ч. 2 ст. 9 ГПК РФ, ч. 2 ст. 18 УПК РФ, ч. 2 ст. 24.2 КоАП РФ⁴⁵. Как видим, ПДОАП в СОЮ с учетом конституционных норм ставится в один ряд с гражданским и уголовным процессом, а не приравнивается к общему порядку административно-юрисдикционной деятельности.

Этих же позиций придерживаются кассационные суды общей юрисдикции⁴⁶ и нижестоящие судебные инстанции. Например, дается полная оценка доводам жалобы лица, привлеченного к административной ответственности, о нарушении судами принципов состязательности и равноправия сторон, без ссылки на отсутствие таких принципов в тексте Кодекса⁴⁷.

Наконец, в 2011 г. состязательность и равноправие сторон были почти буквально рас-

пространены на ПДОАП в СОЮ федеральным конституционным законом. Конституционный принцип воспроизведен в ч. 4 ст. 5 Федерального конституционного закона РФ «О судах общей юрисдикции в РФ»⁴⁸. При этом в ч. 2 ст. 34 изложена норма, что в случаях, установленных федеральным законом, районный суд рассматривает дела об административных правонарушениях.

Словом, в свете конституционного законодательства функция ПДОАП в СОЮ вышла за пределы борьбы публичной власти с неповиновением порядку управления. Выделена важность элементов состязательности, недопустимости взятия судом обвинительной функции, а авторитетный самостоятельный процессуальный статус прокурора (ст. 25.11 КоАП РФ) низведен до стороны процесса. И при всем этом подчеркнута важность предоставления судебной защиты. *Борьба* с нарушениями порядка управления в рамках ПДОАП в СОЮ трансформировалась в разрешение *спора* между публичной администрацией, занятой такой борьбой, и обвиняемым ею лицом. *Законность* применения мер административной ответственности, на обеспечение которой ориентированы нормы КоАП РФ, превратилась в *справедливость*. Другими словами, в силу конституционного права ПДОАП в СОЮ предстоит обеспечить соответствие результата судебного процесса не столько воле законодателя, сколько признанным ценностям общества. Тем самым проявилась внутренняя сторона функции ПДОАП в СОЮ — *справедливое разрешение спора публичной администрации и частного лица, обвиняемого ею в неповиновении порядку управления*.

⁴² См., например: постановление Верховного Суда РФ от 13.11.2023 № 5-АД23-81-К2 ; постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2023 № 5-АД23-78-К2.

⁴³ Постановление Верховного Суда РФ от 13.11.2023 № 5-АД23-81-К2.

⁴⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 28.12.2023 № 83-АД23-10-К1 ; постановление Верховного Суда РФ от 07.04.2021 № 11-АД21-4 ; постановление Верховного Суда РФ от 27.07.2023 № 34-АД23-3-К3.

⁴⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

⁴⁶ См., например: постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2023 № 16-6219/2023 ; постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2022 № 16-289/2022.

⁴⁷ См., например: постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2022 № 16-2518/2022 ; решение Санкт-Петербургского городского суда от 14.11.2023 № 12-1261/2023.

⁴⁸ Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

4. Внешняя сторона функции ПДОАП в СОЮ

Для оценки внешней (основной) стороны функции судебного производства нужно ответить на вопрос: каковы *значение и критерии* разрешения судом такого спора?

Некоторые ученые представляют суд лишь как более компетентную структуру, которая обеспечивает лучшую реализацию затронутых прав и интересов⁴⁹. Однако высказываются и более весомые суждения. Как подчеркивает О. В. Панкова, в основе рассматриваемого в рамках КоАП РФ дела лежит такой административный конфликт, как административное правонарушение⁵⁰. Подобная позиция прослеживается у Л. Л. Попова⁵¹, и она вполне согласуется со складывающейся на основе конституционных норм судебной практикой. Соответственно, суду предстоит не исполнить волю публичной администрации, а осуществить ее ревизию, выбрав адекватный, взвешенный вариант разрешения управленческого конфликта.

Такое влияние судебной власти на публичную администрацию верно характеризуется как судебный контроль за административно-юрисдикционной деятельностью исполнительной власти⁵². Некоторые авторы осторожно ограничивают его контролем за законностью, избегая широкого понимания судебной прерогативы⁵³. Вместе с тем выражается и обоснованное актами Конституционного Суда РФ мнение о масштабном и фундаментальном характере судебного контроля в ПДОАП в СОЮ как кон-

троля судебной власти за деятельностью публичной администрации⁵⁴. Однако тогда каков его критерий, если это не законодательство?

Привлечение к административной ответственности осуществляется от имени государства и посредством применения права объективного. Однако для прояснения соотношения судебного и несудебного производства по административно-деликтным делам придется отойти от практически ставшего догмой в отраслевых юридических науках узкого понимания государства и права. Государство, как правило, трактуется в публично-правовых науках как публичная власть в лице того или иного государственного органа. В теории же государства и права тот же термин имеет три значения: 1) публичная власть; 2) страна в целом; 3) способ политико-территориальной организации общества, отличный от родоплеменного⁵⁵. Таким образом, не исключено, что привлечение к административной ответственности теоретически может осуществляться от имени государства как публичной власти, так и страны в целом.

Объективное право понимается преимущественно в узконормативном смысле — как законодательство⁵⁶. Такой подход в теории права называется позитивистским или легистским, но более распространены иные подходы, которые различают право и закон.

Административная ответственность сформировалась в советском праве в 1920-е гг.⁵⁷ в виде осуществляемого в рамках государственного

⁴⁹ Братановский С. Н. Административное право. Общая часть : учебник. М. : Директ-Медиа, 2013. Гл. 18, § 18.2 ; Борисов В. Предисловие к сборнику законодательных актов отдельных государств по административной юстиции. 2-е изд. М., 2013. С. 3.

⁵⁰ Панкова О. В. Административные дела и дела об административных правонарушениях как предмет административно-судебной юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 59–65.

⁵¹ Попов Л. Л. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль российского права // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 9–11.

⁵² Голумян В. Г. Указ. соч.

⁵³ Нестеров В. М. Указ. соч.

⁵⁴ Шишкина О. Е. Судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях: поиск конституционных рамок и стандартов правосудия (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 19–27.

⁵⁵ См.: Спиридонов Л. И. Указ. соч. Разд. I, гл. 2 ; Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2002. С. 54 ; Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 2001. С. 27 ; Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 43 ; Горбанок Н. А., Кучинский В. А. Общая теория права. Основные понятия и логические схемы. Минск, 1996. С. 13.

⁵⁶ См.: Лейст О. Э. Три концепции права // Государство и право. 1991. № 12.

⁵⁷ Отдельные авторы признают существование института административной ответственности и в актах дореволюционного права. Например, положение Комитета министров от 04.08.1842 «О мерах по искоренению в здешней столице беспорядков и злоупотреблений при продаже съестных припасов» (Пол-

управления порицания частного лица государством как *публичной властью* за неповиновение ее внутренней политике. Этот институт эволюционировал в том же русле. Соответственно, должностное лицо, привлекая к административной ответственности, во-первых, проводит в жизнь *волю государства как публичной власти*. Во-вторых, поскольку эта воля выражена в законе, несудебный юрисдикционный орган, находясь в системе органов исполнительной власти, применяет *право как законодательство*. Поэтому несудебное производство по делам об административных правонарушениях с теоретической точки зрения осуществляется на основании и во исполнение права в его *узко-нормативном понимании*.

Производство по делам об административных правонарушениях в народном суде целенаправленно формировалось для выполнения функции «другого порядка» — народной оценки осуществляемого госструктурами административного преследования. Далее тот же порядок эволюционировал до корректировки судом от имени государства как *страны* осуществляемого публичной властью административного преследования⁵⁸. Тем самым государство как *страна*, используя социальный институт суда, обеспечивает согласованное и гармоничное развитие общества посредством погашения конфликта между публичной властью и част-

ным лицом. Суд поддерживает позицию одной из спорящих сторон или выбирает иной вариант, соответствующий интересам социального целого.

Разумеется, судебный порядок относится к применению права, в частности к процессуальной или правоохранительной его форме⁵⁹. Применение права, в свою очередь, является одной из теоретико-правовых форм реализации права объективного⁶⁰. Но в данном случае отождествлять право с законодательством не совсем верно. В постсоветскую эпоху теория права, в отличие от процессуальных наук, отходит от позитивистских взглядов и различает право и закон. Право объективное в большей мере ассоциируется с социальными нормами, относящимися к нормам культуры. Они существуют в сознании общества и в значительной мере сложились исторически. Закон не рассматривается как явление, тождественное праву⁶¹, а считается *формой его выражения*. Конкретное же соотношение права и закона определяется неоднозначно — в рамках теории естественного права⁶², исторической⁶³, психологической⁶⁴, либертарно-юридической концепций⁶⁵ и др.⁶⁶ С учетом многообразия позиций, различающих право и закон, прочно опереться на какую-либо из них сложно. Наиболее приемлемым вариантом, по нашему мнению, можно считать интегративный подход⁶⁷. В такой трактовке право

ное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 17. Отд. I. № 15915) предусматривало внесудебное наложение различных наказаний Санкт-Петербургской городской думой. См.: *Зокиров Т. З.* Предпосылки принципа федерализма в правовом регулировании административной ответственности (на примере управленческих решений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117). С. 199–207.

⁵⁸ См. подробнее: *Щепалов С. В.* Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административной юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 297–312.

⁵⁹ См.: *Марченко М. Н.* Указ. соч. С. 608–611; *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права. М., 1998. Тема 16; *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права. М., 2001. Гл. 14.

⁶⁰ См., например: *Алексеев С. С.* Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бек, 1995. С. 251.

⁶¹ См.: *Ершов В. В.* Статус суда в правовом государстве. М., 1992. С. 11.

⁶² *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. Кн. 6. Гл. IV.

⁶³ *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права (конспект курса). СПб., 1994. С. 13.

⁶⁴ *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Теория и политика права: избранные труды. СПб., 2010. С. 252–268.

⁶⁵ *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 1997; *Он же.* Общая теория права и государства. М.: Норма, 2002.

⁶⁶ См.: *Шафиров В. М.* Естественное-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск: ИЦКрасГУ, 2004. С. 94.

⁶⁷ См.: *Евдеева Н. В.* Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 3–9; *Палеха Р. Р.* Интегративная концепция правопонимания: аргументы «за» // История государства и права. 2009. № 21; *Мартышин О. В.* Совместимы ли основ-

представляется как средство *социального компромисса*. Оно образовано совокупностью воли публичной администрации, иных социальных сил, общества в целом, а также множества его членов⁶⁸. В. В. Ершов предлагал в связи с этим дополнить Конституцию РФ статьей, закрепляющей такую высшую цель нашего государства, как защита прав и интересов граждан, основанных на общепризнанных человеческих ценностях⁶⁹. В свете этой теории право объективно выражает согласованную волю членов общества в отношении основных общественных ценностей и организации жизнедеятельности общества как социального целого. Оно представляет собой сложившиеся в обществе и являющиеся результатом социального компромисса наиболее значимые для сохранения и развития общества социальные нормы. Именно по этим причинам их соблюдение подкреплено государственным или общественным принуждением.

Тем не менее нам нужно возвратиться к процессуальной терминологии. Наиболее близким юридическим термином к такому абстрактному, но важному явлению, как общепризнанные социальные нормы, можно считать *общеправовые принципы и ценности*, в первую очередь — закрепленные конституцией страны. И функция ПДОАП в СОЮ, в силу Конституции РФ связанная со справедливым разрешением публично-правового конфликта, предполагает ракурс процессуальной деятельности, ориентированный на реализацию принципов. Искомая функция связана с внешним пересмотром управленческой инициативы публичной власти, на которую судебная власть смотрит не как ее звено, а под углом или в проекции. При этом основным критерием, на который ориентируется суд, является положение закона в свете конституционных и иных общеправовых принципов, укорененных в культуре общества в качестве общепризнанных социальных норм.

Заключение

Таким образом, ПДОАП в СОЮ выполняет *функцию независимой внешней ревизии управленческой инициативы публичной администрации, выраженной в актах органа административного преследования или несудебного органа административной юрисдикции, на предмет соответствия закону в свете общеправовых принципов и ценностей*. Такую функцию можно обобщенно охарактеризовать как конституционно-правовую. Сегодня это предназначение ПДОАП в СОЮ опирается именно на нормы Конституции РФ как основного закона, содержащего общепризнанные принципы и ценности российского общества.

К сожалению, в настоящее время такая функция — тяжелый крест для судей общих судов. Они ежедневно ищут компромисс между конституционными нормами и КоАП РФ, высматривают в его тексте институт сторон, которого там нет, пытаются, вопреки Кодексу, превратить следственный процесс в состязательный, допрашивают предъявившего доверенность представителя отдела полиции как свидетеля, к его изумлению. Автор, занимающийся тем же самым более 15 лет, знает и ценит выдержку и способности уважаемых коллег. Однако вынужден признать, что перспективы такой практики в рамках действующего КоАП РФ совсем не радужны.

Поэтому хотелось бы на страницах авторитетного журнала поделиться с читателем мыслью о том, что по своей функции ПДОАП в СОЮ не объединено с несудебным производством в однородную процессуальную деятельность. ПДОАП в СОЮ не является продолжением административно-юрисдикционной деятельности органов управления. Перед ним поставлены задачи *проверки ее результата* путем: а) исправления правовых ошибок посредством надления применяемой нормативной базы более полным смыслом в свете общеправовых принципов; б) корректировки дискреционного

ные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21 ; Лизикова И. И. Концептуальные подходы к определению права в юридической науке // История государства и права. 2010. № 13. С. 20–23 ; Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 68–84 ; Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. § 9.6 ; Мелехин А. В. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2009. Гл. 8, § 8.2.

⁶⁸ См.: Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд. § 9.6.

⁶⁹ Ершов В. В. Указ. соч. С. 27.

решения через устранение диагностируемого при помощи того же критерия дисбаланса частных и публичных интересов.

Поэтому автор соглашается с мнением С. А. Старостина о том, что судьи должны заниматься судебным контролем, квалификацией деяний, их оценкой. Задача органов исполнительной власти состоит в выявлении правонарушений и принятии (лучше прямо на месте) решения о привлечении к административной ответственности⁷⁰. И точка зрения Б. В. Россинского, в соответствии с которой для государства более приемлема в основном несудебная модель производства по делам об административных правонарушениях⁷¹, также, безусловно, конструктивна.

Основным видом ПДОАП в СОЮ действительно должен являться пересмотр постановлений административных органов. Непосредственно же протокол (а не постановление) должен рассматриваться судьей по делам,

представляющим повышенную юридическую сложность в части системного толкования законодательства, а также связанным с необходимостью весомых дискреционных суждений. К последним можно отнести дела, где есть возможность дискреционного назначения строгого наказания или где диспозиция статьи носит выражено оценочный характер. Допустим, содержит такие юридические конструкции, как «нарушение общественного порядка», «дискредитация», «явное неуважение к обществу», «унижение чести и достоинства» и др.

По приведенным причинам необходимость принятия единого процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях видится сомнительной. В рамках третьей кодификации целесообразнее изъять из КоАП РФ не всю процессуальную часть, а нормы о ПДОАП в СОЮ, выделив их в отдельный процессуальный закон с возможным названием «О судебной административной юрисдикции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винокуров А. Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 52–56.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1970. 250 с.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР: процессуальное регулирование. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1976. 198 с.

Гюлумян В. Г. Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // Lex russica. 2017. № 7. С. 151–165.

Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2003. 272 с.

Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. М., 1992. 206 с.

Зокиров Т. З. Предпосылки принципа федерализма в правовом регулировании административной ответственности (на примере управленческих решений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117). С. 199–207.

Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 518–524.

Кононов К. А. Развитие законодательства об административной ответственности в России // Lex russica. 2016. № 1. С. 34–37.

Макарейко Н. В. Административная ответственность в системе юридической ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 5–11.

⁷⁰ Старостин С. А. Перспективы кодификации норм административно-процессуального права // Актуальные проблемы административного судопроизводства : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 28 июля 2014 г.) / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуж. юрист РФ Ю. П. Соловей. Омск, 2015. С. 250–262.

⁷¹ Россинский Б. В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49–51.

Маматказин И. Р. Значение понятийного аппарата для выявления сущности и функции социально-обеспечительных выплат // Социальное и пенсионное право. 2023. № 3. С. 27–33.

Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13–21.

Нестеров В. М. Направления совершенствования подсудности и дифференциации процессуальной формы при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 39–42.

Панкова О. В. Административные дела и дела об административных правонарушениях как предмет административно-судебной юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 59–65.

Панкова О. В. Процессуально-правовой механизм осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 592 с.

Попов Л. Л. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль российского права // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 9–11.

Разоренов К. И. Функция административного преследования в административно-юрисдикционном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 181 с.

Россинский Б. В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49–51.

Россинский Б. В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 6–24.

Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 480 с.

Старостин С. А. Перспективы кодификации норм административно-процессуального права // Актуальные проблемы административного судопроизводства : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 28 июля 2014 г.) / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуж. юрист РФ Ю. П. Соловей. Омск, 2015. С. 250–262.

Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 95–104.

Шафиров В. М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск : ИЦКрасГУ, 2004. 259 с.

Шергин А. П. Административное преследование как функция административно-юрисдикционного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 155–162.

Шергин А. П. Административно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 140–147.

Шишкина О. Е. Судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях: поиск конституционных рамок и стандартов правосудия (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 19–27.

Щепалов С. В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административной юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 297–312.

REFERENCES

Dugenets AS. *Administrative Jurisdictional Process*. Moscow: All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2003. (In Russ.).

Galagan IA. *Administrative Liability in the USSR (A State and Material Law Study)*. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1970. (In Russ.).

Galagan IA. *Administrative Liability in the USSR: Procedural Regulation*. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1976. (In Russ.).

Gyudumyan VG. Administrative responsibility in retrospect and prospect. *Lex russica*. 2017;7:151-165. (In Russ.).

Kaplunov AI. Administrative responsibility as a form of administrative coercion. *Siberian Legal Review*. 2019;16(4):518-524. (In Russ.).

Kononov KA. The development of the law on administrative responsibility in Russia. *Lex russica*. 2016;1:34-37. (In Russ.).

- Makareyko NV. Administrative responsibility in the system of public legal responsibility. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2020;4:105-110. (In Russ.).
- Mamatkazin IR. The importance of the conceptual framework in revealing the nature and function of social security payments. *Social and Pension Law*. 2023;3:27-33. (In Russ.).
- Martyshin OV. Can the main types of understanding of law be compatible? *The State and Law*. 2003;6:13-21. (In Russ.).
- Nesterov VM. Areas of the improvement of jurisdiction and differentiation of the procedural form in hearing of administrative offense cases by courts. *Administrative Law and Procedure*. 2022;6:39-42. (In Russ.).
- Pankova OV. Administrative cases and cases of administrative offences as the subject of administrative and judicial jurisdiction. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2019;5:59-65. (In Russ.).
- Pankova OV. The procedural and legal mechanism for the administration of justice in cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2022. (In Russ.).
- Popov LL. Administrative procedure law as an independent branch of the Russian law. *Administrative Law and Procedure*. 2019;5:9-11. (In Russ.).
- Razorenov KI. The function of administrative prosecution in the administrative jurisdiction process. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).
- Rossinskiy BV. Is the delineation between administrative proceedings and proceedings regarding administrative offenses definitive? *Journal of the Administrative Proceedings*. 2016;1:49-51. (In Russ.).
- Rossinskiy BV. Reflections about the government and administrative responsibility. *Administrative Law and Procedure*. 2016;5:6-24. (In Russ.).
- Serkov PP. Administrative Liability in Russian Law: Contemporary Understanding and New Approaches. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).
- Shafirov VM. Natural-Positive Law: An Introduction to the Theory. Krasnoyarsk: ITs KrasGU Publ.; 2004. (In Russ.).
- Shchepalov SV. On the origins of administrative and judicial discretion in Russian administrative and jurisdictional activities. *Siberian Legal Review*. 2023;20(3):297-312. (In Russ.).
- Shergin AP. Administrative jurisdictional process as a form of a legal process. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2015;8:140-147. (In Russ.).
- Shergin AP. Administrative prosecution as a function administrative-jurisdictional process. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2023;2:155-162. (In Russ.).
- Shishkina OE. Proceedings on administrative offences: search for constitutional frameworks and standards of justice (on the basis of the Russian Constitutional Court's case-law). *Journal of Constitutional Justice*. 2015;3:19-27. (In Russ.).
- Starostin SA. Prospects for the Codification of Administrative Procedural Law Standards. In: Solovey YuP (ed.). *Current Issues in Administrative Proceedings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, 28 July 2014)*. Omsk; 2015. (In Russ.).
- Tuzov NA. The expression of the functions of judicial authorities in judicial acts. *Journal of Russian Law*. 2008;10:95-104. (In Russ.).
- Vinokurov AYU. Administrative pursuit as function of office of public prosecutor of Russian federation: theoretical, legal and organizational aspects. *Administrative and Municipal Law*. 2012;10:52-56. (In Russ.).
- Yershov VV. *The Status of the Court in a Rule of Law State*. Moscow; 1992. (In Russ.).
- Zokirov TZ. Prerequisites of the principle of federalism in the legal regulation of administrative responsibility (on the example of managerial decisions). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;5(117):199-207.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щепалов Станислав Владимирович, кандидат юридических наук, судья Верховного Суда Республики Карелия
д. 27, Кирова ул., г. Петрозаводск 185910, Российская Федерация
schepalov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav V. Shchepalov, Cand. Sci. (Law), Judge of the Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russian Federation.
schepalov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 5 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 2 марта 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 05.11.2024.

Revised 02.03.2025.

Accepted 15.06.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.034-047

А. В. КорепинаСеверо-Западный институт (филиал)
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Вологда, Российская Федерация

Экспертная деятельность в сфере государственного управления: конструирование дефиниции в праве

Резюме. В современном мире широко распространено использование экспертных компетенций для обоснования принятия управленческих решений. Значительный объем экспертной деятельности реализуется в сфере государственного управления, где она имеет свое правовое оформление. Вместе с тем системообразующего закона, определяющего основы организации экспертной деятельности в сфере государственного управления, в Российской Федерации нет. Для аргументации значимости проблемы и демонстрации имеющихся в научной литературе подходов в статье проведен системный анализ понимания экспертной деятельности учеными разных специальностей, а также обобщены взгляды ученых-юристов на проблему отсутствия единой научной и правовой основы регулирования отношений, возникающих при осуществлении экспертной деятельности в сфере государственного управления. Особое внимание уделено терминологической базе понятия данного вида экспертной деятельности для определения его места и роли в системе государственного управления. Предложен авторский подход к формулированию дефиниции «экспертная деятельность в сфере государственного управления». Получить научно обоснованную конструкцию позволило применение одного из категориальных методов системного анализа. С помощью формально-логического способа определения понятия выделены необходимые и достаточные условия существования правовой категории «экспертная деятельность в сфере государственного управления». Полученный результат может заложить фундамент для совершенствования понятийного аппарата законодательства об экспертной деятельности в сфере государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление; эксперт; полномочие по организации и проведению экспертиз; экспертная деятельность; государственно-управленческое решение; формально-логическое определение понятия

Для цитирования: Корепина А. В. Экспертная деятельность в сфере государственного управления: конструирование дефиниции в праве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 34–47. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.034-047

Expert Activity in Public Administration: Constructing a Definition in Law

Anna V. KorepinaNorth-Western Institute (Branch)
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vologda, Russian Federation

Abstract. In the modern world, the use of expert competencies to justify management decisions is widely spread. A significant amount of expert activity takes place in the field of public administration, where it has its legal framework. However, there is currently no comprehensive law in the Russian Federation that defines the foundations for organizing expert activity in the field of public administration. To substantiate the significance of this issue and demonstrate the existing approaches in the scientific literature, the paper provides a systematic analysis of the understanding of expert activity by scholars from various disciplines and summarizes the views of legal scholars on the problem of the lack of a unified scientific and legal basis for regulating the relationships

© Корепина А. В., 2025

arising from the implementation of expert activity in public administration. Special attention is given to the terminological foundation of this type of expert activity to determine its place and role in the public administration system. The author offers a novel approach to formulating the definition of «expert activity in the field of public administration». The application of one of the categorical methods of systematic analysis has allowed for the development of a scientifically grounded construct. Through the formal-logical method of defining the concept, the author elucidates the necessary and sufficient conditions for the existence of the legal category «expert activity in the field of public administration». The outcome obtained may serve as a basis for improving the conceptual framework of legislation on expert activity in the field of public administration.

Keywords: state administration; expert; authority for organizing and conducting examinations; expert activity; state management decision; formal-logical definition of the concept

Cite as: Korepina AV. Expert Activity in Public Administration: Constructing a Definition in Law. *Lex russica*. 2025;78(7):34-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.034-047

Введение

Одна из правовых категорий, к сожалению, не получившая должного концептуального и нормативного оформления, — экспертная деятельность в сфере государственного управления. Общие законодательные положения о ней отсутствуют. Нормы, регламентирующие особенности реализации экспертной деятельности в сфере государственного управления, составляют предмет регулирования многих отраслей права, а проблемы привлечения экспертов к решению государственных задач являются объектом изучения не только юридических, но и иных наук. Их обзор показал недостаточность доктринальных суждений в праве относительно сущности экспертной деятельности, реализуемой в сфере государственного управления, а также отсутствие единообразия и системности правового регулирования вопросов организации и проведения экспертиз в этой сфере.

Актуальность исследования обусловлена особым вниманием к обозначенной проблеме со стороны научного сообщества. Учеными, затрагивающими вопросы реализации государственными органами возложенных на них

полномочий по организации и проведению экспертиз, экспертная деятельность в сфере государственного управления рассматривается как «неотъемлемый атрибут процесса принятия решений на любом уровне управления»¹, «один из наиболее эффективных инструментов увеличения объективности и обоснованности принимаемых управленческих решений при решении органами власти общественно значимых проблем»², «важнейшее средство информационного, научно-технического и технологического обеспечения в структуре объективизации принятия правовых и управленческих решений в любых сферах деятельности»³.

Вместе с тем отмечаются «непроработанность» вопроса в управленческой среде⁴, «недостаточное внимание законодателя к вопросам системного регулирования экспертной деятельности»⁵, выдвигаются предложения о необходимости формирования специальной экспертной политики в Российской Федерации, опирающейся на концептуальные научно-методологические исследования в этой сфере⁶, и «развертывания экспертной деятельности» посредством внедрения экспертной функции на

¹ Бишманов Б. М. Судебный эксперт и судебный специалист : монография. М. : Московский психолого-социальный университет, 2022. С. 68.

² Зотов В. В. Организация экспертной деятельности на цифровых сетевых платформах // Управленческое консультирование. 2022. № 11 (167). С. 63.

³ Колдин В. Я., Смирнова С. А. Экспертиза в управлении и праве // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 1 (25). С. 32.

⁴ Аристархов А. Е., Сухорукова Н. Ф. Экспертиза как вид профессиональной деятельности // Дискурс. 2018. № 2 (16). С. 113.

⁵ Биктимиров М. Р., Пилипенко О. В., Сафонов М. С. О девальвации экспертного мнения, или Зачем нам закон об основах экспертной деятельности // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 3. С. 22.

⁶ Мамитова Н. В. Экспертиза как междисциплинарный институт // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 105–106.

всех уровнях власти, при этом она должна стать центральной в государственном управлении⁷.

Обзор зарубежной научной литературы также показал повышенный интерес ученых к вопросам привлечения экспертов к решению государственных задач. Проблемы эффективности и качества государственного управления в современную эпоху изучаются через призму анализа экспертных позиций по актуальным направлениям общественного развития⁸. Однако и здесь недостаточно разработан институт экспертизы в аспекте общей теории принятия управленческих и правовых решений⁹.

Управленческий подход к экспертной деятельности в науке

Вопросы использования экспертных знаний для решения управленческих задач — предмет обсуждения представителей разных специальностей.

Активный интерес к экспертной деятельности проявляется в области технических наук, где процессам управления уделяется особое внимание. Развитие информационно-коммуникаци-

онных технологий послужило основанием для исследования проблем разработки и использования экспертных систем¹⁰, сетевой экспертизы¹¹, экспертных технологий¹² при принятии управленческих решений.

В этой сфере научных знаний отметим работы Ю. В. Сидельникова, который, опираясь на теорию определений как раздела математической логики, представил терминологическую структуру предметной области экспертологии. Он разработал систему понятий, используемых в различных видах экспертиз, схематизировав ее в виде связного ориентированного графа. Для обоснования вводимых определений ученый применил специализированную разновидность метода контрольных вопросов. На его основе он сформулировал экспертологию как междисциплинарное направление в системе наук о принятии решений и сконструировал ее понятийный аппарат¹³.

Управленческий подход к исследованию экспертной деятельности, безусловно, присутствует в политологических науках, где экспертиза рассматривается в качестве необходимой составляющей государственной политики¹⁴, задачей которой является «четкое обоснова-

⁷ Волков В. И., Сухарев О. С., Чичканов В. П. Экспертиза решений в системе государственного управления // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. № 1 (181). С. 84–87.

⁸ Бельский В. И., Примшиц Д. В., Тригубович Л. Г. Развитие аналитических компетенций академических кластеров как инструмент усиления экспертного сопровождения государственного управления // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2020. № 65 (3). С. 367–376 ; Yang L. Developing collaboration between research-oriented and practice-oriented experts in public administration: How does expert participation make a difference in public policy making and governance practice? // Public Policy and Administration. 2020. № 38 (1). P. 1–25 ; Fejes E., Futó I. Artificial intelligence in Public Administration — Supporting Administrative Decisions // Public Finance Quarterly. 2021. № 66 (S1). P. 23–51 ; Edelmann N., Mergel I. Co-Production of digital public services in Austrian public administrations // Administrative Science. 2021. № 11 (1). P. 1–21 ; Brinkmann M., Heine M. The Implementation of New Public Governance Through Blockchain: A Delphi-based analysis // ACM International Conference Proceeding Series. Association for Computing Machinery. 2022. October 4–7. P. 1–9.

⁹ Abboskhonov T. K. U. Concept and Purposes of Conducting Scientific-Legal Expertise of Draft Laws // The American Journal of Political Science Law and Criminology. 2021. № 3 (7). P. 19–26.

¹⁰ Попов Э. В. Экспертные системы: решение неформализованных задач в диалоге с ЭВМ. М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987.

¹¹ Сетевая экспертиза / под ред. чл.-к. РАН Д. А. Новикова, проф. А. Н. Райкова. М. : Эгвес, 2010.

¹² Литвак Б. Г. Экспертные технологии в управлении. М. : Дело : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. 2004 ; Сидельников Ю. В. Системный анализ технологии экспертного прогнозирования. М. : МАИ-Принт, 2007.

¹³ Сидельников Ю. В. Экспертология — новая научная дисциплина // Автоматика и телемеханика. 2000. № 2. С. 107–126 ; Он же. Формирование понятийно-терминологического аппарата экспертологии // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 18–30.

¹⁴ Марченко Г. И. Политическая экспертиза как элемент политического маркетинга // Практический маркетинг. 2012. № 7. С. 31.

ние цели политического решения и результата ее реализации»¹⁵. Внимание политологов сосредоточено на вопросах влияния экспертной деятельности на процесс принятия политико-управленческих решений. Предмет исследований — типы экспертных сообществ, их функции, реализуемые при взаимодействии с органами государственной власти, а также возникающие при этом проблемы, в том числе несовершенство нормативно-правовой базы об экспертной деятельности¹⁶. Проводятся социологические исследования проблем реализации экспертной деятельности¹⁷. Именно в этой области науки появился такой термин, как «экспертократия»¹⁸, введение которого в научный оборот стало предметом острых дискуссий¹⁹.

Системное исследование экспертной деятельности в сфере принятия политико-управленческих решений проведено А. Ю. Сунгуровым. Результаты его работы нашли отражение в монографии²⁰, в которой он посредством анализа этапов развития влияния экспертов на принятие политико-управленческих решений выделил основные модели и практики взаимо-

действия экспертного сообщества с органами государственной власти в Российской Федерации и рассмотрел функции экспертизы в зависимости от вида экспертной деятельности и статуса эксперта.

В экономике управленческий подход к экспертной деятельности обусловлен необходимостью изучения роли экспертов в решении задач оптимизации социального и производственного управления и повышения качества продукции²¹. Экономический анализ экспертной деятельности представлен в научной статье, подготовленной Д. А. Ендовицким и С. А. Подлесных. С помощью системного подхода ученые обобщили основные теоретические положения организации экономического анализа экспертной деятельности с обоснованием организационных этапов его проведения²².

В юриспруденции особое внимание уделяется государственной судебно-экспертной деятельности. В этой сфере выработаны основные научные концепции относительно закономерностей ее возникновения, формирования, функционирования и развития²³. Отношения,

¹⁵ Казаков М. А., Беспалов Д. Н. Публичная экспертиза: проблемы институционализации в приоритетах политики развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20. № 1–2. С. 65.

¹⁶ Сосунов Д. В. Роль экспертного сообщества в процессе принятия политических решений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2012. № 1. С. 170–172.

¹⁷ Варфоломеев А. А., Иванов О. П., Сурма И. В., Трефилова Ю. А. Экспертно-аналитическая поддержка внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 22–48; Тимебулатова Н. Э., Арсенов В. В., Красюков А. В. Применение социологических методик при экспертизе нормативных правовых актов // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 58–66.

¹⁸ Ашкерев А. А. Экспертократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2009.

¹⁹ Егоров В. К. «Экспертократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3. С. 5–12; Нестеров А. В. Экспертократия в России // The soviet and post-soviet review. 2014. № 41. С. 281–295; Равочкин Н. Н. Переход современного мира к экспертократии: социально-философский анализ // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 22–27.

²⁰ Сунгуров А. Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

²¹ Бездудная А. Г., Растова Ю. И. Нарративы экспертной деятельности в области инжиниринга // Проблемы современной экономики. 2022. № 2 (82). С. 189–191.

²² Ендовицкий Д. А., Подлесных С. А. Организационные этапы экономического анализа экспертной деятельности в условиях конкурентной среды // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 4 (160). С. 58–70.

²³ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979; Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2023; Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2023; Майлис Н. П. Настольная книга эксперта: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2023.

складывающие по поводу организации и производства судебной экспертизы, регламентированы Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»²⁴, а порядок ее назначения — процессуальным законодательством.

Для иных видов экспертиз, реализуемых в целях решения государственных задач, единой законодательной базы не создано. Правовые нормы рассредоточены в актах различной юридической силы как федерального, так и регионального уровня. Их анализ показал неоднозначный взгляд законодателя на формулирование понятия экспертизы; определение целей и задач экспертиз, объектов и предмета экспертных исследований; регламентацию правового статуса экспертов и экспертных организаций; процедурные вопросы организации и проведения экспертиз в сфере государственного управления, оформления их результатов.

Именно поэтому исследование управленческих проблем организации экспертной деятельности в праве осуществляется учеными разных юридических специальностей. Так, еще в 1999 г., отмечая важность управленческого подхода к государственной экспертной деятельности, В. Я. Колдин указал на то, что разработка проблем экспертизы в этом ключе позволит достигнуть правильного и единообразного понимания ее как средства оптимизации правовых и управленческих решений, повысить их объективность и обоснованность, подготовить научную базу для унификации существующего и вновь создаваемого законодательства в сфере организации, производства и использования экспертизы во всех областях хозяйственной, управленческой и правовой деятельности, создать оптимальные условия для обеспечения качества экспертной деятельности, повысить авторитет экспертной работы, определить правовой статус участников экспертной деятельно-

сти. Он изложил свое видение на ряд базовых определений и принципов, которые могли бы быть использованы при подготовке федерального закона об основах экспертной деятельности в Российской Федерации²⁵. Впоследствии терминология, предложенная ученым, частично вошла в Модельный закон об экспертизе и экспертной деятельности²⁶.

Широкий взгляд на экспертную деятельность в праве представлен в трудах А. В. Нестерова. Ученый изложил оригинальные идеи относительно формирования нового научного направления в сфере экспертного права — «экспертики» — как одной из юридических наук, в которой предметом исследования выступают не только судебная экспертиза, но и экспертиза в правоприменительной деятельности органов законодательной и исполнительной власти. Автор настаивает на том, что, с учетом межотраслевого характера экспертной деятельности и применения экспертизы во всех отраслях юридической деятельности, экспертика как теория должна состоять из «общей теории экспертизы, теории семейств экспертизы (общей теории судебной экспертизы, теории экспертизы в деятельности законодательной власти и теории экспертизы в деятельности исполнительной власти) и особенностей теории экспертизы в различных родах юридически значимых процессов»²⁷.

В последнее время наблюдается всплеск научного интереса к правовым проблемам реализации экспертной деятельности, что объясняется усложнением политических и социально-экономических отношений, юридическое оформление которых зачастую требует применения профессиональных компетенций экспертов. В литературе обсуждаются вопросы ее правовой регламентации с отраслевой направленностью²⁸, указывается на отсутствие единообразия в регулировании отношений, возникающих при проведении «несудебных» экспертиз, и необходимость приведения рос-

²⁴ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

²⁵ Колдин В. Я. Экспертиза и право // Законодательство. 1999. № 9. С. 69–82.

²⁶ Принят в г. Санкт-Петербурге 13 апреля 2018 г. постановлением № 47-7 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2018. № 69 (ч. 1).

²⁷ Нестеров А. В. Экспертика: общая теория экспертизы. М. : Типография НИУ ВШЭ, 2014. С. 252–253.

²⁸ Бочкарева Е. А., Бутько Л. В. Некоторые проблемы доктринирования экспертной деятельности и экспертизы в сфере финансовых правоотношений // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 209–216 ; Крашенинникова Ю. А. Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ) // Управленческое консультирование. 2019. № 3 (123). С. 87–103 ; Баранова М. В. Ненадлежащая реклама в современной России:

сийского законодательства об экспертизе в соответствии с правом ЕАЭС²⁹.

К сожалению, в юридической науке, занимающейся вопросами организации государственного управления в Российской Федерации, эти проблемы пока не получили должного освещения. В теории административного права отсутствуют фундаментальные работы, посвященные организации экспертной деятельности в системе исполнительной власти. В частности, не систематизированы правовые основы экспертной деятельности в сфере государственного управления, не выработан единый понятийно-категориальный аппарат в этой области, не получили научного осмысления вопросы определения административно-правового статуса экспертов и административной процессуализации экспертной деятельности.

При этом на указанные проблемы ученые-административисты обращали внимание неоднократно. Так, Д. В. Осинцев в качестве одного из вызовов современному администрированию обозначил неопределенность правового статуса экспертов, деятельность которых влияет на принятие государственных управленческих решений³⁰. Отсутствие единых законодательно закрепленных задач, функций и принципов экспертной деятельности, ее четких ограничений от смежных видов деятельности, стихийность нормотворчества в этой области констатировал А. Н. Миронов³¹. Т. В. Федорова отметила, что «законодатели уже более 20 лет широко упоминают в законах институт экспертизы в административно-правовых процедурах, но сам правовой институт экспертизы в юриспруденции находится в зачаточном состоянии»³².

Решение обозначенных проблем на первоначальных этапах исследования видится в

определении границ искомого понятия, позволяющем идентифицировать объект познания в системе сходных правовых категорий. Выполнение поставленной задачи научным путем возможно исключительно с применением соответствующего объекту исследования методологического подхода. Для этого автором статьи использован категориальный метод системного анализа — формально-логическое определение понятия.

Экспертная деятельность в сфере государственного управления: формально-логическое определение понятия

Формально-логический метод определения понятия основан на перспективном подходе к содержанию и объему понятий, сформулированном профессором В. А. Светловым, который отмечает, что не количество признаков, а «собщаемая понятием логическая информация» должна считаться важнейшим признаком его содержания³³.

Описание метода

Применение формально-логического метода определения понятия предполагает исследование объекта через определение объема родового понятия (универсума) как «ближайшего обобщающего класса, образованного сложением объемов определяемого понятия и его дополнения». В. А. Светлов указывает на то, что «ни одно понятие не существует само по себе, а только в определенной иерархии понятий». С помощью метода проводится анализ объекта (класс) в системе родовых объектов. Первоначально происходит установление родовых объ-

правовые проблемы подготовки и реализации результатов экспертизы // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 76–82.

²⁹ Диканова Т. А. Вопросы совершенствования законодательства об экспертной деятельности // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 96–105.

³⁰ Осинцев Д. В. Реалии государственного управления и предмет административной науки // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 32. С. 31–34.

³¹ Миронов А. Н. Административные процедуры технологии подготовки нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти : монография / под общ. ред. А. С. Дугенца. Владимир : ВИТ-Принт, 2012. С. 166.

³² Федорова Т. В. Усиление роли эксперта в достижении цели производства по делам об административных правонарушениях, выявляемых в ходе контрольно-надзорной деятельности // Актуальные проблемы оптимизации внесудебного и судебного порядков разрешения административных дел, возникающих из отношений государственного контроля и надзора : сборник статей / отв. ред. А. И. Стахов. М. : РГУП, 2021. С. 83.

³³ Светлов В. А. Логика : учеб. пособие. М. : Логос, 2020. С. 37–38.

ектов, не обладающих признаками изучаемого понятия (дополнение к классу). Далее устанавливаются условие, которому должны отвечать все без исключения элементы класса (необходимое условие) и, возможно, некоторые из элементов дополнения, и условие, которому отвечают некоторые, а возможно, и все элементы класса, но ни один из элементов дополнения (достаточное условие)³⁴.

Результаты исследования и обсуждение

Для исследуемой автором статьи экспертной деятельности в сфере государственного управления (класс) родовым объектом выступает регламентируемая нормами права экспертная деятельность (универсум). Отсюда необходимыми условиями существования исследуемой правовой категории в данном качестве выступают: во-первых, применение специальных знаний экспертов в государственно-управленческой деятельности; во-вторых, ее правовая регламентация посредством нормативного закрепления прав и обязанностей участников экспертных правоотношений. Безусловно, указанное качество характерно для любого вида экспертной деятельности, реализуемой не только в сфере государственного управления, но и в законодательной, судебной и иных областях, связанных с принятием обоснованных государственных решений.

Поэтому важным представляется выделение отличительных свойств экспертной деятельности в сфере государственного управления, обусловленных определением достаточных условий отнесения исследуемых объектов к классу, то есть тех основных элементов, которые будут характеризовать ее как экспертную деятельность, реализуемую в сфере государственного управления.

Чтобы определить их состав, необходимо обратиться к вопросу о содержании сферы госу-

дарственного управления, являющемуся одним из фундаментальных для организации государственной власти и правового обеспечения ее деятельности. Его исследованию посвящены многочисленные труды, отражающие научные взгляды на систему, цели и задачи, формы и методы государственного управления. Наиболее обсуждаемая проблема в контексте их анализа — соотношение таких категорий, как «государственное управление» и «исполнительная власть (исполнительно-распорядительная деятельность)». На основе этого в юридической литературе обоснованы два подхода к пониманию государственного управления.

Широкая концепция определяет государственное управление через деятельность всего сформированного государством аппарата органов. Она нашла свое нормативное отражение в ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³⁵, где под государственным управлением понимается деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Узкое понимание государственного управления связано с подзаконной исполнительно-распорядительной деятельностью специальных органов государственной власти. Именно поэтому в отдельных источниках этот вид государственной деятельности именуют административной деятельностью³⁶, административной властью³⁷. В юридической литературе государственное управление рассматривается как «практическая социально значимая основа»³⁸, «материальная база»³⁹, «ядро»⁴⁰ административного права. Сама же система административно-правового регулирования придает сфере государственного управления юридическую форму, обеспечи-

³⁴ Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) : учебник. М. : Инфра-М, 2023. С. 91–92.

³⁵ СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

³⁶ Стариков Ю. Н. Административное право : в 2 ч. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. Ч. 1. С. 156 ; Машаров И. М. Административно-публичная деятельность в России: проблемы правового регулирования : монография. М. : Юрист, 2004. С. 15–16.

³⁷ Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. С. 9–12.

³⁸ Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старикова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. Ч. 1. С. 27.

³⁹ Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления в России. Избранное. М. : Норма, Инфра-М, 2015. С. 10.

⁴⁰ Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 38.

вая тем самым легальность ее существования. Вторая концепция служит основой выделения существенных признаков государственного управления в науке административного права, что позволяет рассматривать государственное управление как разновидность государственной деятельности, «в рамках которой практически реализуется исполнительная власть»⁴¹.

Сформулированные научные концепции не могут противопоставляться друг другу и подтверждают полисемичность категории «государственное управление». Это отразилось в трудах ученых, исследующих данный вопрос. Так, Б. В. Россинский, рассуждая о закономерностях развития и функционирования исполнительной власти в системе государственного управления, признает за этой ветвью государственной власти превалирующую часть всего объема государственного управления, но подчеркивает важность понимания того, что «работой органов исполнительной власти не исчерпывается вся сложная и многообразная государственно-управленческая деятельность»⁴². Л. А. Мицкевич, акцентируя внимание на институциональном (организационно-структурном) аспекте содержания исполнительной власти, отмечает, что «все органы исполнительной власти осуществляют государственное управление, но не все субъекты, осуществляющие государственное управление, являются органами исполнительной власти»⁴³. В. П. Уманская, определяя место законодательных, исполнительных, судебных и иных государственных органов в системе государственного управления, указывает на то, что «наибольшей концентрации государственное управление достигает именно при реализации исполнительной власти»⁴⁴.

Нет сомнений в том, что и значительный объем экспертной деятельности в сфере государственного управления приходится на экспертов, привлекаемых к принятию государственно-управленческих решений органами исполнительной власти, на которые и возложены полномочия по организации и проведению экспертиз в различных сферах (отраслях) госу-

дарственного управления. Такого рода полномочия определены в положениях об органах исполнительной власти. Правовой основой их закрепления служат законодательные акты, предусматривающие применение экспертных знаний при принятии тех или иных государственно-управленческих решений.

Часть экспертиз уполномочены проводить государственные служащие органов исполнительной власти. Примерами таких экспертиз служат таможенная экспертиза, государственная экспертиза внешнеэкономических сделок, ветеринарно-санитарная экспертиза, правовая экспертиза, специальная экспертиза организаций, деятельность которых связана с проведением работ с использованием сведений, составляющих государственную тайну, государственная экспертиза условий труда, экспертиза результатов регистрационных испытаний пестицидов и агрохимикатов, государственная религиозоведческая экспертиза, экспертиза заявки на выдачу патента и др.

Осуществление отдельных видов экспертиз возложено на сотрудников государственных учреждений, подведомственных федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов РФ. В качестве таковых можно назвать экспертизу качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, медико-социальную экспертизу, военно-врачебную экспертизу, государственную экспертизу запасов полезных ископаемых и подземных вод, экспертизу лекарственных средств, биомедицинскую экспертизу клеточных продуктов и др. Законодательство допускает проведение экспертиз, результаты которых имеют значение при принятии государственно-управленческих решений, негосударственными экспертами и экспертными организациями. Примеры: метрологическая экспертиза стандартов, проектной, конструкторской, технологической документации, негосударственная экспертиза проектной документации объектов капитального строительства и результатов инженерных изысканий, общественная экологическая экспертиза,

⁴¹ Попов Л. Л., Мигачева Е. В., Тихомиров С. В. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 18.

⁴² Россинский Б. В. Исполнительная власть в системе государственного управления : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2023. С. 246.

⁴³ Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права: современное наполнение : монография. М. : Проспект, 2015. С. 42.

⁴⁴ Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России : монография. М. : Норма, 2023. С. 12.

экспертиза научных и научно-технических программ и проектов, независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), экспертиза промышленной безопасности и др. Во всех случаях на соответствующие органы исполнительной власти возложены полномочия по созданию условий для проведения экспертиз в порученной им отрасли государственного управления (нормативно-правовое, методическое и организационное обеспечение).

Таким образом, отношения, связанные с экспертной деятельностью, относятся к предмету административного права в том случае, если они касаются реализации органами исполнительной власти полномочий по организации проведения экспертиз. При этом следует учитывать особенность административно-правовой регламентации, которая охватывает широкий круг общественных отношений, возникающих в сфере государственного управления и включающих те из них, которые возможны и без участия представителей исполнительной власти. Административно-правовыми нормами регулируются вопросы привлечения экспертов к принятию государственных решений другими государственными органами. Примером служат регулируемые Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁴⁵ государственно-управленческие отношения, в рамках которых осуществляется организация привлечения независимых экспертов к принятию кадровых решений на государственной службе законодательными и судебными органами.

В этой связи достаточным условием, характеризующим экспертную деятельность в сфере государственного управления, по мнению автора статьи, является ее целевое предназначение. Эксперты привлекаются к участию в выработке и принятии властных решений по возникающим в сфере государственного управления вопросам, разрешение которых в соответствии с законодательством требует применения специальных знаний. Использование экспертных компетенций при осуществлении иных видов государственной деятельности имеет другое предназначение. Так, задача государственной судебно-экспертной деятельности — оказание

содействия судам, органам дознания и следствия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу в целях осуществления судопроизводства, а организация проведения экспертизы законопроектов направлена на повышение качества принимаемых законов и эффективности законодательства посредством выявления и минимизации правотворческих ошибок.

Специфика сфер и отраслей государственного управления, безусловно, отражается на содержании экспертной деятельности. Для каждого вида экспертиз, реализуемых в сфере государственного управления, характерны свои задачи, предмет и объекты, субъекты, участвующие в их проведении, административные процедуры и методики осуществления. Но, несмотря на разнородность экспертиз, реализуемых в сфере государственного управления, можно выделить важные интегративные свойства, позволяющие их объединить в рамках одной правовой категории.

Во-первых, экспертная деятельность в сфере государственного управления предполагает обязательное участие специальных субъектов, имеющих правовой статус экспертов, в проведении экспертных исследований или выражении экспертных оценок по вопросам, требующим применения специальных знаний в той или сфере (отрасли) государственного управления.

Во-вторых, экспертная деятельность в сфере государственного управления регламентирована нормами административного права и связана с реализацией возложенных на органы исполнительной власти и других государственно-властных субъектов полномочий по организации проведения экспертиз в сфере государственного управления.

В-третьих, целевое предназначение экспертной деятельности в сфере государственного управления обусловлено принятием органами исполнительной власти и другими государственно-властными субъектами обоснованных государственно-управленческих решений, практическое претворение в жизнь которых способствует достижению целей государственного управления в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах.

⁴⁵ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

Заключение

Обзор сложившихся научных подходов к пониманию экспертной деятельности в управленческом аспекте позволил прийти к выводу о повышенном интересе ученых разных специальностей к обозначенной проблеме. Вместе с тем приходится констатировать, что в праве этому вопросу уделяется недостаточно внимания. Однако экспертная деятельность в сфере государственного управления составляет значительный пласт экспертной деятельности в Российской Федерации. Анализ данной правовой катего-

рии с помощью метода формально-логического определения понятия позволил выделить ее существенные аспекты и охарактеризовать как регламентируемую нормами административного права деятельность экспертов, результаты которой учитываются органами исполнительной власти и другими государственно-властными субъектами при выработке и принятии государственно-управленческих решений, практическое претворение в жизнь которых способствует достижению целей государственного управления в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 480 с.
- Аристархов А. Е., Сухорукова Н. Ф. Экспертиза как вид профессиональной деятельности // Дискурс. 2018. № 2 (16). С. 111–119.
- Ашкерев А. А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М. : Европа, 2009. 129 с.
- Баранова М. В. Ненадлежащая реклама в современной России: правовые проблемы подготовки и реализации результатов экспертизы // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 76–82.
- Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. 640 с.
- Бездудная А. Г., Растова Ю. И. Нарративы экспертной деятельности в области инжиниринга // Проблемы современной экономики. 2022. № 2 (82). С. 189–191.
- Бельский В. И., Примшиц Д. В., Тригубович Л. Г. Развитие аналитических компетенций академических кластеров как инструмент усиления экспертного сопровождения государственного управления // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серия гуманіт. навук. 2020. Т. 65. № 3. С. 367–376.
- Биктимиров М. Р., Пилипенко О. В., Сафонов М. С. О девальвации экспертного мнения, или Зачем нам закон об основах экспертной деятельности // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 3. С. 19–24.
- Бишманов Б. М. Судебный эксперт и судебный специалист : монография. М. : Московский психолого-социальный университет, 2022. 146 с.
- Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) : учебник. М. : Инфра-М, 2023. 227 с.
- Бочкарева Е. А., Бутько Л. В. Некоторые проблемы доктринирования экспертной деятельности и экспертизы в сфере финансовых правоотношений // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 209–216.
- Варфоломеев А. А., Иванов О. П., Сурма И. В., Трефилова Ю. А. Экспертно-аналитическая поддержка внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 22–48.
- Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979. 183 с.
- Волков В. И., Сухарев О. С., Чичканов В. П. Экспертиза решений в системе государственного управления // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. № 1 (181). С. 80–91.
- Диканова Т. А. Вопросы совершенствования законодательства об экспертной деятельности // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 96–105.
- Егоров В. К. «Экспертотократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3. С. 5–12.
- Ендовицкий Д. А., Подлесных С. А. Организационные этапы экономического анализа экспертной деятельности в условиях конкурентной среды // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 4 (160). С. 58–70.
- Зотов В. В. Организация экспертной деятельности на цифровых сетевых платформах // Управленческое консультирование. 2022. № 11 (167). С. 55–66.

- Казаков М. А., Беспалов Д. Н. Публичная экспертиза: проблемы институционализации в приоритетах политики развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20. № 1–2. С. 65–78.
- Колдин В. Я. Экспертиза и право // Законодательство. 1999. № 9. С. 69–82.
- Колдин В. Я., Смирнова С. А. Экспертиза в управлении и праве // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 1 (25). С. 24–32.
- Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2010. 237 с.
- Крашенинникова Ю. А. Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ) // Управленческое консультирование. 2019. № 3 (123). С. 87–103.
- Литвак Б. Г. Экспертные технологии в управлении. М. : Дело : Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, 2004. 398 с.
- Майлис Н. П. Настольная книга эксперта : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2023. 303 с.
- Мамитова Н. В. Экспертиза как междисциплинарный институт // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 101–106.
- Марченко Г. И. Политическая экспертиза как элемент политического маркетинга // Практический маркетинг. 2012. № 7. С. 31–38.
- Машаров И. М. Административно-публичная деятельность в России: проблемы правового регулирования : монография. М. : Юрист, 2004. 223 с.
- Миронов А. Н. Административные процедуры технологии подготовки нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти : монография / под общ. ред. А. С. Дугенца. Владимир : ВИТ-Принт, 2012. 252 с.
- Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права: современное наполнение : монография. М. : Проспект, 2015. 296 с.
- Нестеров А. В. Экспертика: общая теория экспертизы. М. : НИУ ВШЭ, 2014. 261 с.
- Нестеров А. В. Экспертотократия в России // The soviet and post-soviet review. 2014. № 41. С. 281–295.
- Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж : Издательский дом Воронежского государственного университета, 2016. Ч. 1. 760 с.
- Осинцев Д. В. Реалии государственного управления и предмет административной науки // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 31–34.
- Попов Л. Л., Мигачева Е. В., Тихомиров С. В. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 320 с.
- Попов Л. Л. Ренессанс государственного управления в России. Избранное. М. : Норма, Инфра-М, 2015. 368 с.
- Попов Э. В. Экспертные системы : Решение неформализованных задач в диалоге с ЭВМ. М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. 288 с.
- Равочкин Н. Н. Переход современного мира к экспертократии: социально-философский анализ // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 22–27.
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 576 с.
- Россинский Б. В. Исполнительная власть в системе государственного управления : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 376 с.
- Светлов В. А. Логика : учеб. пособие. М. : Логос, 2020. 432 с.
- Сетевая экспертиза / под ред. чл.-к. РАН Д. А. Новикова, проф. А. Н. Райкова. М. : Эгвес, 2010. 168 с.
- Сидельников Ю. В. Системный анализ технологии экспертного прогнозирования. М. : МАИ-Принт, 2007. 347 с.
- Сидельников Ю. В. Формирование понятийно-терминологического аппарата экспертологии // Проблемы управления. 2017. № 5. С. 18–30.
- Сидельников Ю. В. Экспертология — новая научная дисциплина // Автоматика и телемеханика. 2000. № 2. С. 107–126.
- Сосунов Д. В. Роль экспертного сообщества в процессе принятия политических решений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2012. № 1. С. 170–172.
- Старилов Ю. Н. Административное право : в 2 ч. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. Ч. 1. 392 с.

- Сунгуров А. Ю. Экспертные сообщества и власть. М. : Политическая энциклопедия, 2020. 231 с.
- Тимербулатова Н. Э., Арсенов В. В., Красюков А. В. Применение социологических методик при экспертизе нормативных правовых актов // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 58–66.
- Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М., 1998. 798 с.
- Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России : монография. М. : Норма, 2023. 176 с.
- Федорова Т. В. Усиление роли эксперта в достижении цели производства по делам об административных правонарушениях, выявляемых в ходе контрольно-надзорной деятельности // Актуальные проблемы оптимизации внесудебного и судебного порядков разрешения административных дел, возникающих из отношений государственного контроля и надзора : сборник статей / отв. ред. А. И. Стахов. М. : РГУП, 2021. С. 81–91.
- Abboskhonov T. K. U. Concept and Purposes of Conducting Scientific-Legal Expertise of Draft Laws // The American Journal of Political Science Law and Criminology. 2021. № 3 (7). P. 19–26. URL: <https://doi.org/10.37547/tajpslc/Volume03Issue07-04> (дата обращения: 27.10.2024).
- Brinkmann M., Heine M. The Implementation of New Public Governance Through Blockchain: A Delphi-based analysis // ACM International Conference Proceeding Series. Association for Computing Machinery. 2022. October 4–7. P. 1–9. URL: <https://doi.org/10.1145/3560107.3560108> (дата обращения: 27.10.2024).
- Edelmann N., Mergel I. Co-Production of digital public services in Austrian public administrations // Administrative Science. 2021. № 11 (1). P. 1–21. URL: <https://doi.org/10.3390/admsci11010022> (дата обращения: 27.10.2024).
- Fejes E., Futó I. Artificial intelligence in Public Administration — Supporting Administrative Decisions // Public Finance Quarterly. 2021. № 66 (S1). P. 23–51. URL: https://doi.org/10.35551/PFQ_2021_s_1_2 (дата обращения: 27.10.2024).
- Yang L. Developing collaboration between research-oriented and practice-oriented experts in public administration: How does expert participation make a difference in public policy making and governance practice? // Public Policy and Administration. 2020. № 38 (1). P. 1–25. URL: <https://doi.org/10.1177/0952076720958468> (дата обращения: 27.10.2024).

REFERENCES

- Abboskhonov TKU. Concept and Purposes of Conducting Scientific-Legal Expertise of Draft Laws. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*. 2021;3(7):19-26. Available at: <https://doi.org/10.37547/tajpslc/Volume03Issue07-04> [Accessed 27.10.2024].
- Aristarkhov AE, Sukhorukova NF. Expertise as a Type of Professional Activity. *Discourse*. 2018;2(16):111-119. (In Russ.).
- Ashkerov AA. Expertocracy. Knowledge Management: Production and Circulation of Information in the Era of Ultracapitalism. Moscow: Europa Publ.; 2009. (In Russ.).
- Averyanova TV. *Judicial Expertise. Course of General Theory*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Bakhrakh DN. Administrative Law of Russia: A Textbook for Higher Educational Institutions. Moscow: Norma Publ.; 2002. (In Russ.).
- Baranova MV. Improper Advertising in Contemporary Russia: Legal Issues in the Preparation and Implementation of Expert Examination Results. *Juridical Techniques*. 2022;16:76-82. (In Russ.).
- Belsky VI, Primshits DV, Trigubovich LG. Development of Analytical Competencies in Academic Clusters as a Tool for Strengthening Expert Support in Public Administration. *Vesni Natsyonal'noj akademiï navuk Belarusi. Seryâ gumanitarnykh navuk [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series]*. 2020;65(3):367-376.
- Bezduknaya AG, Rastova Yul. Narratives of expert activity in the sphere of engineering. 2022;2(82):189-191. (In Russ.).
- Biktimirov MR, Pilipenko OV, Safonov MS. On the devaluation of expert opinion or why do we need a law about the basics of expert activity. *Public Administration*. 2020;22(3):19-24. (In Russ.).
- Bishmanov BM. Judicial Expert and Judicial Specialist. Moscow: Moscow Psychological and Social University Publ.; 2022. (In Russ.).
- Bochkareva EA, Butko LV. Some problems in the doctrine of expert activities and expert examination in the field of financial relations. *Tomsk State University Journal of Law*. 2019;442:209-216. (In Russ.).
- Boush GD, Razumov VI. *Methodology of Scientific Research (in Candidate and Doctoral Dissertations)*. Moscow: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

- Brinkmann M, Heine M. The Implementation of New Public Governance Through Blockchain: A Delphi-based analysis. *ACM International Conference Proceeding Series*. Association for Computing Machinery. 2022;October:1-9. Available at: <https://doi.org/10.1145/3560107.3560108> [Accessed 27.10.2024].
- Dikanova TA. Issues of improving legislation about expert activity. *Juridical Journal of Samara University*. 2021;7(2):96-105. (In Russ.).
- Edelmann N, Mergel I. Co-Production of digital public services in Austrian public administrations. *Administrative Science*. 2021;11(1):1-21. Available at: <https://doi.org/10.3390/admsci11010022> [Accessed 27.10.2024].
- Egorov VK. «Expertocracy:» on the institutional essence of the phenomenon. *Sociology of Power*. 2012;3:5-12. (In Russ.).
- Fedorova TV. Strengthening the Role of the Expert in Achieving the Objectives of Proceedings in Cases of Administrative Offenses Identified During Regulatory and Supervisory Activities. In: Stakhov AI (ed.). *Current Issues in Optimizing Extrajudicial and Judicial Procedures for Resolving Administrative Cases Arising from State Control and Supervision Relations*. Collection of Articles. Moscow: RGUP Publ.; 2021. Pp. 81–91. (In Russ.).
- Fejes E, Futó I. Artificial intelligence in Public Administration — Supporting Administrative Decisions. *Public Finance Quarterly*. 2021;66(S1):23-51. Available at: https://doi.org/10.35551/PFQ_2021_s_1_2 [Accessed 27.10.2024]. (In Russ.).
- Kazakov MA, Bespalov DN. Public expertise: problems of institutionalization in priorities of development policy. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2018;20(1-2):65-78. (In Russ.).
- Koldin VYa, Smirnova SA. Examination in management and law. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2012;1(25):24-32. (In Russ.).
- Koldin VYa. Expertise and Law. *Zakonodatel'stvo*. 1999;9:69-82. (In Russ.).
- Komissarova YaV. Conceptual Foundations of Expert Activity in Criminal Proceedings. Moscow: YurLitInform Publ.; 2010. (In Russ.).
- Krashenninnikova YuA. The problems of ensuring the quality of experts' work: the case of media content evaluation in the Russian Federation. *Administrative Consulting*. 2019;3(123):87-103. (In Russ.).
- Litvak BG. *Expert Technologies in Management*. Moscow: Delo, Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation Publ.; 2004. (In Russ.).
- Mailis NP. *A Handbook for Experts*. 4th ed. Moscow: Unity-Dana: Zakon i pravo Publ.; 2023. (In Russ.).
- Mamitova NV. Expert examination as an interdisciplinary institute. *State Legal Research*. 2020;3:101-106. (In Russ.).
- Masharov IM. *Administrative and Public Activities in Russia: Problems of Legal Regulation* Moscow: Yurist Publ.; 2004. (In Russ.).
- Mironov AN, Dugenets AG (ed.). *Administrative Procedures for the Preparation of Normative Legal Acts by Federal Executive Authorities*. Vladimir: VIT-Print Publ.; 2012. (In Russ.).
- Mitskevich LA. *Essays on the Theory of Administrative Law: Contemporary Content*. Moscow: Prospekt Publ.; 2015. (In Russ.).
- Nesterov AV. *Expertise: General Theory of Expertise*. Moscow: National Research University Higher School of Economics Publ.; 2014. (In Russ.).
- Nesterov AV. Expertocracy in Russia. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2014;41:281-295. (In Russ.).
- Novikov DA, Raikova AN (eds.). *Network Expertise*. Moscow: Egves Publ.; 2010. (In Russ.).
- Osintsev DV. Realities of public administration and the subject of the administrative science. *Administrative Law and Procedure*. 2022;1:31-34. (In Russ.).
- Popov EV. *Expert Systems: Solving Unformalized Problems in Dialogue with Computers*. Moscow: Nauka. Chief Ed. of Physical and Mathematical Literature; 1987. (In Russ.).
- Popov LL, Migacheva EV, Tikhomirov SV. *Public Administration in Russia and Foreign Countries: Administrative and Legal Aspects*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).
- Popov LL. *Renaissance of Public Administration in Russia. Selected Works*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2015. (In Russ.).
- Ravochkin NN. Modern world transition to expertocracy: socio-philosophical analysis. *The Humanities and Social Sciences*. 2022;90(1):22-27. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. *Judicial Expertise in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings*. 4th ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Rossinskiy BV. *Executive Power in the System of Public Administration*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sidelnikov YuV. Expertology — a New Scientific Discipline. *Avtomatika i telemekhanika*. 2000;2:107-126. (In Russ.).

- Sidelnikov YuV. Formation of the Conceptual and Terminological Framework of Expertology. *Problemy upravleniya*. 2017;5:18-30. (In Russ.).
- Sidelnikov YuV. *System Analysis of Expert Forecasting Technology*. Moscow: MAI-Print Publ.; 2007. (In Russ.).
- Sosunov DV. Role of expert community during acceptance of political decisions. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2012;1:170-172. (In Russ.).
- Starilov YuN. Administrative Law: in 2 parts. Part 1: History. Science. Subject. Norms. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1998. (In Russ.).
- Sterilov YuN (ed.). General Administrative Law: Textbook: in 2 parts. Voronezh State University. 2nd edition. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 2016. (In Russ.).
- Sungurov A. Yu. Expert Communities and Power. Moscow: Political Encyclopedia Publ.; 2020. (In Russ.).
- Svetlov VA. *Logics: A Study Guide*. Moscow: Logos Publ.; 2020. (In Russ.).
- Tikhomirov YuA. A Course on Administrative Law and Procedure. Moscow; 1998. (In Russ.).
- Timbulatova NE, Arsenov VV, Krasnyukov AV. Application of sociological methods for expertise of the normative legal documents. *The Legal Culture*. 2022;4(51):58-66. (In Russ.).
- Umanskaya VP, Malevanova YuV. Public Administration and Civil Service in Modern Russia. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).
- Varfolomeev AA, Ivanov OP, Surma IV, Trefilova YuA. Expert-analytical support of foreign policy activities. *The MGIMO Review of International Relations*. 2021;14(5):22-48. (In Russ.).
- Vinberg AI, Malakhovskaya NT. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Expertise)*. Volgograd, 1979. (In Russ.).
- Volkov VI, Sukharev OS, Chichkanov VP. Expertise of solutions in the public administration system. *Ekonomicheskie strategii [Economic Strategies]*. 2022;24(1(181)):80-91. (In Russ.).
- Yang L. Developing collaboration between research-oriented and practice-oriented experts in public administration: How does expert participation make a difference in public policy making and governance practice? *Public Policy and Administration*. 2020;38(1):1-25. Available at: <https://doi.org/10.1177/0952076720958468> [Accessed 27.10.2024]. (In Russ.).
- Yendovitsky DA, Podlesnykh SA. Organizational stages of economic analysis of expert activity in a competitive environment. *Modern Economy: Problems and Solutions*. 2023;4(160):58-70. (In Russ.).
- Zotov VV. Organization of expert activity on digital network platforms. *Administrative Consulting*. 2022;11(167):55-66. (In Russ.).
- Marchenko GI. Political expertise as an element of political marketing. *Prakticheskiy marketing*. 2012;7:31-38. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корепина Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 18, М. Ульяновой ул., г. Вологда 160001, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Korepina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Northwestern Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 28 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 24 ноября 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 28.10.2024.

Revised 24.11.2024.

Accepted 15.06.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.048-069

А. М. Чирнинов

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Критерии оценки конституционно-судебной аргументации

Резюме. Одним из важнейших направлений развития теории конституционно-судебной аргументации выступает разработка инструментов, позволяющих оценить ее качество и эффективность. Поскольку аргументация выполняет служебную функцию по отношению к обслуживаемой ею деятельности, в этом процессе нужно учитывать предназначение и особенности конституционного нормоконтроля. В статье исследуются факторы, которые обуславливают необходимость выделения конкретных критериев оценки конституционно-судебной аргументации. Используя в качестве исходной посылки тезис о том, что посредством аргументации должна усиливаться конституционная нормативность, автор формулирует методологические требования к процессу формирования конституционного дискурса и выделяет критерии оценки конституционно-судебной аргументации: конституционную обусловленность утверждений о конституционно должном; точность диагностики действующего правового регулирования; адекватность описания и осмысления социального контекста; приемлемость аргументов для конституционного дискурса; полноту (защищенность) аргументации. В работе показывается, что критерии оценки аргументации, учитывающие специфику конституционного нормоконтроля, существенно снижают риск аргументативных ошибок, а также позволяют выявлять манипуляции и некорректную аргументацию и противостоять им. Это особенно важно в свете того, что в конституционном дискурсе каждый тезис и приводимые в его поддержку аргументы влияют на определение границ конституционно должного, дозволенного и запрещенного.

Ключевые слова: критерии оценки аргументации; конституционное правосудие; качество аргументации; конституционный дискурс; рассуждения; конституционная нормативность; конституционно-судебная аргументация; конституция; доводы; возражения

Для цитирования: Чирнинов А. М. Критерии оценки конституционно-судебной аргументации. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 48–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.048-069

Criteria for Evaluating Constitutional Judicial Argumentation

Aldar M. Chirninov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. One of the key directions in the development of the theory of constitutional judicial argumentation is the development of tools that can help to assess the quality of constitutional judicial argumentation and its effectiveness. Since argumentation serves a functional role in relation to the activities it supports, it is crucial to consider the purpose and features of constitutional norm control in this process. The paper examines the factors that necessitate the identification of specific criteria for evaluating constitutional judicial argumentation. Using the premise that argumentation should strengthen constitutional normativity, the author formulates methodological requirements for the process of forming constitutional discourse and identifies the following criteria for evaluating constitutional judicial argumentation: constitutional justification of assertions regarding the constitutionally appropriate; accuracy in diagnosing the current legal regulation; adequacy in describing and understanding the social context; acceptability of arguments for constitutional discourse; and completeness (exhaustiveness) of the argumentation. The study demonstrates that evaluation criteria for argumentation that take into account the specifics of constitutional norm control significantly reduce the risk of argumentative errors, as well as allow

© Чирнинов А. М., 2025

for the identification of manipulations and incorrect argumentation, giving an opportunity to respond to them. This is particularly important given that in constitutional discourse, each thesis and the arguments presented in its support influence the definition of the boundaries of what is constitutionally appropriate, permissible, and prohibited.

Keywords: criteria for evaluating argumentation; constitutional justice; quality of argumentation; constitutional discourse; reasoning; constitutional normativity; constitutional judicial argumentation; constitution; arguments; counterarguments

Cite as: Chirninov AM. Criteria for Evaluating Constitutional Judicial Argumentation. *Lex russica*. 2025;78(7):48-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.048-069

Введение

Один из ключевых аспектов теории аргументации — установление критериев, позволяющих оценить ее эффективность. Когда можно говорить о том, что аргументативный акт в рамках конституционного правосудия состоялся и был успешным? И какие критерии следует использовать для анализа достигнутых результатов?

Оценка аргументации во многом зависит от того, с какой точки зрения мы ее рассматриваем. Каждый подход предлагает свои критерии оценки, которые продиктованы целью аргументации, характерной именно для этого подхода. Например, *логический подход* ставит по главу угла корректность формы и структуры рассуждения, а также соблюдение правил формальной логики при получении выводов. Соответственно, основными критериями становятся отсутствие внутренних противоречий, использование проверяемых и истинных посылок, логическая обоснованность заключения (вывод должен с необходимостью следовать из посылок)¹. *Риторический подход* направлен на убеждение аудитории в истинности отстаиваемого тезиса

и достижение ее согласия с ним. Здесь ценится умение адаптировать приводимые аргументы под конкретных адресатов, учитывая их убеждения, интересы и ценности². В рамках *диалектического подхода* ключевым является стремление к поиску истины через обмен мнениями и содержательное аргументативное взаимодействие между участниками³. При этом требуется учитывать возражения и контраргументы, чтобы глубже понять суть вопроса. Именно поэтому в диалектической парадигме так важно следовать правилам ведения дискуссии и уметь задавать критические вопросы, которые помогают развивать и уточнять позиции сторон⁴.

Очевидно, что конституционно-судебная аргументация должна соответствовать общим требованиям, предъявляемым к аргументации в целом. Однако для более точной оценки ее качества необходимо разработать специфические критерии, учитывающие особенности деятельности, которую она обслуживает. Поэтому разумно рассмотреть критерии оценки конституционно-судебной аргументации через призму ее основного предназначения — усиления конституционной нормативности⁵. Данное предна-

¹ См. подробнее: *Ивлев Ю. В.* Основы логической теории аргументации // Логические исследования. 2003. № 10. С. 50–60 ; *Брюшинкин В. Н.* Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2010. № 12. С. 96–105.

² *Мигунов А. И.* Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 3–28, 9 ; *Политюк А. П.* Риторический поворот в теории аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 12. С. 115.

³ «...Диалектический взгляд на аргументацию видит основную ее задачу в совместном разрешении сомнений сторон и сближении их позиций» (*Мигунов А. И.* Указ. соч. С. 14).

⁴ *Walton D.* Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 2–42. Одним из ключевых элементов прагма-диалектического подхода является модель критической дискуссии и правила ее ведения (см. подробнее: *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. P. 42–68, 123–157).

⁵ *Чирнинов А. М.* В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 59.

значение может служить мета-критерием для оценки конституционно-судебной аргументации. С учетом изложенного исследовательская задача — ответить на вопрос, каким образом должны быть сформулированы критерии оценки аргументов, чтобы они способствовали усилению конституционной нормативности.

Почему так важно анализировать критерии оценки аргументации? Прежде всего, наличие обоснованных критериев является залогом достижения цели аргументации и поддержания высокого стандарта обоснования конституционно-судебных решений. Кроме того, правильно сформулированные критерии оценки аргументации, учитывающие особенности основной деятельности, помогают минимизировать риск аргументативных ошибок, а также выявлять манипуляции, случаи некорректной аргументации и противостоять им. Это особенно значимо в свете того, что ошибки в конституционно-судебной аргументации могут наносить серьезный ущерб конституционному правопорядку.

Критерии оценки аргументации в конституционном правосудии

В данной работе аргументация рассматривается как инструмент, который помогает обнаружить и раскрыть нормативный потенциал конституции. Наша цель — не просто перечислить известные требования к аргументам (например, достаточность аргументов для обоснования тезиса, их относимость, истинность и т.д.), а сформулировать критерии, которые в наибольшей степени соответствуют задачам конституционно-судебной аргументации и помогают определить ее регулятивные возможности.

Важно напомнить, что конституционная нормативность усиливается, когда происходит максимальное раскрытие содержания конституционных положений, выявляются глубинные связи между ними и охраняемыми ценностями, а также дается предельно объективная оценка системе действующего правового регулирования⁶. В этом смысле аргументация должна вплотную приближать лиц, принимающих конституционно-судебные решения, к конституционным эталонам правового нормирования. Каждый тезис и приводимые в его поддержку

аргументы должны вносить вклад в определение границ конституционно должного, дозволенного и запрещенного.

1. Конституционная обусловленность

Этот критерий является ключевым в парадигме усиления конституционной нормативности. Его смысл заключается в том, чтобы проверить, насколько рассуждения о должном обусловлены действительным содержанием конституции. В этом плане соблюдение рассматриваемого критерия обеспечивает легитимность принимаемых органом конституционного правосудия решений.

В критерии конституционной корректности можно выделить три самостоятельных подкритерия:

- выводимость конституционно-судебных предписаний из конституционных положений;
- последовательность рассуждений;
- универсальность рассуждений.

1.1. Выводимость конституционно-судебных предписаний из конституционных положений

Начнем с первого подкритерия. Поскольку аргументация рассматривается в качестве инструмента обнаружения и раскрытия нормативного потенциала конституции, рассуждения о конституционно должном должны быть выстроены так, чтобы можно было отследить взаимосвязь между исходным конституционным положением и конечным конституционно-судебным предписанием. Иными словами, этот критерий будет соблюдаться, если приводимые аргументы демонстрируют, что итоговый нормативный вывод вытекает из конституции. Недаром в литературе отмечается, что один из признаков обоснованности конституционно-судебного решения — отсутствие возможности обвинить суд в отхождении от конституции⁷.

Для того чтобы обеспечить соблюдение данного критерия, прежде всего должны быть выполнены требования к логике нормативного обобщения. Неслучайно конкретные конституционные стандарты правового нормирования излагаются именно в аргументативной форме, то есть раскрываются в результате последовательных рассуждений от абстрактных утверждений о должном к более конкретным. В то же время более конкретные нормативные утверж-

⁶ См. подробнее: Чирнинов А. М. В поисках релевантных аргументов. С. 47–57.

⁷ Jakob A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective // German Law Journal. Vol. 14. 2013. No. 8. P. 1217.

дения должны с необходимостью следовать из более абстрактных. Это обеспечивается, среди прочего, за счет объяснения, почему без соблюдения более конкретного требования будет нарушено общее положение.

Отдельно стоит выделить механизм выведения конкретных нормативных смыслов из концепций и понятий, закрепленных в тексте конституции. Здесь нормативные суждения формулируются с опорой на доктринальные разработки. Так, из принципа правового государства Конституционный Суд России выводит «требование обеспечения системного и непротиворечивого правового регулирования общественных отношений», из которого, в свою очередь, вытекает «недопустимость необоснованного распространения понятий, норм и институтов одних отраслей законодательства на другие»⁸. Понятно, что подобные нормативные представления были сформированы в том числе на основе доктринальных разработок об отраслевом делении и межотраслевых связях в праве.

Нередко конкретные конституционные предписания продуцируются в результате выявления сложных системных связей между конституционными положениями. Например, в результате рассмотрения содержания свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации в контексте совокупного действия ст. 18, 19 и 55 (ч. 3) Конституции России появилось следующее предписание: «...Ограничение посредством антиэкстремистского законодательства (названных прав и свобод. — А. Ч.)... не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами

и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями»⁹.

Рассмотрим другой пример. Обязанность предусмотреть на федеральном уровне резервный (экстраординарный) механизм обеспечения лекарственными средствами лиц, страдающих орфанными заболеваниями, притом что делегирование этой обязанности субъектам Федерации не нарушает требований Конституции России, было обосновано тем, что в случае неспособности субъектов Федерации выполнять соответствующие обязательства государство не вправе отказываться от решения этой задачи в силу обязанности обеспечивать право на уважение человеческого достоинства, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также принципы единства публичной власти и взаимного доверия государства и общества. При этом приведенные конституционные положения стали релевантными ввиду трех факторов: жизнеугрожающего характера орфанных заболеваний, их низкой распространенности среди населения и высокой стоимости лекарственных средств от них¹⁰.

Уместно упомянуть технику, связанную с обоснованием подразумеваемости того или иного права. Эта техника реализуется в целях объективации конституционных прав и свобод, когда они не нашли текстуального отражения в конституции, но могут быть выведены из нее¹¹. Нередко в этой плоскости приводятся суждения об исторической значимости тех или иных прав для конкретного общества, укорененности тех или иных представлений о должном в общественном сознании¹². Кроме того, здесь может быть задействован интенциональный аргумент, с тем чтобы показать, что конституционный законодатель стремился особым образом защитить определенные ценности и что эти

⁸ Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)», одобренная решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020. С. 20 // URL: https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Documents/Information_2018.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

⁹ Абз. 13 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1053-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

¹⁰ Абз. 1 п. 7.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П // СЗ РФ. 2024. № 40. Ст. 6055.

¹¹ См. подробнее: Должигов А. В. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.

¹² U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. 597 U.S. 215 (June 24, 2022) // United States Supreme Court Reports. Vol. 597. 2022. P. 237–240.

ценности должны охраняться по повышенным стандартам¹³.

Таким образом, приводимые аргументы должны демонстрировать, что частные утверждения о конституционно должном являются необходимым продолжением более общих конституционных положений — как правило путем продуцирования суждений на более низком (конкретном) уровне нормативного обобщения. Этот критерий обеспечивает легитимность конституционного правосудия и призван подтвердить отсутствие произвола и присвоения судом правотворческих полномочий. Вместе с тем его соблюдение позволяет исключить ситуации фактического изменения конституции посредством толкования¹⁴.

1.2. Последовательность рассуждений

Второй подкритерий обозначает одно из ключевых требований к конституционно-судебной аргументации. Его суть в том, что, однажды сформулировав конкретное конституционное суждение, орган конституционного правосудия должен методично ему следовать. Если же по каким-либо причинам суд отклоняется от изложенного ранее суждения, то он обязан привести мотивы такого отклонения и аргументировать его конституционную необходимость.

Для этого, с одной стороны, можно утверждать, что рассматриваемая ситуация отличается от предыдущей, поскольку имеется иной фактический контекст. В частности, различие может заключаться в ином весе и значимости охраняемых интересов или наличии повышенных конституционных рисков. Например, Конституционный Суд России не стал распространять свои позиции относительно применимости сроков исковой давности ко взысканиям в пользу бюджета денежных сумм, полученных лицом в

результате нарушения законодательства (анти-монопольного, бюджетного и т.д.), в случаях, когда соответствующие доходы были получены в результате нарушения антикоррупционных требований и запретов¹⁵. Было справедливо отмечено, что «нарушения антимонопольного законодательства, являясь, бесспорно, противоправными деяниями, всё же не равнозначны по масштабам влияния на общество и государство»¹⁶. Далее Конституционный Суд России добавил, что эти нарушения «хотя и затрагивают публичный интерес, но происходят большей частью в частноправовых отношениях и не подрывают в той же степени основы публичной власти и ее социальную легитимность»¹⁷. Наконец, был артикулирован тезис о том, что коррупционные правонарушения более латентны, чем нарушения антимонопольного законодательства¹⁸. Так с помощью техники различения была обоснована неприменимость ранее выраженных конституционных суждений к спорной нормативной модели.

Последовательность рассуждений обеспечивается также за счет проактивного применения аналогии¹⁹ и сознательного стремления экстраполировать соответствующие конституционные суждения на сходные отношения, которые требуют такого же нормативного подхода. То есть, высказав правовую позицию, орган конституционного правосудия должен не просто ее придерживаться, но и стараться всячески распространять ее на аналогичные и смежные ситуации и обеспечивать тем самым распространение конституционных стандартов на еще более широкий пласт общественных отношений. Нужно подчеркнуть, что это требуется не только для более последовательной конституционализации правопорядка, но и для реализации принципа равноправия, который допускает

¹³ Подобной линии аргументации весьма способствует концепция конституционных страхов, которая особо предостерегает от порочных практик прошлого. См. подробнее: *Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 7, 31–35.

¹⁴ Проблематизацию толкования Конституции России как ее фактических поправок см.: *Краснов М. А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение*. 2016. № 1 (110). С. 77–91.

¹⁵ Абз. 1 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 7029.

¹⁶ Абз. 3 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

¹⁷ Абз. 3 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

¹⁸ Абз. 3 п. 5.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

¹⁹ Анализ практики обоснования по аналогии в конституционном дискурсе см.: *Блохин П. Д. Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах // Аргументация в праве и морали : кол. монография / под ред. Е. Н. Лисанюк*. СПб. : Алеф-Пресс, 2018. С. 212–224.

дифференциацию правового регулирования только при наличии разумных и объективных оправданий.

Если обратиться к актуальным примерам из конституционно-судебной практики, то Конституционный Суд России распространил возможность применения судебной неустойки к трудовым спорам, акцентировав внимание на сходстве трудовых и гражданско-правовых споров и решении законодателя перевести данный институт в разряд общепроцессуальных²⁰. Важно отметить, что в целях обеспечения последовательности нормативных подходов орган конституционного правосудия в том же решении артикулировал ситуации, когда применение судебной неустойки может быть конституционно неприемлемым²¹.

Рассмотрим еще один пример. Столкнувшись с ситуацией, когда лицо не могло уплатить административный штраф в половинном размере только лишь потому, что правонарушение было выявлено по результатам прокурорского надзора, а не в рамках ведомственного государственного контроля (надзора), Конституционный Суд России обратил внимание на то, что такой подход никак «не связан с особенностями субъекта административной ответственности и (или) характером совершенного им деяния»²², а потому признал такую дифференциацию конституционно недопустимой.

С другой стороны, может быть признано, что ранее высказанное суждение ошибочно либо устарело (потеряло актуальность) и поэтому

нуждается в исправлении. В этом случае происходит отказ от прежних представлений о конституционно должном и корректируются конституционные стандарты правового нормирования. В данной парадигме должно быть разъяснено, что конкретно не было учтено, когда принималось предшествующее конституционно-судебное решение, или какие обстоятельства изменились, что требует корректировки в конституционно-правовых подходах. Любопытно, что в интересах последовательности органы конституционного правосудия могут обозначать условия, наличие которых сделает реализацию того или иного нормативного предписания конституционно допустимым в будущем²³, либо определять срок, в течение которого тот или иной подход считается допустимым²⁴.

Еще один аспект последовательности в рассуждениях — внимательное рассмотрение обратных ситуаций. Как известно, Конституционный Суд России приложил немало усилий, чтобы увязать право на социальную помощь с фактом постоянного проживания в определенной местности, а не с наличием формальной регистрации там по месту жительства. В силу правовой позиции суда для подтверждения этого факта допустимо использовать широкий спектр доказательств²⁵. Однако, когда возникла обратная ситуация, когда лицо, фактически не проживающее в данной местности, но имеющее там постоянную регистрацию, было привлечено к уголовной ответственности за мошенничество в связи с получением выплат,

²⁰ Абз. 1, 4 п. 4; абз. 1, 3 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7404.

²¹ Абз. 5 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 № 52-П.

²² Абз. 9 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 39-П // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4444.

²³ Например, Конституционный Суд России не исключил возможности внедрения института условного вознаграждения («гонорара успеха») «с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов правосудия» (абз. 2 п. 3.4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П // СЗ РФ. 2007. № 6. Ст. 828).

²⁴ Рассматривая вопрос о конституционности правил приема в Школу права Университета Мичигана, которая включает в себя позитивную дискриминацию (англ.: affirmative action) в отношении представителей «расовых меньшинств», Верховный суд США вынес решение о конституционности такого подхода, однако подчеркнул, что «подобная практика должна быть ограничена по времени» и что «через 25 лет в ней не будет необходимости». См.: U.S. Supreme Court. Grutter v. Bollinger. 539 U.S. 306 (June 23, 2003) // United States Supreme Court Reports. Vol. 539. 2003. P. 309–310.

²⁵ Как указал Конституционный Суд России, «факт постоянного проживания... должен устанавливаться на основе совокупности доказательств, лежащих в области жилищных, трудовых, межличностных и иных отношений и свидетельствующих о том, что на соответствующую дату лицо выбрало территорию, на которой фактически постоянно проживает, как место своих приоритетных каждодневных жизненных интересов и своими действиями установило или выразило явное стремление к установлению с ней

полагавшихся жителям этой местности, Конституционный Суд России обратил внимание на то, что отсутствовали основания для назначения этих выплат, и отказал в принятии жалобы к рассмотрению²⁶. Этот пример ценен тем, что наглядно демонстрирует важность последовательности в рассуждениях. Последовательность исключает возможность принятия произвольных решений, исключает двойные стандарты и делает позицию более устойчивой к критике. Неслучайно во многих теориях юридической аргументации требование последовательности занимает центральное место: оно призвано продемонстрировать рациональность принятого решения²⁷.

В целом аргументативное значение рассматриваемого подкритерия обычно принято увязывать с реакцией на непоследовательность органа конституционного правосудия в своих рассуждениях. Это не только приводило бы к коммуникационным проблемам, связанным с подрывом доверия к выражаемым суждениям, но и осложняло сам процесс принятия решений. Поэтому соблюдение данного подкритерия требует готовности идти до конца в своих рассуждениях и выстраивать непротиворечивый конституционный дискурс, который учитывает все сложности, нюансы и детали отдельных общественных отношений.

1.3. Универсальность рассуждений

Третий подкритерий также важен для конституционного правосудия. Его смысл заключается в избрании такого уровня обобщения в рассуждениях (соотношения абстрактного и конкретного), который бы позволял охватить как можно больше общественных отношений, но в то же время учитывал особенности, требующие дифференцированного подхода.

Под универсальностью следует понимать требование к аргументу, которое подразумевает его применимость ко всем аналогичным ситуациям. Как указывает Н. Маккормик, «чтобы... обстоятельства С считались доводом для принятия решения D... должно быть приемлемо считать решение типа D уместным всякий раз, когда происходит случай С»²⁸. Если изобразить схематично, то для выполнения требований универсальности должна соблюдаться формула «Всегда, когда С, должно быть D»²⁹. Поэтому, высказывая суждения о конституционно должном, нужно помнить о конституционно-судебных спорах, которые могут потенциально возникнуть и где могут быть задействованы соответствующие аргументы, и критически анализировать, насколько уместно они будут звучать в соответствующих контекстах. В этом смысле критерий универсальности требует осторожности при подборе аргументов, поскольку необходимые суждения могут быть в дальнейшем использованы для необоснованного ограничения конституционных прав.

Рассмотрим пример. В ответ на довод заявителя о недостаточности времени, которое действующее правовое регулирование предоставляет члену участковой избирательной комиссии для подготовки к рассмотрению дела о его немедленном отстранении, и необходимости предоставления ему возможности обратиться за юридической помощью, Конституционный Суд России в числе прочего указал, что члену участковой избирательной комиссии «в силу его прав и обязанностей понятна суть вменяемых ему нарушений избирательного законодательства, послуживших основанием для обращения избирательной комиссии с административным иском о его немедленном отстранении, и он способен само-

реальной связи» (абз. 7 п. 3.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 04.10.2016 № 18-П // СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5888).

²⁶ Абз. 2 п. 3 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 09.07.2024 № 1756-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Например, в теории аргументации Р. Алекси подчеркивается, что аргументирующий «может высказывать только те оценочные или обязательные суждения в рамках конкретной ситуации, которые он готов выразить в тех же формулировках для всех ситуаций, сходных с первой, во всех соответствующих аспектах» (*Alexy R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 190*).

²⁸ *MacCormick N. Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 21.*

²⁹ См. подробнее: *MacCormick N. Op. cit. P. 93–94.*

³⁰ Абз. 10 п. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2964-О // СПС «КонсультантПлюс».

стоятельно в суде выразить свою позицию»³⁰. Однако данный довод может быть использован для обоснования ограничения права на получение квалифицированной юридической помощи фактически любого лица: водителю не нужен защитник в делах об административных правонарушениях, связанных с соблюдением правил дорожного движения, потому что он сдавал экзамен на знание этих правил; охотник не нуждается в юридической помощи при привлечении его к ответственности за незаконную охоту, ибо получал разрешение на добычу охотничьих ресурсов и знакомился с требованиями природоохранного законодательства. Еще более не нуждаются в юридической защите адвокаты и судьи, так как они являются носителями необходимых юридических знаний. Соответственно, можно констатировать, что подобный аргумент не отвечает требованиям универсализации, поскольку при попытке использовать его в сходных ситуациях он создает дополнительные конституционные риски, выступая, по сути, «отравленным» аргументом. Поэтому в силу критерия универсальности рассуждений осведомленность лица о его правах и обязанностях в той или иной сфере не может оправдывать ограничение права на квалифицированную юридическую помощь³¹.

К слову, в таком же русле рассуждал Верховный суд США, когда отвергал корректность введения права на аборт «через апеллирование к более широкому праву на автономию и определению своей «концепции существования» и отмечал, что «эти критерии, на высоком уровне обобщенности, могли бы обосновать основные права на недозволенное употребление наркотиков, проституцию и т.п.»³².

Анализ конституционно-судебной практики показывает, что универсальность рассуждений обеспечивается не только в материально-правовой, но и в процедурной плоскости. В частности, преследуя цель универсализации своих правовых позиций, Конституционный Суд Рос-

сии в ряде случаев расширяет предмет проверки, с тем чтобы обеспечить своим суждениям больший нормативный охват. Так, хотя фактические обстоятельства конкретного дела касались муниципального служащего, который столкнулся с изменением условий трудового договора о рабочем месте в связи с поручением ему работы в другой местности, Конституционный Суд России изначально оговорил и рассматривал конституционность нормы в контексте всех категорий работников³³. Или, например, несмотря на то что заявитель был уволен в связи с сокращением численности или штата работников организации, Конституционный Суд России указал на относимость своих рассуждений к ситуациям, когда трудовой договор расторгается в связи с ликвидацией организации³⁴. Такая же ситуация имела место, когда Конституционный Суд России столкнулся с нормами, регулирующими особенности оспаривания в рамках процедуры банкротства сделок, совершенных банком, однако ввиду общего характера рассматриваемого вопроса не стал ограничивать свои суждения узким субъектным составом³⁵.

Таким образом, критерий универсальности требует умения грамотно осуществлять нормативные обобщения и взвешенно экстраполировать рассуждения (аргументы) на сходные нормативные ситуации. Действительно, конституционно-судебная аргументация должна не только обеспечивать необходимую нормативную коррекцию, но и задавать правильный вектор развития права. То есть нужно не просто обозначить границы конституционно должного в конкретной ситуации, но и обеспечивать сопутствующий регулятивный эффект, выражающийся в выполнении аргументацией нормативно-ориентирующей функции. Для целей универсализации суждений необходимо четко объяснять, почему возникают расхождения между конституционными требованиями и проверяемыми нормативными положениями и в

³¹ Более подробный анализ этой проблемы с точки зрения качества аргументации см.: Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»: конституционность механизма отстранения члена участковой избирательной комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 33–39.

³² U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 218.

³³ Абз. 3 п. 1.3 описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 27.04.2024 № 22-П // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2649.

³⁴ Абз. 2 п. 1.2 описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 22.11.2024 № 54-П // СЗ РФ. № 49 (ч. V). Ст. 7719.

³⁵ Абз. 2 п. 1.2 описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П // СЗ РФ. 2022. № 7. Ст. 1031.

чем конкретно эти расхождения выражаются, с тем чтобы любое лицо имело возможность дать самостоятельные конституционные оценки в иных нормативных ситуациях.

2. Точность диагностики действующего правового регулирования

Особенности данного критерия обусловлены тем, что состояние действующего правового регулирования в целом и оспариваемых нормативных положений в частности определяется в русле теоретической аргументации. Эти суждения не формируют конституционной модальности и не отражают эталонов, по которым происходит оценка конституционности нормативных положений.

Важность выделения рассматриваемого критерия связана с принципом справедливости конституционно-судебного разбирательства, из которого с необходимостью следует, что результатам правотворческой деятельности должна быть дана объективная оценка. Очевидно, что если в приводимых рассуждениях не будут учитываться какие-либо элементы нормативного контекста и это будет искажать истинное представление о содержании и качестве правовых предписаний, то это будет несправедливо по отношению к правотворческому органу. Поэтому орган конституционного правосудия не должен забывать ни одного значимого нормативного положения для конкретной правоприменительной ситуации, необходимо фиксировать реальное регулирующее воздействие как самой нормы, так и всей системы правового регулирования в целом. При этом здесь важно описывать и анализировать не только буквальный смысл нормативных положений, но и смысл, придаваемый им правоприменительной практикой. В связи с этим в обозначенной плоскости ключевым требованием становится точность установления параметров действующего правового регулирования.

В практике Конституционного Суда России были случаи, когда отдельные судьи не соглашались с тем, какие конституционно-судебные оценки давались нормативным положениям — прежде всего с точки зрения их регулятивного

значения. Например, судья В. Д. Зорькин считал необоснованным вывод о конституционности предписания «использовать все имеющиеся у государства средства», содержащегося в Указе Президента России от 09.12.1994 № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», без исследования «фактической реализации данного Указа»³⁶. По его мнению, чтобы «понять реальный смысл, действие и последствия рассматриваемых» нормативных актов, нельзя ограничиваться буквальным смыслом нормативных положений и требуется анализировать их потенциал в право-реализационной плоскости³⁷.

Приведем еще один пример, который демонстрирует, почему важно корректно устанавливать содержание права. Как минимум это необходимо для того, чтобы орган конституционного правосудия выбрал правильный вариант реагирования на нормативный дефект (путем либо дисквалификации нормы, либо выявления ее конституционно-правового смысла) и не вторгнулся в прерогативы законодательной власти. Так, в одном из своих особых мнений судья Ю. М. Данилов указывал следующее: «Признав конституционно-правовую допустимость существования в уголовно-процессуальном законе такого основания для изменения территориальной подсудности уголовного дела, как наличие “экстраординарных” обстоятельств, и обнаружив отсутствие такового в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Суд вправе был предложить законодателю восполнить имеющий конституционное значение пробел в правовом регулировании... На деле же Суд самостоятельно сконструировал ранее несуществующую правовую норму, выйдя при этом за пределы своей компетенции, а затем уже принялся выяснять ее конституционно-правовой смысл, признав при этом изобретенный “фантом” соответствующим Конституции Российской Федерации»³⁸.

Нередко встречаются ситуации, когда орган конституционного правосудия утверждает, что практика применения определенного нор-

³⁶ Абз. 2, 3 п. 3 особого мнения судьи В. Д. Зорькина по делу, по которому принято постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

³⁷ Абз. 2, 3 п. 3 указанного особого мнения судьи В. Д. Зорькина.

³⁸ См.: особое мнение судьи Ю. М. Данилова по делу, по которому принято постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П // СЗ РФ. 2018. № 47. Ст. 7316.

мативного положения сложилась³⁹. Однако в опровержение этого тезиса могут приводиться примеры судебных решений, которые свидетельствуют об отхождении правоприменителя от соответствующего понимания нормативного положения⁴⁰. Поэтому здесь могут возникать споры относительно того, образуют ли эти расходящиеся с генеральной правоприменительной линией судебные акты правовой массив, которого достаточно, чтобы констатировать противоречивость правоприменительной практики, либо же они представляют собой единичные правоприменительные ошибки, которые не делают соответствующей регулятивной погоды⁴¹.

В целом в рамках данного критерия необходимо оценивать, насколько точно описываются содержание и характер нормативных предписаний, определяется их место в системе действующего регулирования, излагаются правовые последствия наступления соответствующих юридических фактов, обозначаются гарантии, которые компенсируют правоограничения, оценивается способность нормативных положений достигать необходимых целей и т.д. В таком же русле требуется оценивать степень согласованности отдельных правовых институтов, которая может определяться и посредством анализа преследуемых ими целей⁴². Стоит обращать внимание и на правильность определения действия нормативных актов во времени, в пространстве и по кругу лиц. Немаловажной является и аргументация наличия конституци-

онно значимых пробелов в правовом регулировании либо констатация квалифицированного умолчания законодателя.

Целесообразно опираться на тенденции в области правового регулирования и оценивать, насколько последовательно действует правотворческий орган. В государствах, где эти тенденции играют ведущую роль в придании отдельным правам статуса основных, необходимо также учитывать, существует ли правовой консенсус по тому или иному вопросу, в том числе на уровне субъектов федерации⁴³.

Примечательно, что для целей диагностики правового регулирования огромное значение имеет фактор времени. Например, Конституционный Суд России обычно более лояльно относится к ситуациям, когда определенная проблема получает законодательное решение впервые, чем к тем, где между моментом создания правовой нормы и рассмотрением ее конституционности проходит много времени и накапливается соответствующий опыт⁴⁴.

Резюмируя, нужно подчеркнуть, что рассматриваемый критерий призван обеспечить объективное отношение к результатам правотворческой деятельности, что, в свою очередь, позволяет принимать обоснованные и беспристрастные решения. Очевидно, что игнорирование даже незначительных нормативных аспектов может привести к принятию ошибочного конституционно-судебного решения, так как в нем будут содержаться неверные оценки проверяемого предмета.

³⁹ См., например: абз. 3 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 № 11-П // СЗ РФ. 2013. № 22. Ст. 2862.

В своей практике Конституционный Суд России нередко фиксирует наличие правоприменительной динамики. См., например: абз. 3 п. 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П // СЗ РФ. 2022. № 47. Ст. 8304.

⁴⁰ «Практика их применения противоречива вопреки тому, что постановление от 23.05.2013 № 11-П определяет ее как достаточно единообразную» (абз. 8 п. 3 особого мнения судьи К. В. Арановского по делу, по которому принято постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2013 № 11-П).

⁴¹ См., например: абз. 3 п. 2 мнения судьи А. Н. Кокотова к определению Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 317-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² См.: Чирнинов А. М. Штраф уплачен [не] излишне: согласованность правовых институтов как конституционная ценность (на примере административно-деликтного права) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 142.

⁴³ См., например: анализ законодательства штатов на наличие запретов на аборт к моменту признания права на аборт конституционным (U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 249–250).

⁴⁴ См., например: абз. 2 п. 7 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П.

3. Адекватность описания и осмысления социального контекста

Выделение данного критерия важно, поскольку социальный контекст, который влияет на оценку конституционности нормативных положений, формируется по правилам описательной и относительной аргументации, требующим соблюдения методологии их выстраивания. Как известно, «описательная аргументация концентрируется на споре о природе и определении вещей; относительная — на отношении между вещами»⁴⁵. В этом смысле рассматриваемый критерий очерчивает пространство сущего и объясняет, «чем является что-то»⁴⁶ в окружающем нас мире.

Прежде всего следует отметить, что в процессе рассуждений необходимо учитывать факторы, которые обуславливают применимость конституционных положений и помогают определить допустимые и необходимые варианты правового регулирования. Рассмотрим несколько примеров, когда описание социального контекста помогало определить контуры конституционно должного. Например, как уже отмечалось, низкая распространенность орфанных заболеваний, «высокая стоимость лекарственных средств от них» и их критичность для жизни и здоровья человека⁴⁷, будучи осмысленными через призму конституционных положений об охране государством человеческого достоинства и здоровья, стали основанием для вывода о необходимости создания резервного механизма обеспечения лекарственными средствами на федеральном уровне. Или, например, специфика противодействия антикоррупционным механизмам (наличие «изолированных и надежных способов конспирации

нелегального капитала»⁴⁸, трудность выявления коррупционных правонарушений ввиду их «повышенной латентности»⁴⁹, возможность активного противодействия виновных лиц⁵⁰, масштаб деструктивных последствий коррупции для общества и государства⁵¹ и т.д.) диктует необходимость установления длительных сроков исковой давности и даже допускает их отсутствие. В контексте принципа социального правового государства «современный уровень развития количественных и технических показателей транспортных средств, многократно увеличивающих их общественную опасность»⁵², обуславливает возможность и конституционную оправданность введения института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Социальный контекст необходим и для оценки эффективности (практической пользы) тех или иных правовых механизмов. Так, важность участия стороны защиты в допросе лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, обоснована тем, что «с помощью вопросов можно обнаружить нестыковки и противоречия в изобличающих показаниях, нивелировать риски умалчивания важных деталей дела и добиться в конечном счете опровержения тезисов стороны обвинения»⁵³. Практика Европейского Суда по правам человека⁵⁴ позволяет добавить к этому, что «именно расспросы позволяют определить степень правдивости показаний, в частности путем наблюдения за эмоциональной реакцией человека и оценки его поведения в процессе ответа»⁵⁵.

Кроме того, обстоятельства, формирующие социальный контекст, позволяют обозначить целеполагание субъектов права, понять харак-

⁴⁵ Джонсон С. Л. Как побеждать в дебатах: пособие по Британскому (Всемирному) формату парламентских дебатов. Нью-Йорк, Лондон, Амстердам : IDEA, 2012. С. 38.

⁴⁶ Джонсон С. Л. Указ. соч.

⁴⁷ Абз. 1 п. 7.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П.

⁴⁸ Абз. 4 п. 5.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁴⁹ Абз. 1 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵⁰ Абз. 1 п. 5 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵¹ Абз. 3 п. 5.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵² Абз. 3 п. 2.1 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2311.

⁵³ Чирнинов А. М. «Молчание — золото?»: конституционность отказа лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отвечать на вопросы стороны защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 176.

⁵⁴ См.: постановление Европейского Суда по правам человека от 23.04.1997 по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» (Van Mechelen and Others v. the Netherlands). § 62.

⁵⁵ Чирнинов А. М. «Молчание — золото?»... С. 176.

тер их потребностей, действенность соответствующих стимулов и т.д. Конституционный Суд России привел исчерпывающее объяснение, почему борьба с коррупцией требует жестких мер: «Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной»⁵⁶.

Корректное конструирование социального контекста также важно, чтобы понять, насколько реалистично выполнить определенные обязанности. Например, в своей жалобе в Конституционный Суд России один из заявителей акцентировал внимание на том, что действующая модель регулирования зачастую не позволяет даже успеть явиться на судебное заседание, и приводил примеры, когда суды признавали надлежащим извещение членов участковой избирательной комиссии о рассмотрении дела об их немедленном отстранении «за 43 минуты⁵⁷, за 30 минут⁵⁸, за 15 минут⁵⁹, а в одном случае — даже за 6 минут⁶⁰ до начала судебного заседания»⁶¹. В конкретном деле заявителю требовался один час и 13 минут, чтобы добраться от участковой избирательной комиссии до здания районного суда на общественном транспорте, притом что его известили о намечающемся судебном заседании за 30 минут до начала⁶². При желании эти обстоятельства могут послужить основанием для формулирования правовой позиции о необходимости при назначении времени судебного заседания учитывать географический контекст, то есть «расстояние между избирательной комиссией

и судом, а также уровень транспортной доступности»⁶³ в определенной местности. В практике Конституционного Суда России возникали ситуации, когда конституционная упречность проверяемой нормы связывалась с тем, что лицу вменялась обязанность, которую было невозможно выполнить⁶⁴.

В этом плане крайне важно в приводимой аргументации указывать и описывать «все существенные характеристики объекта»⁶⁵ или явления, фиксировать значимые особенности рассматриваемых отношений, обозначать специфику предмета регулирования и т.д. В связи с тем, что здесь отражение находит фактическая сторона дела, нужно помнить о рисках манипуляции данными, искажения определенных фактов, преувеличения или преуменьшения значения отдельных факторов и обстоятельств и т.д.

Вместе с тем не должны быть проигнорированы имеющие существенное значение обстоятельства. Нередко аргументация, приведенная относительно конституционности нормативного положения, критикуется на том основании, что аргументирующий не принял во внимание важного соображения и тем сам проигнорировал конституционно значимый интерес. Например, подвергая критике тезис о возможности придания праву на аборт статуса основного права, судьи Верховного суда США упрекнули своих предшественников в том, что они хотя и упомянули наличие у государства публичного интереса, заключающегося в защите потенциальной жизни нерожденного ребенка, но никак не объяснили свой вывод о том, что «этот интерес не может оправдывать каких-либо ограничений на проведение абортов до наступления жизнеспособности плода»⁶⁶.

⁵⁶ Абз. 1 п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П.

⁵⁷ См., например: апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.10.2019 № 33а-25053/2019 по делу № 2а-8168/2019.

⁵⁸ См., например: апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.12.2019 по делу № 33а-25046/2019.

⁵⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Санкт-Петербургского городского суда от 05.06.2018 по делу № 33а-10523/2018.

⁶⁰ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 23.09.2019 по делу № 33а-19258/2019.

⁶¹ Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»...

⁶² Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»...

⁶³ Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»...

⁶⁴ См.: абз. 3 п. 4.3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3912.

⁶⁵ Джонсон С. Л. Указ. соч. С. 40.

⁶⁶ U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 228.

Отдельным требованием рассматриваемого критерия является, как показывает анализ конституционно-судебной практики, относимость приводимых утверждений к рассматриваемому социальному контексту. Эти утверждения должны описывать реальное состояние дел в конкретном правовом порядке и не быть умозрительными. Так, если орган конституционного правосудия утверждает, что заявляемые конституционные риски нивелируются определенными гарантиями, то эти гарантии должны быть осязаемыми и иметь место в реальной практике⁶⁷. В противном случае защита конституционного порядка будет носить лишь иллюзорный и декларативный характер.

В целом рассматриваемый критерий предполагает, что должен быть адекватно описан социальный контекст, четко обозначены затронутые интересы и последовательно охарактеризовано состояние соответствующей сферы общественных отношений, в том числе его динамика. Поскольку в указанном контексте суждения касаются в основном фактов, то главными свойствами становятся их объективность и полнота. В конечном счете как отдельные утверждения о фактах, так и сформулированные на их основе выводы должны соответствовать действительности и иметь необходимую доказательную базу.

Нужно обращать особое внимание на адекватность выводов. Ввиду того что в данной плоскости определяются «взаимосвязи, существующие между вещами», и приводятся суждения «о причинно-следственных связях»⁶⁸, здесь действуют каноны относительной аргументации. Поэтому основным требованием становится корректность формулируемых

выводов и их обусловленность объективными характеристиками рассматриваемого явления. В связи с этим важно продемонстрировать причины и предпосылки, в силу которых, по мнению аргументирующего, предполагаемые поведенческие эффекты будут иметь место⁶⁹.

Безусловно, подобные выводные знания во многом основываются на прогнозах, так как ожидаемые события должны произойти в будущем. Поэтому, разумеется, существует риск, что прогнозы не оправдаются, а высказанные суждения будут в итоге опровергнуты. Действительно, в относительной аргументации присутствуют в немалом количестве утверждения, которые носят характер предположения и требуют проверки опытным путем. Однако тот, кто выдвигает аргументы, должен стремиться привести доводы и представить доказательства, которые помогут укрепиться во мнении, что определенные события и факты наступят либо не наступят⁷⁰.

Должное внимание следует уделять точности проведения аналогий между явлениями и предметами, когда речь заходит о применении тех или иных подходов к соответствующим отношениям. Необходимо тщательно проверять, насколько эти явления и предметы сходны между собой, обладают ли они общими характеристиками и действительно ли признаки, выбранные для сравнения, являются существенными⁷¹.

Таким образом, ключевыми требованиями рассматриваемого критерия становятся полнота, предметность, объективность и достоверность утверждений относительно социального контекста. Эти утверждения должны быть эмпирически проверяемыми и основанными на

⁶⁷ Например, в контексте обнуления президентских сроков Конституционный Суд России указал, что гарантиями надлежащей реализации принципа демократического государства и республиканской формы правления выступают «развитый парламентаризм, реальная многопартийность, наличие политической конкуренции, эффективная модель разделения властей, снабженная системой сдержек и противовесов, а также обеспечение прав и свобод независимым правосудием» (абз. 5 п. 6.2 мотивировочной части заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855).

⁶⁸ Джонсон С. Л. Указ. соч. С. 41.

⁶⁹ Джонсон С. Л. Указ. соч. С. 44.

⁷⁰ Например, Конституционный Суд России приводил детальное обоснование, почему в рамках действовавшего на соответствующий период правового регулирования граждане с большой долей вероятности не смогут «в день голосования воспользоваться открепительным удостоверением», особенно на муниципальных выборах (абз. 5 п. 3.2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 15.04.2014 № 11-П // СЗ РФ. 2014. № 16. Ст. 1922).

⁷¹ Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex russica (Русский закон). 2007. Т. 66. № 4. С. 619 ; Walton D. *Methods of Argumentation*. New York, NY : Cambridge University Press, 2013. P. 126–130.

авторитетных источниках знания и осведомленности. Недаром один из факторов, обеспечивающих качество аргументации, — надежность источников, из которых черпаются аргументы⁷².

4. Приемлемость аргументов для конституционного дискурса

Данный критерий имеет большое значение, поскольку позволяет понять, какие аргументы можно в принципе использовать для оценки конституционности нормативного положения, а какие — нет.

Каким бы убедительным и информативным ни был аргумент, может оказаться, что его использование противоречит представлениям о том, как допустимо обосновывать конституционно-судебные решения. При этом, как показывает анализ иных правопорядков, подходы к легитимности тех или иных аргументов для конституционного дискурса во многом вырабатываются самой конституционно-судебной практикой и характеризуются динамичностью, связанной с методологическими установками судей, их мировоззрением и профессиональными предпочтениями.

Рассмотрим некоторые примеры. Вплоть до конца 1970-х гг. в американском правопорядке существовал консенсус относительно допустимости использования материалов законодательного процесса для выявления смысла нормативных положений⁷³. Любопытно, что с 1938 по 1979 г. произошел значительный рост цитирований материалов законодательного процесса в решениях Верховного суда США (с 19 до 405)⁷⁴.

Вместе с тем с конца 1980-х гг. под влиянием судей, исповедующих философию текстуализма, интенсивность обращения Верховного суда США к материалам законодательного процесса планомерно снижалась. Отвергая допустимость обращения к этим материалам, судья А. Скалиа последовательно настаивал на том, что правовой смысл проверяемых положений должен черпаться из нормативного текста, поскольку

обращение к внешним материалам искажает действительное волеизъявление правотворческого органа, которое в идеале должно выражаться исключительно через авторитетный текст. В целом его позиция состояла в том, что задача судей — «толковать законы, а не реконструировать намерения законодателей»⁷⁵. Как отмечается в литературе, в первые годы своей карьеры в Верховном суде США судья А. Скалиа принципиально отказывался присоединяться к мнению большинства, если оно содержало ссылки на материалы законодательного процесса⁷⁶.

Понятно, что не все судьи разделяют такую радикальную позицию. Поэтому более умеренный подход может заключаться в дифференциации аргументативного веса разновидностей материалов законодательного процесса путем выстраивания ее иерархии. Например, можно придавать больший вес сопроводительным документам (пояснительным запискам, заключениям комитетов) и не обращать внимания на суждения, высказанные в ходе парламентских дискуссий и слушаний в комитетах. Как образно выразился судья С. Брайер, противники обращения к материалам законодательного процесса «не должны осуждать ее использование полностью. Они должны ограничить свою атаку окраинами и оставить цитадель в покое»⁷⁷. Разумеется, в разных правопорядках подходы могут различаться в зависимости от особенностей парламентской процедуры и ценностных установок судей.

Отдельный вопрос, который стоит обсудить в свете приемлемости аргументов для конституционного дискурса, — это источники, которые могут использоваться при конструировании аргумента к намерениям конституционного законодателя. Какие материалы могут применяться для выявления таких намерений? Здесь возможны споры относительно авторитетности источников — как с точки зрения определения субъектов конституционного процесса, чья воля должна учитываться, так и с точки зрения мате-

⁷² См. подробнее: *Hahn U., Harris A. J. L., Corner A.* Argument Content and Argument Source: An Exploration // *Informal Logic*. Vol. 29. 2009. № 4. P. 337–367.

⁷³ *Benjamin S. M., Renberg K. M.* The Paradoxical Impact of Scalia's Campaign Against Legislative History // *Cornell Law Review*. Vol. 105. 2019. P. 1025–1026.

⁷⁴ *Carro J. L., Brann A. R.* The U.S. Supreme Court and the Use of Legislative Histories: A Statistical Analysis // *Jurimetrics*. Vol. 22. 1982. No. 3. P. 303.

⁷⁵ Цит. по: *Benjamin S. M., Renberg K. M.* Op. cit.

⁷⁶ *Benjamin S. M., Renberg K. M.* Op. cit. P. 1035–1036.

⁷⁷ Цит. по: *Benjamin S. M., Renberg K. M.* Op. cit. P. 1040.

риалов, которые допустимо анализировать для соответствующих целей⁷⁸.

Далее, как известно, для оценки соблюдения принципа соразмерности ограничения основных прав и свобод необходимо, среди прочего, устанавливать цель спорного регулирования. В этом аспекте не исключены расхождения относительно того, какие аргументы могут использоваться для ее определения. Один подход подразумевает, что нужно учитывать только нормативный текст⁷⁹, другой — контекст принятия того или иного нормативного положения (включая поведение и высказывания нормотворца)⁸⁰, третий подход предлагает оценивать только фактическое регулятивное воздействие, которое оказывает спорная норма⁸¹.

Важной может оказаться и глубина политико-правовых рассуждений. Так, оценивая качество аргументации своих предшественников по делу *Roe v. Wade*, Верховный суд США отметил, что нормативная «схема, которая была разработана в деле *Roe*, выглядела как закон, и Суд предоставил такие разъяснения, которые можно было бы ожидать от законодательного органа»⁸². В этом смысле подобный упрек возникает в ситуациях, когда орган конституционного правосудия выходит за пределы своей конституционно-контрольной функции и начинает заниматься нормотворчеством. Характерный признак этого — отсутствие подкрепления предлагаемых нормативных тезисов существующими конституционными и производными от них положениями.

В рамках конституционного правосудия серьезной критике подвергается обращение

(прежде всего неумелое) к сравнительно-правовому аргументу⁸³. Понятно, что в одних правовых порядках допускается прямое обращение к зарубежному опыту (например, в ЮАР), тогда как в других такая возможность особо не артикулируется или даже отрицается⁸⁴. В целом легитимность сравнительно-правового аргумента зависит от того, с какой целью происходит апеллирование к зарубежному опыту (для более глубокого понимания смысла конституционных положений, определения современных тенденций развития правового порядка, прогнозирования последствий принятия того или иного нормативного подхода, нахождения альтернативных вариантов решения конституционной проблемы и т.д.) и как это влияет на вывод о конституционности проверяемой нормы.

Легитимность аргументов может увязываться и с диагностикой состояния правового регулирования. Могут возникать споры относительно того, какого уровня судебные акты формируют правоприменительную практику и какими должны быть их количественные характеристики⁸⁵. Например, при рассмотрении вопроса о возможности принятия жалоб граждан к рассмотрению в 2019 г. судья А. Н. Кокотов предлагал исходить из того, что решения Верховного Суда России по конкретному делу может быть достаточно, чтобы констатировать сложившееся правоприменительное обыкновение⁸⁶. Любопытно, что в 2020 г. в ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁸⁷ было внесено изменение и уточнено, что правовая норма может быть проверена по смыслу,

⁷⁸ Huhn W. Five Types of Legal Argument. 3rd ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2014. Chapter 12 : Intra-Type Attacks on Intent Arguments, para. 11–12, 17–18.

⁷⁹ U.S. Supreme Court. *Trump v. Hawaii*. 585 U.S. 667 (June 26, 2018) // United States Supreme Court Reports. Vol. 585. 2018. P. 706 («В тексте (спорного указа. — А. Ч.) ничего не говорится о религии»).

⁸⁰ U.S. Supreme Court. *Trump v. Hawaii*. 585 U.S. 667 (June 26, 2018) (Sotomayor, J., dissenting). P. 737–740.

⁸¹ Привод. по: Nelson C. Judicial Review of Legislative Purpose // New York University Law Review. Vol. 83. 2008. No. 6. P. 1854.

⁸² U.S. Supreme Court. *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*. P. 274.

⁸³ Блохин П. Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 9.

⁸⁴ Jakab A. Op. cit. P. 1253.

⁸⁵ Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. О функциональном назначении части 2 статьи 74 Закона о Конституционном Суде РФ и ее взаимосвязи с требованием исчерпания средств судебной защиты // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 5. С. 3.

⁸⁶ Абз. 4 п. 2 мнения судьи А. Н. Кокотова к определению Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 317-О.

⁸⁷ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

придаваемому ей толкованием в решениях по конкретному делу⁸⁸.

Если говорить про формирование представлений о релевантном социальном контексте, то определенные требования могут предъявляться и к тому, посредством каких доказательств можно подтверждать те или иные факты, влияющие на оценку конституционности нормативных положений⁸⁹. В этом смысле требования допустимости могут раскрываться в двух направлениях. С одной стороны, в практике конституционного правосудия может быть сформирован подход, требующий, чтобы конкретного рода факты подтверждались определенными доказательствами. С другой стороны, могут раскрываться доказательственные возможности конкретных средств доказывания (например, заключения эксперта⁹⁰).

Таким образом, критерий приемлемости (допустимости) аргументов становится значимым методологическим аспектом обоснования конституционно-судебных решений и крайне важным параметром, влияющим на процесс формирования конституционного дискурса. Это критерий определяет, какие аргументативные средства допустимо использовать для формирования представлений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем. При этом, как показывает анализ, соответствующие подходы формируются и фиксируются преимущественно самой практикой конституционного правосудия и поэтому имеют достаточно подвижный характер.

5. Полнота (защищенность) аргументации

Данный критерий связан с диалоговым характером конституционно-судебной аргументации. Если спорящие стороны формулируют

тезисы, которые не совместимы с ранее выраженными суждениями о конституционном должном либо их модифицируют, то орган конституционного правосудия должен отреагировать на них, обосновав их ошибочность либо неприменимость к рассматриваемой ситуации. Если же приводятся возражения в плоскости нормативно наличествующего и сущего, то на это также должна последовать аргументативная реакция. Кроме того, суду необходимо действовать на опережение и работать с возможными, гипотетическими или напрашивающимися возражениями. Неслучайно важнейшим показателем качества аргументов выступает их способность противостоять критике⁹¹ и «под состоятельностью позиции понимается ее способность поддержать точку зрения аргументами и отстоять ее перед лицом критики посредством контраргументов других участников спора»⁹².

Оставление аргументов без должной реакции способно породить недоверие к суду и создать впечатление, что позиция оппонента игнорируется, несмотря на то что является верной и обоснованной. Более того, орган конституционного правосудия должен использовать возражения, чтобы, напротив, усилить собственную позицию, продемонстрировав несостоятельность противоположных утверждений. Это важно и с точки зрения демонстрации готовности к диалогу, поскольку лица, участвующие в деле, начинают видеть, что их аргументы были услышаны и оценены. В этом смысле стоит положительно оценить подход в аргументации, когда большинство судей, принявшее итоговое конституционно-судебное решение, дает оценки суждениям, излагаемым в особых мнениях судей, оставшихся в меньшинстве, а также аргументации, приведенной

⁸⁸ Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

⁸⁹ См. подробнее: Чирнинов А. М. Понятие и свойства конституционно-судебных доказательств (на примере России и США) // Труды по сравнительному конституционному праву : коллективная монография к юбилею профессора М. С. Саликова / И. Ю. Крылатова, С. С. Кузнецова, А. В. Нечкин [и др.]. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 64–83.

⁹⁰ См., например: Сивицкий В. А. Перспективы института экспертного заключения в конституционном судопроизводстве в свете нового правового регулирования // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 3. С. 1–11.

⁹¹ Лисанюк Е. Н. Поиск и отбор решений спора в аргументации // Двенадцатые Смирновские чтения : материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 24–26 июня 2021 г. / редкол.: О. М. Григорьев, Д. В. Зайцев, Ю. В. Ивлев [и др.] ; отв. ред. В. И. Маркин. М. : Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 280–281.

⁹² Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2015. С. 24.

лицами, участвующими в деле, и так называемыми друзьями суда⁹³. Следует отметить, что в п. 9 ч. 1 ст. 75 Закона «О Конституционном Суде РФ» уже включено предписание, согласно которому решение суда должно при необходимости содержать «доводы, опровергающие утверждения сторон».

В этом плане можно приветствовать подход Конституционного Суда России, который он использовал при проверке положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁹⁴. Нужно напомнить, что в отсутствие формальной противоположной стороны по делу Конституционный Суд России принял решение «самостоятельно, в том числе на основе мониторинга дискуссии в средствах массовой информации и в сети Интернет, а также с учетом общественной значимости определить те положения, оценка которых требует более развернутого выражения его позиции»⁹⁵. Любопытно, что в подобных ситуациях некоторые органы конституционного правосудия по своей инициативе назначают независимое лицо, имеющее необходимый опыт и юридическую подготовку, представителем соответствующей стороны и возлагают обязанность привести аргументы против либо в защиту конституционности того или иного нормативного положения⁹⁶. Это делается для того, чтобы обеспечить состязательность конституционно-судебного процесса и должным образом отреагировать на аргументацию стороны.

В американской практике конституционного правосудия качество аргументации (англ.: *quality of reasoning*), в частности работа с поступившими возражениями, выступает одним из критериев, по которым принимается решение о пересмотре ранее принятого прецедента, в том числе имеющего конституционный статус. Так, Верховный суд США, проводя ревизию конститу-

ционно-судебного решения, признавшего право на аборт, указал, что в ходе его обоснования не было предпринято даже попытки продемонстрировать связи между конституционно-судебным предписанием и конституционным текстом, историей и прецедентами⁹⁷. Кроме того, проведенный судом исторический анализ оказался субъективным и крайне выборочным, что выразилось, среди прочего, в игнорировании существенного обстоятельства, а именно — истории развития общего права в части криминализации абортов⁹⁸. Наконец, судом была проведена некорректная аналогия с ранее выявленными основными правами (право на вступление в брак с лицом другой расы, право на вступление в брак в случае нахождения в заключении, право на приобретение противозачаточных средств, право на принятие решений относительно образования своих детей и т.д.), поскольку не было учтено, что аборт приводит «к уничтожению потенциальной жизни»⁹⁹ и потому его проведение не является реализацией безобидного права.

Существует еще одно соображение по поводу того, почему на аргументы противоположной стороны должны последовать соответствующие возражения. Дело в том, что неотработанные аргументативные выпады оставляют пространство для реализации немонотонности конституционно-судебной аргументации и пересмотра ранее выраженных позиций. Поэтому не исключена вероятность отмены даже конституционно желательного нормативного решения ввиду его формальной недообоснованности. В самом деле, если бы для придания праву на аборт статуса основного была выбрана иная линия аргументации и не использовались сомнительные (нелегитимные) аргументы, то по соображениям последовательности регулирования пересмотр спорного конституционно-судебного решения мог и не состояться.

Приведем пример ситуации, в которой орган конституционного правосудия не отвечает на

⁹³ Такой подход встречается, например, в практике верховных судов США, Канады и Израиля. См. подробнее: Чирнинов А. М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 9. С. 41.

⁹⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁹⁵ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3.

⁹⁶ См. подробнее: Shaw K. Friends of the Court: Evaluating the Supreme Court's Amicus Invitations // Cornell Law Review. Vol. 101. 2016. No. 6. P. 1565–1568.

⁹⁷ U.S. Supreme Court. Dobbs v. Jackson Women's Health Organization. P. 270–271.

⁹⁸ U.S. Supreme Court. Dobbs v. Jackson Women's Health Organization. P. 272.

⁹⁹ U.S. Supreme Court. Dobbs v. Jackson Women's Health Organization. P. 256–257.

аргументы заявителя и тем самым оставляет пространство для оспаривания нормативного положения в будущем. Как известно, Конституционный Суд России констатировал допустимость подхода, позволяющего не возвращать лицу половину суммы административного штрафа, уплаченного не позднее 20 дней со дня вынесения постановления о наложении штрафа (ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ) в случае, когда в последующем размер штрафа снижен судом до половины его минимального размера в порядке, предусмотренном частями 2.2 и 3.2 ст. 4.1 КоАП РФ, не усмотрев в этом подходе нарушения принципа равенства всех перед законом и судом¹⁰⁰. При этом в определении суда не опровергнут довод о том, что оспариваемые нормы закона ставят граждан в неравное положение в зависимости от того, какими правовыми средствами лицо добивается снижения административного штрафа до половины его минимального размера.

Рассуждения лица, оспаривающего конституционность такого подхода, звучат следующим образом: «Снижение административного штрафа до половины его минимального размера может осуществляться не только в судебном, но и в административном порядке. При этом если суд обязан рассмотреть соответствующую жалобу в двухмесячный срок со дня ее поступления (ч. 2 ст. 30.5 КоАП РФ), то вышестоящему должностному лицу на это отводится 10 дней (ч. 1 ст. 30.5 КоАП РФ). Следовательно, лица, использующие административный порядок обжалования, ставятся в более привилегированное положение, чем лица, которые обращаются за судебной защитой, поскольку они успевают добиться снижения штрафа до половины его минимального размера еще до истечения

20-дневного периода уплаты штрафа в льготном (половинном) размере и поэтому могут рассчитывать на осязаемый правовой результат»¹⁰¹. Объективное оправдание такой дифференциации найти трудно, что свидетельствует о конституционной упречности оспариваемого нормативного подхода.

С точки зрения реализации критерия полноты конституционно-судебной аргументации нужно положительно оценить внесенные в регламент Конституционного Суда России изменения в части возможности судей задавать вопросы приглашенным лицам. Если раньше такая возможность не предполагалась¹⁰², то начиная с 2023 г. судьи наделены этим правом¹⁰³. Таким же правом с разрешения Конституционного Суда России могут воспользоваться стороны и эксперты¹⁰⁴. Практическая польза от этой возможности состоит в том, что именно в ходе ответа на вопросы происходит содержательный обмен мнениями и аргументами, что позволяет глубже раскрыть вопрос и в случае необходимости скорректировать позицию или даже отказаться от нее.

Кроме того, с января 2024 г. Конституционный Суд России начал размещать на своем официальном сайте информацию о принятых к рассмотрению обращения с обозначением проблематики рассматриваемых дел¹⁰⁵ (правда, пока в довольно абстрактной форме, с указанием реквизитов (часть, статья, нормативный акт) и спорного вопроса: «*обеспечение гарантии оплаты труда не ниже МРОТ при работе на условиях неполного рабочего времени*», «*солидарное взыскание с жильцов коммунальной квартиры задолженности по оплате электроэнергии*»¹⁰⁶), что также способствует

¹⁰⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 20.05.2021 № 880-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰¹ Чирнинов А. М. Штраф уплачен [не] излишне... С. 148.

¹⁰² Редким исключением стало слушание дела о проверке дела о проверке конституционности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», когда возможность задать вопрос представителю МИД России с учетом «неординарности дела» была предоставлена судьям С. П. Маврину и С. Д. Князеву. См.: видеозапись заседания Конституционного Суда РФ от 13.03.2012, 01:18:18-01:33:55 // URL: <https://medias.ksrf.ru/archive/20120313.mp4/embed.html> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁰³ Решение Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 «О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁴ Решение Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 «О внесении изменений в Регламент Конституционного Суда РФ».

¹⁰⁵ См., например: 18 января 2024 года обновлен список обращений, принятых Конституционным Судом РФ к рассмотрению // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3802> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁰⁶ Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3912> (дата обращения: 18.01.2025).

открытости конституционно-судебного процесса. Дальнейшим шагом может стать опубликование с согласия заявителей текста обращений в органы конституционного правосудия и иных процессуальных документов¹⁰⁷, что создаст предпосылки для подачи содержательно насыщенных и должным образом аргументированных инициативных заключений, которые не выходили бы за рамки предмета рассматриваемых дел. Например, при принятии обращения к рассмотрению Верховный суд США обозначает правовые вопросы, которые ему предстоит решить, и тем самым сразу же задает аргументационное поле. В частности, по тому же делу об абортах на обсуждение был вынесен, среди прочего, вопрос о том, «являются ли все запреты на аборты до достижения жизнеспособности плода неконституционными»¹⁰⁸.

Таким образом, критерий полноты (защищенности) аргументации предполагает, что правила судопроизводства должны быть сконструированы так, чтобы все заинтересованные лица имели возможность выразить свои доводы о конституционности нормативных положений и получить от суда соответствующую реакцию. Аргументация может быть признана защищенной, если будет продемонстрировано, что в свете озвученных аргументов необходимость в модификации позиции, формулируемой органом конституционного правосудия, отсутствует, и в подтверждение этого приведено соответствующее обоснование.

Заключение

Проведенное исследование показало, что использование тезиса о необходимости посредством аргументации усиливать конституционную нормативность позволяет сформулировать ряд важных требований к формированию конституционного дискурса. Учитывая суть и предназначение конституционного нормоконтроля, можно выделить следующие критерии для оценки конституционно-судебной аргументации:

— *конституционная обусловленность утверждений о конституционно должном*

(удовлетворяется в случае выводимости конституционно-судебных предписаний из конституционных положений, а также последовательности и универсальности рассуждений);

— *точность диагностики действующего правового регулирования* (выполняется в случае фиксации всех значимых элементов нормативного порядка и при корректном конструировании правового контекста);

— *адекватность описания и осмысления социального контекста* (соблюдается при обеспечении полноты, предметности, объективности и достоверности утверждений, формирующих представления о фактических условиях реализации конституционных положений и проверяемых норм);

— *приемлемость аргументов для конституционного дискурса* (удовлетворяется в случае оперирования источниками, относительно которых в практике конституционного правосудия сложился консенсус в части допустимости их использования для составления суждений о конституционно должном, нормативно наличествующем и сущем);

— *полнота (защищенность) аргументации* (выполняется при учете лицами, принимающими конституционно-судебное решение, критики, в том числе потенциальной, а также при выражении ответной аргументативной реакции на поступающие возражения).

В завершение можно зафиксировать определенную связь между критериями оценки конституционно-судебной аргументации и типами аргументов, которые используются для выстраивания конституционного дискурса. Например, текстуальный и интенциональный аргументы непосредственно обеспечивают выводимость конституционно-судебных предписаний из конституционных положений, а аргумент к последовательности и прагматический аргумент помогают дать более точные оценки качеству правового регулирования и адекватнее обозначить социальный контекст. Всё это свидетельствует о системности и логичной связности предлагаемой концептуализации конституционно-судебной аргументации.

¹⁰⁷ Например, на официальном сайте Верховного суда США размещаются все процессуальные документы по делу. URL: <https://www.supremecourt.gov/search.aspx?filename=/docket/docketfiles/html/public/19-1392.html> (дата обращения: 13.02.2025).

¹⁰⁸ Официальный сайт Верховного суда США. URL: <https://www.supremecourt.gov/qp/19-01392qp.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блохин П. Д. Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах // Аргументация в праве и морали : кол. монография / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Алеф-Пресс, 2018. С. 212–224.
- Блохин П. Д. Умножение сущностей: обращение Конституционного Суда РФ к международной (зарубежной) судебной практике // Вестник исполнительного производства. 2021. № 3. С. 6–13.
- Брюшинкин В. Н. Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2010. № 12. С. 96–105.
- Гаджиев Г. А., Блохин П. Д. О функциональном назначении части 2 статьи 74 Закона о Конституционном Суде РФ и ее взаимосвязи с требованием исчерпания средств судебной защиты // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 5. С. 1–6.
- Джонсон С. Л. Как побеждать в дебатах: пособие по Британскому (всемирному) формату парламентских дебатов. Нью-Йорк ; Лондон ; Амстердам : IDEA, 2012. 240 с.
- Должиков А. В. «Рукописи не горят»: неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.
- Ивлев Ю. В. Основы логической теории аргументации // Логические исследования. 2003. № 10. С. 50–60.
- Краснов М. А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 77–91.
- Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex russica (Русский закон). 2007. Т. 66. № 4. С. 610–622.
- Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2015. 297 с.
- Лисанюк Е. Н. Поиск и отбор решений спора в аргументации // Двенадцатые Смирновские чтения : материалы Международной научной конференции, г. Москва, 24–26 июня 2021 г. / редкол.: О. М. Григорьев, Д. В. Зайцев, Ю. В. Ивлев [и др.] ; отв. ред. В. И. Маркин. М. : Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 280–284.
- Мигунов А. И. Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 3–28.
- Политюк А. П. Риторический поворот в теории аргументации // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2013. № 12. С. 112–119.
- Сивицкий В. А. Перспективы института экспертного заключения в конституционном судопроизводстве в свете нового правового регулирования // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 3. С. 1–11.
- Чирнинов А. М. «Молчание — золото?»: конституционность отказа лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отвечать на вопросы стороны защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 172–180.
- Чирнинов А. М. «Скорость нужна, а поспешность вредна»: конституционность механизма отстранения члена участковой избирательной комиссии // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 33–39.
- Чирнинов А. М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 33–61.
- Чирнинов А. М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 9. С. 33–46.
- Чирнинов А. М. Понятие и свойства конституционно-судебных доказательств (на примере России и США) // Труды по сравнительному конституционному праву : кол. монография к юбилею профессора М. С. Саликова / И. Ю. Крылатова, С. С. Кузнецова, А. В. Нечкин [и др.]. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 64–83.
- Чирнинов А. М. Штраф уплачен [не] излишне: согласованность правовых институтов как конституционная ценность (на примере административно-деликтного права) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 142–151.
- Alexy R. A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification. Oxford : Oxford University Press, 2011. 323 p.
- Benjamin S. M., Renberg K. M. The Paradoxical Impact of Scalia's Campaign Against Legislative History // Cornell Law Review. Vol. 105. 2019. P. 1023–1092.
- Breyer S. On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes // Southern California Law Review. Vol. 65. 1991.

- Carro J. L., Brann A. R. *The U. S. Supreme Court and the Use of Legislative Histories: A Statistical Analysis* // *Jurimetrics*. Vol. 22. 1982. No. 3. P. 294–306.
- Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 226 p.
- Hahn U., Harris A. J. L., Corner A. *Argument Content and Argument Source: An Exploration* // *Informal Logic*. Vol. 29. 2009. № 4. P. 337–367.
- Huhn W. *Five Types of Legal Argument*. 3rd ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2014. 228 p.
- Jakab A. *Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective* // *German Law Journal*. Vol. 14. 2013. No. 8. P. 1215–1275.
- MacCormick N. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 304 p.
- Sajo A., Uitz R. *The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford : Oxford University Press, 2017. 512 p.
- Shaw K. *Friends of the Court: Evaluating the Supreme Court's Amicus Invitations* // *Cornell Law Review*. Vol. 101. 2016. No. 6. P. 1533–1596.
- Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 360 p.
- Walton D. *Methods of Argumentation*. New York, NY : Cambridge University Press, 2013. 320 p.

REFERENCES

- Alexy R. *A Theory of Legal Argumentation: The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification*. Oxford: Oxford University Press; 2011.
- Benjamin SM, Renberg KM. The Paradoxical Impact of Scalia's Campaign against Legislative History. *Cornell Law Review*. 2019;105:1023-1092.
- Blokhin PD. Justification by Analogy in Constitutional and Legal Disputes. In: Lysanyuk EN (ed.). *Argumentation in Law and Morality*. St. Petersburg: Alef-Press Publ. 2018. (In Russ.).
- Blokhin PD. Multiplication of Entities: The Constitutional Court of the Russian Federation's Reference to International (Foreign) Judicial Practice. *Herald of Enforcement Procedure*. 2021;3:6-13. (In Russ.).
- Breyer S. On the Uses of Legislative History in Interpreting Statutes. *Southern California Law Review*. 1992;61:845-867.
- Bryushinkin VN. The advantages and disadvantages of the logical approach to the argumentation modelling. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2010;12:96-105. (In Russ.).
- Carro JL, Brann AR. The U. S. Supreme Court and the Use of Legislative Histories: A Statistical Analysis. *Jurimetrics*. 1982;22(3):294-306.
- Chirninov AM. «Great Haste Makes Great Waste»: The Constitutional Nature of the Mechanism of Removal of a Member of a District Electoral Commission. *Constitutional and Municipal Law*. 2024;1:33-39. (In Russ.).
- Chirninov AM. «Is silence golden?»: the constitutionality of the refusal of a person who has entered into a pre-trial cooperation agreement to answer questions from the defense. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2023;1(152):172-180. (In Russ.).
- Chirninov AM. Searching for relevant arguments: the structure of constitutional argumentation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2022;3(148):33-61. (In Russ.).
- Chirninov AM. The Concept and Properties of Constitutional Judicial Evidence (Case studies of Russia and the USA). In: Krylatova IYu, Kuznetsova SS, Nechkin AV et al. *Studies in Comparative Constitutional Law: A Collective Monograph in Honor of Professor M. S. Salikov's Anniversary*. Yekaterinburg: IMC UPI Publ.; 2022. (In Russ.).
- Chirninov AM. The fine is [not] overpaid: coherence of legal rules as a constitutional value (using as example of the law of administrative offences). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2022;5:142-151. (In Russ.).
- Chirninov AM. The impact of procedural aspects of constitutional control upon the style of argumentation: comparative research. *Law and Politics*. 2020;9:33-46. (In Russ.).
- Dolzhiy AV. Manuscripts don't burn»: unwritten rights in constitutional adjudication. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2014;1(98):120-137. (In Russ.).
- Eemeren FH. van, Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004.

- Gadzhiev GA, Blokhin PD. On the functional purpose of part 2 of article 74 of the law on the constitutional court of the Russian federation and its relationship with the requirement to exhaust judicial remedies. *Journal of Constitutional Justice*. 2022;5:1-6. (In Russ.).
- Hahn U, Harris AJL, Corner A. Argument Content and Argument Source: An Exploration. *Informal Logic*. 2009;29(4):337-367.
- Huhn W. Five Types of Legal Argument. 3rd ed. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press; 2014.
- Ivlev YuV. Fundamentals of the Logical Theory of Argumentation. *Logical Investigations*. 2003;10:50-60. (In Russ.).
- Jakab A. Judicial Reasoning in Constitutional Courts: A European Perspective. *German Law Journal*. 2013;14(8):1215-1275.
- Johnson SL. Winning Debates. A Guide to Debating in the style of the world universities debating championships. New York; London; Amsterdam: IDEA Publ.; 2012. (In Russ.).
- Krasnov MA. Interpretations of the constitution as its actual amendments. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2016;1(110):77-91. (In Russ.).
- Kutafin OE. Gaps, Analogy, and Defects in Constitutional Law. *Lex russica*. 2007;66(4):610-622. (In Russ.).
- Lisanyuk EN. Logical-Cognitive Theory of Argumentation. Dr. Sci. (Philosophy). St. Petersburg, 2015.
- Lisanyuk EN. Search for and Selection of Dispute Resolution in Legal Arguments. In: Markin VI (ed.). *12th Smirnov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, June 24–26, 2021*. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science Publ.; 2021.
- MacCormick N. *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford: Oxford University Press; 2005.
- Migunov AI. The Relationship between Rhetorical and Argumentative Aspects of Discourse. *RACIO.ru*. 2010;4:3-28. (In Russ.).
- Polityuk AP. The rhetorical turn in argumentation theory. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2013;12:112-119. (In Russ.).
- Sajo A, Uitz R. *The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press; 2017.
- Shaw K. Friends of the Court: Evaluating the Supreme Court's Amicus Invitations. *Cornell Law Review*. 2016;101(6):1533-1596.
- Sibitskiy VA. Prospects of the institute of expert opinion in constitutional proceedings in the light of new legal regulation. *Journal of Constitutional Justice*. 2022;3:1-11. (In Russ.).
- Walton D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006.
- Walton D. *Methods of Argumentation*. New York, NY: Cambridge University Press; 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирнинов Алдар Мункожаргалович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 16, Софьи Ковалевской ул., г. Екатеринбург 620049, Российская Федерация
chir-alдар@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aldar M. Chirninov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
chir-alдар@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 03.11.2024.
Revised 14.06.2025.
Accepted 15.06.2025.

Убытки и их возмещение при нарушении договора в германском гражданском праве

Резюме. В статье на основании изучения германского гражданского права автор приходит к выводу, что в целом понятие убытков в Германии соответствует отечественной конструкции, закрепленной Гражданским кодексом РФ. Отличительной особенностью немецкой модели устранения неблагоприятных последствий гражданского правонарушения выступает универсальный механизм возмещения вреда, применяемый при нарушении обязательств и причинении вреда. Особое значение в немецкой юриспруденции придается возмещению убытков, но не как некоему процессу, а как средству удовлетворения интересов пострадавшего контрагента. В германском праве основанием для возмещения является нарушение именно обязанности, а не субъективного гражданского права, как это указано в ст. 15 Гражданского кодекса РФ. При нарушении договора гражданское право Германии объектом защиты видит не столько нарушенное субъективное право одного из контрагентов, сколько его правовые интересы, возникающие у него посредством вступления в обязательственные отношения. Исследование позволяет констатировать, что в Германии при нарушении договора от характера защищаемого интереса зависит вид подлежащих возмещению убытков, их размер и методика определения. Как установлено автором, в германском гражданском праве действует принцип приоритета реального исполнения, означающий, что возмещение убытков не устраняет обязанность исполнить нарушенное обязательство. Это объясняется тем, что кредитор при получении возмещения убытков не получает того положительного экономического эффекта, который послужил поводом к заключению договора.

Ключевые слова: убытки; вред; нарушение договора; ответственность; германское гражданское право; возмещение; ущерб; неисполнение обязательства; зарубежное законодательство; Гражданское уложение Германии; защита гражданских прав; иностранное право

Для цитирования: Захаров Д. Е. Убытки и их возмещение при нарушении договора в германском гражданском праве. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 70–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.070-080

Damages and Compensation for Breach of Contract in German Civil Law

Dmitry E. Zakharov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Based on an analysis of German civil law, the author concludes that the concept of damages in Germany generally aligns with the domestic framework established by the Civil Code of the Russian Federation. A distinctive feature of the German model for remedying the adverse consequences of civil wrongdoing is its universal mechanism for compensation, which applies both to breaches of obligations and to tortious harm. German jurisprudence attaches particular importance to compensation for losses, but not as a mere procedural matter, but as a means of satisfying the interests of the affected counterparty. In German law, the basis for compensation is a violation of an obligation rather than a subjective civil right, as stipulated in Article 15 of the Russian Civil

Code. In cases of contractual breach, German civil law focuses not so much on the violation of a party's subjective right as on the legal interests arising from their entry into the contractual relationship. The study finds that in Germany, the nature of the protected interest determines the type of compensable damages, their extent, and the method of calculation. As established by the author, German civil law adheres to the principle of priority of specific performance, meaning that compensation for damages does not eliminate the obligation to fulfill the breached contract. This is explained by the fact that the creditor, when receiving compensation for losses, does not receive the positive economic effect that led to the conclusion of the contract.

Keywords: damages; harm; breach of contract; liability; German civil law; compensation; loss; non-performance of obligation; foreign legislation; German Civil Code; protection of civil rights; foreign law

Cite as: Zakharov DE. Damages and Compensation for Breach of Contract in German Civil Law. *Lex russica*. 2025;78(7):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.070-080

Введение

В современных условиях рыночной экономики и развития предпринимательства особое значение приобретают способы защиты гражданских прав, в частности при нарушении договорных обязательств. Возмещение убытков является универсальным способом, и он применим для нарушения любого вида договоров.

Любое правовое явление не возникает само себе, и для этого необходимо наличие определенных причин. В таком ключе ответственность за нарушение договора не является исключением и для ее наступления требуется совокупность условий, среди которых принято выделять наступление убытков. Определение убытков не только обладает теоретической значимостью, но и имеет сугубо практическое значение для правоприменения при разрешении в суде вопроса относительно вида убытков, их размера и возмещения.

В настоящее время большое внимание уделяется анализу иностранного правового опыта. Изучение вопросов гражданско-правовой ответственности в целом и ее отдельных аспектов (основания, условия, меры) в иностранных правовых порядках представляется весьма важным для развития отечественной юридической науки. Обращение к германскому гражданскому праву объяснимо тем, что Российская Федерация относится к романо-германской правовой семье и германское право является наиболее развитым в Европе. В этой связи представляется актуальным проанализировать с позиции германского права научные и законодательные подходы к определению убытков как условия

привлечения к ответственности за нарушение договора, не оставив без внимания и особенности возмещения убытков.

Основная часть

Отечественное гражданское законодательство закрепляет легальную дефиницию убытков (ст. 15 ГК РФ), чего не сделано в германском законе. Подобное законодательное игнорирование в Германии объясняется доктринальными воззрениями на правовую природу убытков. В частности, в силу свободы договора не может существовать единого определения убытков, применимого для различных видов договоров и для отношений с участием различных субъектов гражданского права. Кроме того, участники обязательственных отношений наделены правом самостоятельно трактовать значение убытков применительно к их правоотношениям¹. В германской доктрине в настоящее время нет единого мнения относительно необходимости законодательного определения убытков: одни правоведы считают это необходимым, другие же выступают против этого².

В германском Гражданском уложении (далее — ГГУ) и иных источниках права не используется понятие «убытки за нарушение обязательств», имеется лишь указание на обязанность возместить вред (Schadenersatzpflicht). В гражданском праве выделен целый институт возмещения вреда (Schadenersatzrecht), нормы которого универсальны и применимы при нарушении обязательств и причинении вреда. Согласно

¹ Brieskorn K. Vertragshaftung und responsabilité contractuelle. Ein Vergleich zwischen deutschem und französischem Recht mit Blick auf das Vertragsrecht in Europa. Tübingen : Mohr Verlag, 2010. S. 183.

² См. подробнее: Жученко С. П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2017. С. 108.

немецкой доктрине, любое гражданское правонарушение порождает право на возмещение вреда от лица, обязанного к такому возмещению. Если должник нарушит свою обязанность, вытекающую из обязательства, кредитор вправе потребовать возмещения вызванного этим вреда (§ 280 ГГУ).

Особенностью германской правовой системы выступает общая конструкция ущерба, объединяющая в себе как последствия нарушения обязательств, так и причинение вреда. По смыслу ГГУ ущерб — понятие собирательное, куда включаются любые потери (утрата) благ, охраняемых законом. Требование возмещения ущерба простирается на материальные и нематериальные лишения, при этом закон учитывает такое деление при определении правил их возмещения. Так, при возникновении нематериального ущерба можно требовать денежной компенсации, только если это прямо предусмотрено законом (§ 253 ГГУ). С другой стороны, в случае имущественного ущерба, если причинен вред личности или повреждена вещь, потерпевшая сторона может потребовать денежной компенсации вместо натурального возмещения (§ 249 ГГУ).

В общем виде представление об убытках в германском гражданском праве сходно с определением, закрепленным в отечественном Гражданском кодексе; по мнению большинства немецких правоведов, убытки представляют собой нежелательные и недобровольные лишения в отношении защищаемых законом правовых благ³. Применительно к нарушению договора убытки находят воплощение в утрате или уменьшении имущества пострадавшего контрагента, появлении непредвиденных и вынужденных издержек и утрате возможности заключить более выгодные сделки⁴.

Относительно функционального значения убытков в германском гражданском праве выделяют так называемую функцию по устранению причиненного ущерба (Wiedergutmachung). Она обеспечивает ком-

пенсационно-восстановительное значение возмещения убытков при нарушении гражданских прав. Юридическое значение убытков состоит в их обеспечительной ценности (Garantiefunktion). С одной стороны, наличие этой функции обещает любому контрагенту защиту субъективного гражданского права при условии нарушения договора, а с другой — санкционирует применение в отношении неисправного должника различных средств правового воздействия (ограничения, принуждение, вменение, обязывание). Как отмечают немецкие правоведы, в последнее время в гражданском праве происходит переоценка значимости функций возмещения убытков⁵, в этой связи «следует отметить явную попытку освобождения от методических принципов, ощущаемых значительным числом весьма влиятельных сторонников экономического анализа как оковы, благодаря чему приоритет в сфере возмещения убытков отдается функции превенции»⁶. Превентивная функция убытков обладает как общим, так и специальным характером. Общее означает, что лицо любым доступным ему способом постарается исключить возможность причинения убытков, а специальное определяет реальную возможность наступления и привлечения к гражданско-правовой ответственности⁷.

В германском праве возмещение убытков рассматривается как реализация правопритязания, которое может быть конкретно-определенным или абстрактно-определенным. Абстрактно-определенные притязания определяются с учетом объективных критериев⁸. Иллюстрацией конкретно-определенных притязаний служит требование профессионального участника гражданского оборота возместить цену товара, которую бы он выручил от его перепродажи при надлежащем исполнении обязательства, и при определении размера убытков в расчет принимаются универсальные величины — биржевая и рыночная цены (§ 379, 373 Торгового уложения Германии), не зависящие от факти-

³ Möller H., Bruck E. Kommentar zum Versicherungsvertragsgesetz und zu den Allgemeinen Versicherungsbedingungen unter Einschluss des Versicherungsvermittlerrechtes. 8. Auflage. 1980. S. 23.

⁴ Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts: Allgemeiner Teil. Band 1. München: Beck Verlag, 1976. S. 430 f.

⁵ Цит. по: Wurmnest W. Grundzüge eines europäischen Haftungsrechts: eine rechtsvergleichende Untersuchung des Gemeinschaftsrechts. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2003. S. 97.

⁶ Коцюль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6.

⁷ Wurmnest W. Op. cit. S. 97.

⁸ Brieskorn K. Op. cit. S. 270.

чески наступивших потерь (затрат) при нарушении договора.

При нарушении договоров купли-продажи на предпринимателей возлагается обязанность возместить убытки, которые складываются из разницы между покупной и биржевой или рыночной ценой, действовавшей в тот момент и в том месте, где должно было быть осуществлено надлежащее исполнение (§ 376 Торгового уложения Германии). Относительно физического лица аналогичное требование уже абстрактно по характеру, поскольку это лицо не является предпринимателем и для возмещения убытков требуется доказать связь отрицательных имущественных последствий с нарушением договора и подтвердить их размер в суде. При этом абстрактно-определенные притязания могут касаться не только наступивших, но и возможных будущих убытков, факт причинения которых не может быть точно установлен; в таком случае применяется предположение о нормальном (обычном) течении событий и обстоятельств в гражданском обороте⁹.

В германском гражданском праве принято выделять убытки по различным основаниям. Прежде всего убытки делятся на прямые и косвенные. Гражданское законодательство не содержит их определения и не устанавливает их признаки. В науке прямые убытки относят к «ближайшим» последствиям правонарушения, а косвенные являются следствием наступления прямых убытков. В решениях немецких судов трудно найти прямое указание на взыскание косвенных убытков; решающее значение для правоприменителя имеет установленная законодательством общая обязанность возмещения всех причинно-следственных результатов нарушения права, независимо от отдаленности наступления убытков. Стоит отметить, что закон не содержит запрет на взыскание косвенных убытков, а их возмещение допустимо при указании на такую возможность в договоре и при применении теории гипотетической причинности.

В германском праве в зависимости от стадии развития обязательственного правоотношения выделяют убытки, причиненные при исполнении обязательства, и убытки, возникшие в постдоговорных отношениях. Во втором случае речь

идет о ситуации, когда одна из сторон договора нарушила обязанность, имеющую юридическое значение и после надлежащего исполнения договорного обязательства (например, сообщать или не сообщать определенного рода информацию).

Отдельной разновидностью убытков, возникающих при нарушении договора, являются паушальные убытки. Возмещение паушальных убытков допускается при наличии условия (соглашения) об этом между сторонами договора. Суть подобного возмещения убытков состоит в предварительном согласовании сторонами фиксированного размера требований, которые могут возникнуть в будущем при нарушении обязательства.

Целью согласования паушального возмещения выступает согласование размера убытков, не требующее доказательств, подтверждающих их характер и объем. Важно отметить, что установление паушального возмещения является средством юридической фиксации размера убытков, которые могут наступить в будущем, но паушальное возмещение не состоится, если будет доказано, что убытки в размере паушального возмещения не наступили вообще или наступили, но в размере ниже, чем предусмотрено соглашением.

При наличии договоренности относительно паушального возмещения речь идет о расширении пределов договорной ответственности, допускаемом как индивидуальными, так и общими условиями совершения сделок¹⁰. Так, при определении размера понесенных убытков стороны вправе требовать возмещение потерь (расходов) в заранее установленном размере при наличии одного из двух условий:

1) общая сумма превышает убытки, которые при обычном ходе событий ожидаются в урегулированных случаях, либо превышает обычные потери от снижения стоимости;

2) другой стороне достаточно очевидно не позволяют привести доказательства того, что убытки или снижение стоимости вообще не возникали либо они существенно ниже общей суммы (§ 309 ГГУ).

Немецкие правоведы подчеркивают, что установление паушального возмещения не следует путать с неустойкой, которая имеет прежде

⁹ Brieskorn K. Op. cit. S. 271.

¹⁰ Palandt O. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. 71. Auflage. München : C. H. Beck Verlag, 2012. § 276 Rn. 26.

всего обеспечительное значение для надлежащего исполнения обязательства¹¹. Аналогичной позиции придерживается и Верховный суд Германии, отметивший, что паушальное возмещение охватывает обычный размер убытков, возникающих при сходных обстоятельствах и при нормальных условиях гражданского оборота, в то время как неустойка самостоятельна от убытков¹².

Самостоятельным видом убытков выступает неполученный доход, который лицо получило бы от заключения договора с третьим лицом. Верховный суд Германии указал, что для осуществления права требования возмещения неполученных доходов от незаключенной сделки нужно доказать не просто возможность заключения договора с другим лицом, но и совершение всего необходимого для последующего заключения незаключенного договора¹³.

Отдельной разновидностью убытков следует признать напрасно произведенные расходы, под которыми понимаются расходы лица, которые он понес или мог понести, если только их цель не была бы достигнута и без нарушения со стороны должника (§ 284 ГГУ). Обязательным условием для возмещения подобных расходов является их обусловленность ожиданием кредитором надлежащего исполнения от должника, другими словами, кредитор несет напрасно произведенные расходы, полагаясь на надлежащее исполнение обязательства.

Для положительного разрешения вопроса о взыскании напрасно понесенных расходов суду надлежит сопоставить характер нарушенного обязательства и вид и размер понесенных расходов с учетом принципа разумности и добросовестности. Например, согласно материалам гражданского дела, рассмотренного в Окружном суде Франкфурта-на-Майне, возмещение расходов на такси до аэропорта в связи с опозданием самолета на 12 часов признано обоснованным и отвечающим принципу разумности и добросовестности¹⁴.

Иной разновидностью убытков, подлежащих возмещению при нарушении договора, являются амортизационные потери (издержки). Возмещение амортизационных потерь в гер-

манском праве относится к реальному ущербу. Амортизационные издержки потерпевшей стороны возмещаются ей при доказанности объективной утраты объектом стоимости без необходимости подтверждения этих расходов в действительности. Например, возмещению подлежит утрата стоимости транспортного средства после его повреждения по причине недостатков, не оговоренных стороной договора. Судебная инстанция, удовлетворив требование истца о взыскании разницы между стоимостью отремонтированного автомобиля и аналогичным, не подвергавшимся ремонту, не приняла во внимание позицию ответчика об отсутствии заключенного договора купли-продажи автомобиля и, следовательно, отсутствии фактически понесенных амортизационных потерь¹⁵.

В Гражданском уложении Германии нет норм, посвященных возмещению утраченной возможности как разновидности убытков при нарушении обязательства. Однако на доктринальном уровне взыскание утраченной возможности не подвергается сомнению, и судебная практика не отрицает этого. Верховный суд Германии указал, что реальные возможности по получению и использованию материальных благ находятся под охраной закона при соблюдении требований разумности и добросовестности и обструкция этой возможности привела к утрате конкретного дохода или прибыли¹⁶.

В отдельную категорию по критерию соотношения убытков и требования об исполнении обязательства выделяют убытки, сопутствующие исполнению (*Schadenersatz neben Leistung*), и убытки, взыскиваемые взамен предоставления по обязательству (*Schadenersatz statt der Leistung*).

Первая группа убытков взыскивается наряду с исполнением по причине сохранения у кредитора интереса в получении предоставления по обязательству. По общему правилу возникновение требования на возмещение убытков не прекращает права на получение надлежащего исполнения по нарушенному обязательству, поскольку за кредитором признается сохранение интереса в получении обещанного ему

¹¹ *Palandt O.* Op. cit. § 276 Rn. 26, § 331 Rn. 1.

¹² BGHZ 49,84/89 ; 131, 356.

¹³ *Brieskorn K.* Op. cit. S. 296.

¹⁴ LG Frankfurt/M. 29 August 1996.

¹⁵ BGH JZ 1967, 360 ; BHGZ 35, 396.

¹⁶ BGH, IX, ZS, 30. Mai 2000, BGHZ 144, 343.

договором. Научным обоснованием такой законодательной конструкции является то обстоятельство, что нарушение обязательства лишает другую сторону возможности приобретения и потребления благ и даже возмещенные убытки не заменяют того экономического результата, который кредитор желал достигнуть посредством вступления в договорное отношение.

Наличие убытков взамен предоставления по обязательству свидетельствует об утрате интереса в надлежащем исполнении нарушенного обязательства, но при этом возмещение убытков по объему и охвату должно быть соизмеримо с экономическим эффектом надлежащего исполнения.

В отдельных случаях установлен законодательный запрет на взыскание убытков взамен исполнения. Например, при нарушении требования качества товара покупатель может потребовать последующее исполнение, означающее устранение недостатков либо передачу свободной от недостатков вещи, а продавец обязан нести расходы, необходимые для последующего исполнения, в частности транспортные расходы, а также затраты на привлечение рабочей силы и материалы (§ 439 ГГУ).

Взыскание убытков взамен исполнения допускается при наличии специальных условий, предусмотренных законом: предоставление льготного срока для исполнения, окончательный отказ от исполнения, неприемлемость исполнения для кредитора. При невозможности исполнения взыскание убытков взамен исполнения зависит от характера обстоятельств, препятствующих исполнению (§ 275, 326 ГГУ), и осведомленности должника относительно существовавшей невозможности (§ 311a ГГУ).

Рассмотрев основные виды убытков, логично перейти к изучению форм их возмещения (Form des Ersatzes). Базой выступает натуральная (естественная) форма возмещения убытков. Законодательной основой этой формы возмещения является § 249 ГГУ, согласно которому лицо, обязанное к возмещению ущерба, должно восстановить положение, которое существовало бы, если бы обстоятельство, обязывающее к возмещению, не наступило. С учетом объекта и условий посягательства натуральная форма возмещения находит свое нормативное выражение в том, что лицо, которое умышленно или по неосторожности противоправно причинило вред жизни или здоровью, посягает на

свободу, собственность или иное право другого лица, обязано возместить причиненный вред (§ 823 ГГУ). Рассматриваемая форма возмещения универсальна и применима в различных ситуациях: при нарушении договора, признании сделки недействительной, виндикации, неосновательном обогащении. Натуральная форма возмещения используется при защите как материальных, так и нематериальных благ. Рассматриваемая форма возмещения не сводится исключительно к денежному возмещению, скорее это попытка изменить реальное положение вещей с целью приведения его к гипотетическому положению в отсутствие нарушения прав. В германском праве применение натурального возмещения служит защите нарушенных прав: реальное положение действительности изменяется путем максимально возможного «естественного» приближения к аутентичному положению, в котором бы находился потерпевший, не случись правонарушения. Анализ § 249, 250, 251 ГГУ позволяет сделать вывод о приоритете реального возмещения перед уплатой денежной суммы. Как указал Верховный суд Германии, лицо, нарушившее обязательство, может ликвидировать негативные последствия правонарушения посредством реального исполнения обязательства двумя путями: ремонт (восстановление) или предоставление аналогичной вещи¹⁷.

На случай неосуществимости или затруднительности натурального возмещения при нарушении личных или имущественных прав кредитор вправе взамен восстановления положения потребовать с должника уплаты соответствующей суммы (§ 249 ГГУ). На практике выбор в пользу такой формы возмещения продиктован недостижимостью полного возмещения убытков при использовании натуральной формы, экономической нецелесообразностью избрания натурального возмещения как для кредитора, так и для должника.

Изучая вопросы компенсации убытков, нельзя обойти вниманием методику определения размера возмещения. В германском гражданском праве с целью определения размера понесенных убытков применяется метод суррогата и метод дифференциации. Использование первого метода предполагает возмещение лицу убытков в размере полной величины встречного предоставления, которое должник обязан был осуществить перед кредитором

¹⁷ BGHZ 154, 395, BGHZ 163, 180.

при надлежащем исполнении обязательства. Метод дифференциации означает, что кредитору возмещается разница между фактическим исполненным и тем, что должен был исполнить по обязательству должник. Примером применения рассматриваемых методов является следующая ситуация: по заключенному договору лицо S передает лицу F свой автомобиль стоимостью 8 000 евро. В оплату автомобиля включается оказание услуг по обучению вождения стоимостью 6 000 евро. В последующем выясняется, что автомобиль имел недостатки, о которых умолчал собственник. При применении метода дифференциации F получает возмещение в размере 2 000 евро и с него снимается обязанность оказывать услуги по обучению. Использование метода суррогата позволяет F получить возмещение в размере 8 000 евро, но на него возлагается обязанность оказать S услуги по обучению.

Обычно немецкие суды используют метод дифференциации при определении размеров понесенных убытков, но исключительно в интересах пострадавшей стороны они могут избрать суррогатный метод для более экономически обоснованной и эффективной защиты нарушенных прав¹⁸.

После реформы обязательственного права в Германии определен единый юридический состав нарушения гражданско-правовой обязанности, объединяющий разнообразные случаи несоблюдения обязательств. Такое нововведение позволило зафиксировать общее основание для возмещения ущерба при нарушении любых видов гражданско-правовых обязанностей, вне зависимости от их характера и основания возникновения. Нельзя не отметить, что при подходе отечественного законодателя к определению основания возмещения убытков в виде нарушения прав отправной точной выступает умаление прав потерпевшего кредитора, в то время как в Германии акцент перенесен на поведение неисправного должника, нарушившего обязанность.

В Германии возмещение убытков тесно связано с научной концепцией защищаемого интереса. В упрощенном виде она представляет собой понимание субъективного гражданского права как разновидности юридической власти над должником, осуществление которой слу-

жит для кредитора средством удовлетворением потребностей в приобретении и потреблении материальных и нематериальных благ, находящихся под охраной закона. Заключение договора выступает наивысшей формой доверия, которое оказывает кредитор своему должнику. По этой причине должник обязан оправдать оказанное доверие, исполнив обязательство надлежащим образом, прежде всего обеспечив так называемое предоставление по обязательству (*Leistung*). В немецкой науке гражданского права выделяют основную обязанность обеспечить предоставление по обязательству. Отсутствие предоставления в пользу кредитора порождает у него правопритязание (*Anspruch*) на возмещение убытков. При нарушении договора не происходит «предоставление», требующее защиты соответствующего интереса в предоставлении (*Leistungsinteresse*). Именно несоблюдение такого интереса ведет к нарушению «негативного» интереса, суть которого состоит в получении кредитором всего того, что было обещано условиями заключенного договора. Защита негативного интереса строится на юридической фикции: что было бы с имущественной сферой кредитора, если бы он вообще не заключил нарушенный договор.

Помимо негативного интереса, германское право допускает защиту «позитивного» интереса, который состоит в сохранении лицом того, чем оно обладало на момент нарушения обязательства. Интерес именуется позитивным, поскольку его суть заключается в расширении имущественной сферы посредством участия в обязательствах. Вступая в гражданско-правовые отношения, лицо обладает интересом в неприкосновенности материальных благ, которые имелись у него на момент заключения договора. Наличие такого интереса обусловлено выделением «охранительных» обязанностей сторон договора. Иначе говоря, каждая из сторон договора при исполнении обязательства обязана проявлять осмотрительность и заботливость, тем самым исключив нарушение прав своего контрагента, обеспечив сохранность его имущественной сферы (например, при оказании услуг по сборке мебели не допустить повреждение стен и пола)¹⁹. Защита этого интереса осуществляется посредством восстановления положения, в котором бы находилась постра-

¹⁸ Brieskorn K. Op. cit. S. 280.

¹⁹ Bergmans B. Schuldrecht. Bd. 1 : Allgemeine und vertragsrechtliche Grundlagen. Mit 100 Übungsfällen. Berlin : Logos Verlag GmbH, 2009. S. 71.

давшая сторона, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Возмещение убытков при защите «позитивного» интереса включает денежную оценку потерянного дохода (прибыли) и утраченную возможность к обогащению посредством вступления и участия в обязательственных правоотношениях.

Важно подчеркнуть, что защита «позитивного» или «негативного» интереса не лишает пострадавшую сторону возможности требовать надлежащее исполнение в натуре. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, возмещение убытков не лишает лицо интереса в надлежащем исполнении обязательства и получении того, что ему причитается в результате исполнения²⁰. Во-вторых, именно совокупность требований возмещения убытков и исполнения обязательства в натуре составляет сущность гражданско-правовой ответственности за нарушение интереса, возникающего при заключении договора²¹. Общим для «позитивного» и «негативного» интереса является то, что отсутствие результата исполнения обязательства влечет для кредитора утрату экономической окупаемости тех затрат, которые он понес по причине заключения и исполнения договора, поскольку договор является средством инвестирования, означающим как расходы, так и доходы²².

Рассматривая возмещение убытков при нарушении договора, нельзя не коснуться возмещения упущенной выгоды. Германский законодатель не устанавливает отдельной легальной дефиниции упущенной выгоды, включая ее в состав убытков, подлежащих возмещению и определяя условия для ее взыскания. Упущенной выгодой считается выгода, которую можно было с вероятностью ожидать в обычных условиях оборота либо в особых обстоятельствах, в частности при предпринятых мерах и приготовлениях (§ 252 ГГУ). С учетом приведенного положения можно говорить о том, что упущен-

ная выгода взыскивается при проявлении необходимой степени заботливости и осмотрительности. Германский законодатель обязательным условием называет вероятность ожидания упущенной выгоды, что означает юридическое закрепление количественной меры осуществимости неблагоприятных имущественных последствий. Как подчеркивают немецкие суды, под упущенной выгодой надлежит понимать любые имущественные ресурсы, которые не поступили до совершения правонарушения, но точно бы оказались у потерпевшего в отсутствие нарушения его прав²³. Концепция защиты интереса при нарушении договора применима и для упущенной выгоды, и ее взыскание может быть обусловлено защитой как негативного, так и позитивного интереса²⁴.

Как было отмечено выше, в Германии упущенная выгода может быть взыскана в обычных условиях оборота или при особых обстоятельствах, предопределивших двойственность в методиках определения размера и объема убытков, составляющих упущенную выгоду. Одним из таких методов выступает абстракция, согласно которому подлежат возмещению именно потери, наступившие в пределах вероятного хода вещей. Как указал Верховный суд Германии, при применении конкретного метода истец должен доказать, что нарушение договора вызвано вредоносным поведением ответчика, в результате чего потерпевшая сторона не смогла совершить юридически значимые действия (заключить сделку, получить имущество) и вследствие этого образовалась упущенная выгода²⁵.

Для разрешения вопроса возмещения убытков в германском праве применяется принцип тотальной репарации: для неисправного контрагента ответственность наступает за все причиненные убытки, которые он обязан возместить²⁶. В отличие от отечественного принципа полного возмещения убытков, принцип

²⁰ *Mitzkait A.* Leistungsstörung und Heftungsbefreiung: Ein Vergleich der Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts mit dem reformierten deutschen Recht. S. 4.

²¹ *Mitzkait A.* Op. cit. S. 29.

²² *Unberath H.* Die Vertragsverletzung. Tübingen : Mohr Siebeck Verlag, 2007. S. 305, 351–352.

²³ BGH NJW-RR 1989, 980, 981.

²⁴ Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Schuldrecht. Allgemeiner Teil. Band 2. 6. Auflage. München : C. H. Beck Verlag, 2012. § 252. Rn. 4 ; *Lange H., Schiemann G.* Schadenersatz. 3. Auflage. Tübingen : J. C. B. Mohr Verlag, 2003. S. 64.

²⁵ BGH WM. 2001, 2010 ; WM. 2006. 544.

²⁶ *Finke T.* Die Minderung der Schadenersatzpflicht in Europa: zu den Chancen für die Aufnahme einer allgemeinen Reduktionskausal in ein europäisches Schadensrecht. Universitätsverlag Göttingen, 2006. S. 39.

тотальной репарации распространяется не только на область первичного ущерба, но и на все возникшие в связи с этим производные лишения в имущественной сфере пострадавшего лица²⁷. Как отмечают немецкие правоведы, пострадавший кредитор имеет право требовать компенсации за все имущественные потери, находящиеся в адекватной причинно-следственной связи с правонарушением, невзирая на отдаленность этой связи²⁸.

Немецкие ученые выделяют исключения из принципа тотальной репарации: возмещение ограничивается рыночной стоимостью или обычной стоимостью имущества²⁹. Например, при нарушении условий договора фрахтования стоимость груза определяется рыночной ценой, в противном случае — общей стоимостью товаров того же вида и качества; если товар был продан непосредственно перед принятием на перевозку, считается, что цена покупки, указанная в счете продавца, за вычетом включенных в него транспортных расходов, является рыночной ценой (§ 429 ТГУ).

В Германии закреплён дифференцированный подход к возмещению убытков при приобретении товара с недостатками, и истец имеет право взыскать их в «большем» или «малом» размере³⁰. При «большем» возмещении кредитор взыскивает убытки без учета уже исполненного по договору (частичное исполнение). Возмещение в малом размере определяется как разница между фактически исполненным и тем, что определено в договоре.

Важно отметить, что ответственность при нарушении договора имеет ограничения, которые устанавливаются законом или договором, а также могут быть институциональными. Примером нормативного ограничения является ответственность владельца гостиницы за пропажу вещей постояльцев, которая определяется лишь в пределах суммы, соответствующей цене суточного проживания в стократном размере, однако в пределах от 600 до 3 500 евро,

а сумма возмещения денег, ценных бумаг и драгоценностей составляет 800 евро вместо 3 500 евро (§ 702 ГГУ). Договорные ограничения определяются на основании условий сделок, регламентирующих вопросы ответственности при нарушении договора одной из его сторон (§ 305 ГГУ). Институциональное ограничение обусловлено особенностями механизма ответственности организаций. Например, общество с ограниченной ответственностью, которое отвечает перед кредитором исключительно своим имуществом (п. 2 § 13 Закон об обществах с ограниченной ответственностью).

Выводы

В германском гражданском праве возмещение убытков при нарушении договора является универсальным средством восстановления имущественного положения субъекта при нарушении его интересов неисправным контрагентом. Возмещение убытков — правовое средство защиты интересов, основанием возникновения которых служит заключение договора. При нарушении договора неисправный контрагент обязан обеспечить предоставление пострадавшей стороне равноценного всему тому, что она желала приобрести от заключения и исполнения договора, а также возмещение вреда здоровью и имуществу, причиненного при исполнении обязательства. В Германии гражданское право призвано защитить при нарушении договора не столько субъективные права пострадавшего контрагента, сколько его интересы, связанные с вступлением в договорные отношения. Требование возместить убытки является гарантией защиты интересов — как побудивших к вступлению в договор, так и возникших при его заключении. Устранение негативных последствий нарушения договора германское гражданское право связывает с защитой интересов пострадавшего контрагента, и возмещение убытков является

²⁷ Шапп Я. Система германского гражданского права : учебник / пер. с нем. С. В. Королева. М. : Международные отношения, 2006. С. 155.

²⁸ Штоль Х. Ответственность и ее границы в рамках договоров в области экономических отношений между СССР и ФРГ // СССР — ФРГ : договор во внутренних и двусторонних хозяйственных отношениях : сборник / Академия наук СССР; Институт государства и права; ред. кол.: М. М. Богуславский, В. В. Лаптев, А. А. Рубанов. М. : ИГПАН, 1986. С. 102.

²⁹ Finke T. Die Minderung der Schadenersatzpflicht in Europa: zu den Chancen für die Aufnahme einer allgemeinen Reduktionskausal in ein europäisches Schadensrecht. S. 30.

³⁰ Fikentscher W., Heinemann A., Schuldrecht. 10. Auflage. Berlin : De Gruyter Rechtswissenschaften Verlags-GmbH, 2006. S. 219–221.

правовым средством экономической компенсации несоблюдения договорных интересов. Именно разновидность договорного интереса, охраняемого законом, определяет правовые средства защиты кредитора от неисправного должника. Кроме того, от характера защищаемого интереса зависит не только вид подлежащих возмещению убытков, но и методика определения их размера.

В соответствии с немецкой доктриной возмещение убытков призвано защитить интересы кредитора не только в получении предоставления по договору, но и в неприкос-

новенности его имущественной сферы, вторжение в которую становится возможным при заключении договора. Защита такого интереса обеспечивает сохранение в неизменном виде материальных благ, принадлежащих кредитору на момент заключения договора. Несоблюдение этого интереса рассматривается как нарушение охранительной обязанности, возникшей при заключении договора. Такое поведение квалифицируется как нарушение договора, и правонарушитель обязан возместить причиненный вред по правилам договорной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жученко С. П. Убытки: зарубежные подходы и отечественная практика // Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2017. С. 104–161.

Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6.

Шапп Я. Система германского гражданского права : учебник / пер. с нем. С. В. Королева. М. : Международные отношения, 2006. 360 с.

Штоль Х. Ответственность и ее границы в рамках договоров в области экономических отношений между СССР и ФРГ // СССР — ФРГ : договор во внутренних и двусторонних хозяйственных отношениях : сборник / Академия наук СССР ; Институт государства и права ; ред. кол.: М. М. Богуславский, В. В. Лаптев, А. А. Рубанов. М. : ИГП АН, 1986. С. 92–110.

Bergmans B. Schuldrecht. Bd. 1 : Allgemeine und vertragsrechtliche Grundlagen. Mit 100 Übungsfällen. Berlin : Logos Verlag GmbH, 2009. 304 S.

Brieskorn K. Vertragshaftung und responsabilité contractuelle. Ein Vergleich zwischen deutschem und französischem Recht mit Blick auf das Vertragsrecht in Europa. Tübingen : Mohr Verlag, 2010. 488 S.

Fikentscher W., Heinemann A. Schuldrecht. 10. Auflage. Berlin : De Gruyter Rechtswissenschaften Verlags-GmbH, 2006. 882 S.

Finke T. Die Minderung der Schadenersatzpflicht in Europa: zu den Chancen für die Aufnahme einer allgemeinen Reduktionskausal in ein europäisches Schadensrecht. Universitätsverlag Göttingen, 2006. 388 S.

Möller H., Bruck E. Kommentar zum Versicherungsvertragsgesetz und zu den Allgemeinen Versicherungsbedingungen unter Einschluss des Versicherungsvermittlerrechtes. 8. Auflage, 1980. 1063 S.

Lange H., Schiemann G. Schadenersatz. 3. Auflage. Tübingen : J. C. B. Mohr Verlag, 2003. 826 S.

Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts: Allgemeiner Teil. Band 1. München : Beck Verlag, 1976. 524 S.

Mitzkait A. Leistungsstörung und Heftungsbefreiung: Ein Vergleich der Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts mit dem reformierten deutschen Recht. Tübingen : Mohr Siebeck Verlag, 2008. 293 S.

Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Schuldrecht. Allgemeiner Teil. Band 2. 6. Auflage. München : C. H. Beck Verlag, 2012. 3017 S.

Palandt O. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. 71. Auflage. München : C. H. Beck Verlag, 2012. 3060 S.

Unberath H. Die Vertragsverletzung. Tübingen : Mohr Siebeck Verlag, 2007. 413 S.

Wurmnest W. Grundzüge eines europäischen Haftungsrechts: eine rechtsvergleichende Untersuchung des Gemeinschaftsrechts. Tübingen : Mohr Siebeck Verlag, 2003. 386 S.

REFERENCES

- Bergmans B. Schuldrecht. Bd. 1: Allgemeine und vertragsrechtliche Grundlagen. Mit 100 Übungsfällen. Berlin: Logos Verlag GmbH; 2009.
- Brieskorn K. Vertragshaftung und responsabilité contractuelle. Ein Vergleich zwischen deutschem und französischem Recht mit Blick auf das Vertragsrecht in Europa. Tübingen: Mohr Verlag; 2010.
- Fikentscher W, Heinemann A. Schuldrecht. 10. Auflage. Berlin: De Gruyter Rechtswissenschaften Verlags-GmbH; 2006.
- Finke T. Die Minderung der Schadenersatzpflicht in Europa: zu den Chancen für die Aufnahme einer allgemeinen Reduktionskausal in ein europäisches Schadensrecht. Universitätsverlag Göttingen; 2006.
- Kotsiol Kh. The splendor and poverty of German civilistic dogmatics. Is German law an example for Europe? *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2012;6. (In Russ.).
- Lange H, Schiemann G. Schadenersatz. 3. Auflage. Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag; 2003.
- Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts: Allgemeiner Teil. Band 1. München: Beck Verlag; 1976.
- Mitzkait A. Leistungsstörung und Heftungsbefreiung: Ein Vergleich der Grundregeln des Europäischen Vertragsrechts mit dem reformierten deutschen Recht. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag; 2008.
- Möller H, Bruck E. Kommentar zum Versicherungsvertragsgesetz und zu den Allgemeinen Versicherungsbedingungen unter Einschluss des Versicherungsvermittlerrechtes. 1980;8.
- Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Schuldrecht. Allgemeiner Teil. Band 2. 6. Auflage. München: C. H. Beck Verlag; 2012.
- Palandt O. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. 71. Auflage. München: C. H. Beck Verlag; 2012.
- Shapp Ya. The system of German civil law: A textbook. Translated from German by Korolev SV. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia; 2006. (In Russ.).
- Shtoll Kh. Liability and its limits in contracts within economic relations between the USSR and Germany. USSR — Germany: The treaty in domestic and bilateral economic relations. A collection of articles. Academy of Sciences of the USSR; Institute of State and Law. Boguslavsky MM, Laptev VV, Rubanov AA, editors. Moscow: IGP AN; 1986. Pp. 92–110. (In Russ.).
- Unberath H. Die Vertragsverletzung. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag; 2007.
- Wurmnest W. Grundzüge eines europäischen Haftungsrechts: eine rechtsvergleichende Untersuchung des Gemeinschaftsrechts. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag; 2003.
- Zhuchenko SP. Damages: Foreign approaches and domestic practice. Protection of civil rights: Selected aspects. Collection of articles. Rozhkov MA, editor. Moscow: Statut Publ.; 2017. Pp. 104–161. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Дмитрий Евгеньевич, кандидат юридических наук, LL.M (Германия), доцент, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
zakharov1983@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Zakharov, Cand. Sci. (Law), LL.M (Germany), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev. Ekaterinburg, Russian Federation
zakharov1983@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 17 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 19.11.2024.

Revised 17.02.2025.

Accepted 15.06.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.081-094

Н. Е. Кантор

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя

Резюме. Личные фонды представляют собой юридические лица особого рода, сочетающие черты унитарных и корпоративных, коммерческих и некоммерческих юридических лиц, вещных и обязательственных правоотношений. Законодательные рамки, определяющие внутреннее устройство личного фонда, позволяют создать конструкцию с ограниченной автономией воли как продолжение личности самого учредителя (юридическое alter ego). Личный фонд как номинальный собственник, подчиненный контролю и экономическому интересу учредителя, требует отдельной правовой квалификации по критериям, установленным в трастовых юрисдикциях для фиктивных и иллюзорных трастов. Совокупными критериями иллюзорности личного фонда выступают: отсутствие цели, отличающейся от цели корпоративного лица; создание фонда на определенный срок; отсутствие выгодоприобретателей; полный управленческий контроль учредителя; выполнение функций управляющего связанным с учредителем лицом; отсутствие его самостоятельности; отсутствие фактического разделения имущественных масс учредителя и фонда (их смешение). Дана экономическая и правовая оценка целесообразности использования механизма взаимной субсидиарной ответственности фонда и его учредителя. Для защиты интересов кредиторов учредителя фонда, обязательства перед которыми возникли до момента учреждения фонда, предлагается установить солидарную ответственность фонда вместо субсидиарной. Субсидиарная ответственность учредителя по обязательствам фонда не имеет экономических и правовых предпосылок, в связи с чем от нее следует отказаться.

Ключевые слова: личный фонд; бенефициарное владение; выгодоприобретатель; бенефициар; номинальный собственник; субсидиарная ответственность; целевая правоспособность; трасты; иллюзорный траст; некоммерческая организация; дихотомия юридических лиц

Для цитирования: Кантор Н. Е. Прижизненный личный фонд как юридическое alter ego своего учредителя. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 81–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.081-094

A Lifetime Personal Trust as the Legal Alter Ego of Its Founder

Natalia E. Kantor

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Personal trusts are legal entities of a special kind, combining the features of unitary and corporate, commercial and non-commercial legal entities, property and contractual legal relations. The legislative framework governing the internal structure of a personal trust allows for the creation of an entity with limited autonomy of will, functioning as an extension of the founder's own personality--a legal alter ego. A personal trust, as a nominal owner subordinate to the control and economic interest of the founder, requires separate legal classification based on the criteria used in trust jurisdictions for sham and illusory trusts. The cumulative criteria for the illusory nature of a personal trust include the absence of a purpose distinct from that of a corporate entity; the establishment of the trust for a fixed term; the lack of beneficiaries; full managerial control of the founder, the lack of their independence; and the absence of a factual separation between the founder's and the foundation's assets (commingling). The economic and legal assessment of the expediency of using the mechanism of mutual

© Кантор Н. Е., 2025

subsidiary responsibility of the foundation and its founder is given. To protect the interests of the founder's creditors — whose claims arose before the foundation's establishment — it is proposed to impose solidary liability on the trust instead of subsidiary liability. Subsidiary liability of the founder for the obligations of the trust has no economic and legal prerequisites, and therefore it should be abandoned.

Keywords: personal trust; beneficial ownership; beneficiary; nominal owner; subsidiary liability; target legal capacity; trusts; illusory trust; non-profit organization; dichotomy of legal entities

Cite as: Kantor NE. A Lifetime Personal Trust as the Legal Alter Ego of Its Founder. *Lex russica*. 2025;78(7):81-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.081-094

Введение

Личный фонд в российском правопорядке — явление достаточно новое, но набирающее популярность среди состоятельных граждан, правильно оценивших преимущества и потенциал данной формы юридического лица¹. Конструкция личного фонда позволяет обеспечить эффективное профессиональное управление личным капиталом, сохраняя при этом имеющийся бизнес, в том числе посмертно, удовлетворяя интересы назначенных выгодоприобретателей. Свобода в определении структуры органов управления, срока деятельности фонда, льготы в налогообложении вкупе с возможностью ведения предпринимательской деятельности создают уникальный правовой режим. Личный фонд (в том числе международный) как правовой инструмент должен способствовать деофшоризации, переезду активов из трастовых юрисдикций в российский правопорядок, тем более что учреждение российскими гражданами трастов в настоящее время ограничено².

Требование п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ к минимальной стоимости имущества для создания прижизненного фонда весьма солидно — 100 млн руб. (для международных личных фондов — 500 млн)³, что делает данный правовой инструмент доступным для значительно меньшего числа лиц, нежели создание распространенных в обороте хозяйственных обществ. Значительный размер первоначального имущественного фундамента личного фонда и необхо-

димость тонкой индивидуальной юридической настройки его внутренних документов изначально определяют серьезность намерений учредителя и отказ от недобросовестного использования личных фондов для злонамеренных целей, с которыми правоприменители сталкиваются при банкротстве хозяйственных обществ как относительно доступной «корпоративной ширмы» ввиду низкой финансовой и трудозатратности их учреждения. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов перспективы использования фондов для таких целей, как бронирование имущества от обращения взыскания третьими лицами, снижение риска признания учредителя фонда контролирующим лицом (в целях избежания субсидиарной ответственности при процедурах банкротства)⁴, использование фонда вместо формы хозяйственного общества или товарищества для оптимизации налогообложения.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является прижизненный личный фонд (далее — фонд, личный фонд) как субъект, совмещающий в себе элементы коммерческой и некоммерческой организации, а также признаки классических фондов и трастов. Цель исследования состоит в определении потенциальных возможностей конструкции фонда для создания правового режима бенефициарного владения, а именно: для сохранения учредителем контроля за имуществом, переданным фонду, за действиями управляющего, для использования фонда как своего юридического

¹ На конец 2024 г. в государственном реестре содержатся сведения о более чем 120 таких субъектах. См.: URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2024/6763f7a89a7947e56416d0a4?ysclid=m55g1bq39c425218046>.

² Решение Совета ЕС 2022/576 от 08.04.2022 о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014, касающийся ограничительных мер в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на Украине // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0576> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Пп. 2 п. 3 ст. 12.15 Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

⁴ Кошелев Я. С. Личные фонды: «русские трасты» как новый импульс развития российского права // СПС «КонсультантПлюс». 2023.

alter ego. Анализу будут подвергнуты правовые последствия такого правового режима с позиции кредиторов в случае недостаточности личного имущества учредителя фонда, а также эффективность установленной законодательством взаимной субсидиарной ответственности учредителя и фонда как правового механизма.

1. Особенности личного фонда в сравнении с зарубежными аналогами

Сравнение российского личного фонда с европейскими частными фондами приводит к выводу об их сходстве ввиду наличия у обоих статуса юридического лица. Например, в Германии фонд (*Stiftung*) является юридическим лицом и определяется как правоспособная организация для управления имуществом, целенаправленно переданным учредителем фонда⁵.

За пределами формального сходства мы найдем существенные различия, поскольку отечественные личные фонды могут не иметь идеальных целей (не выполнять роль «целевого имущества»): законодатель относит определение цели к уставу, никоим образом не ограничивая ее содержание. Такая цель может быть и сугубо частной, направленной, например, на генерацию доходности от управления имуществом (в том числе за счет налоговых льгот личных фондов). В Германии же фонды должны нести общественную пользу и иметь внешние цели (т.е. не могут быть направлены только на обособление имущества, рост активов или удовлетворение интересов самого учредителя).

Самонаправленность фонда, т.е. совмещение его цели и имущества, в результате чего фонд существует ради самого себя («фонд ради фонда»), создание фонда только для обособления имущества в европейском праве не допускается⁶. В европейском законодательстве обычно содержится общее правило о наличии идеальной цели, с некоторой нюансировкой в части обеспечения интересов членов семьи (например, в праве Лихтенштейна)⁷.

Еще одно проявление гибкости конструкции личного фонда состоит в том, что, не имея внешней цели, фонд может иметь заранее определенных бенефициаров (в том числе учредителя, членов его семьи) или вовсе может не иметь бенефициаров (п. 1 ст. 123.20-5 ГК РФ).

Создавая обязательственно-правовые отношения с выгодоприобретателями, фонд демонстрирует отсутствие общественной значимости в своей деятельности и реализацию частных интересов ограниченного круга лиц. Такое решение не соответствует идеальным целям классических европейских фондов, а также идеям социальной функции собственности и развивающейся концепции ESG (устойчивого развития).

В отсутствие бенефициаров личный фонд представляет собой еще более догматически уязвимую конструкцию. Такой возможности способствует структурирование управления имуществом через юридическое лицо, а не договорную конструкцию, в результате чего создается формальная оболочка искусственного субъекта.

В обязательственных отношениях подобное невозможно. Так, согласно п. 1 ст. 1012 ГК РФ доверительное управление осуществляется в интересах учредителя или указанного им лица. Фидуциарное соглашение, в силу ст. 2028 Французского гражданского кодекса, является договором в пользу третьего лица. «Германский траст» (*Treuhand*) — также договорная конструкция, в соответствии с которой управляющий в отношениях с третьими лицами выступает полноценным собственником (учредитель остается «экономическим» собственником), но обязан использовать свой правовой статус только в согласованном порядке⁸.

Отсутствие бенефициаров — ключевое отличие личного фонда от англосаксонского траста, который создается именно для удовлетворения интересов бенефициаров: их отсутствие позволяет ставить вопрос о фиктивности траста (об этом речь пойдет ниже).

В связи с этим справедливо звучит критика самоцелевых личных фондов (т.е. преследую-

⁵ § 80 Гражданского уложения Германии // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Тимербулатова Е. Д.* Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 140–164 ; *Заикин Д. П.* Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021 ; *Капустин А. Н.* К вопросу о допустимости конструкции самоцелевого фонда // Гражданское право. 2023. № 4. С. 42–45.

⁷ *Тимербулатова Е. Д.* Указ. соч. С. 140–164.

⁸ См.: *Rehahn J., Grimm A.* Country report: Germany // The Columbia Journal of European Law Online. Fall 2012. Vol. 18/2. P. 100–102.

ших только цели преумножения и сохранения переданного имущества), а предложение закрепить требования о наличии у таких субъектов выгодоприобретателей и идеальных целей⁹ нуждается в должной оценке.

Бессрочное существование фонда без выгодоприобретателей и без общепользуемой цели не имеет экономической логики, а потому в рамках действующего регулирования вероятны следующие варианты структурирования фонда:

1) фонд создается как срочный (например, для достижения определенных показателей) с последующей ликвидацией при наступлении срока (пп. 2 п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ);

2) учредителем после учреждения фонда будут изменены условия управления и назначены выгодоприобретатели (для этого устав не должен содержать запрета на изменение таких условий (п. 8 указанной статьи);

3) фонд будет преобразован в общественно полезный фонд по решению учредителя (п. 10 указанной статьи).

Обособление имущества в конструкции юридического лица с частными, а не публичными целями, без назначения бенефициаров, ориентировано на рост благосостояния учредителя с одновременным бронированием имущества от взыскания кредиторов (за рамками срочной субсидиарной ответственности согласно п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ). Такая конструкция личного фонда выступает юридическим *alter ego* своего учредителя, что имеет свои экстерналии для гражданского оборота.

2. Личный фонд — результат догматического компромисса в российском правопорядке

2.1. Некоммерческий статус личного фонда

Личный фонд искусственно вписан в дихотомию юридических лиц «коммерческие-некоммерческие» как некоммерческая организация, с явным преуменьшением значимости коммер-

ческой составляющей. Так, фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью (связанной с уставной целью, которая не имеет явно выраженных ограничителей, но должна быть очевидно связана с управлением имуществом), создавать и участвовать в хозяйственных обществах, имеет правовой статус квалифицированного инвестора¹⁰.

Личные фонды не являются традиционной формой некоммерческой организации¹¹, в связи с чем Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» с 8 августа 2024 г. содержит оговорку (п. 3 ст. 1) о нераспространении его действия на личные фонды (в том числе международные). Данное сочетание предпринимательства и некоммерческого статуса, налоговых льгот в конструкции личного фонда подчеркивает условность деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие по критерию «цель деятельности».

Пункт 1 ст. 123.20-4 ГК РФ основной задачей фонда называет управление переданным ему гражданином — учредителем имуществом, а также иным имуществом в соответствии с утвержденными условиями управления.

Законодательные формулировки не исключают максимизацию прибыли (доходов от использования имущества фонда) как основную уставную цель. Экономически фонды стимулируются к получению «пассивного» дохода в форме дивидендов, доходов от распределения прибыли, процентного дохода от долговых обязательств, реализации акций (долей), инвестиционных паев, операций с производными финансовыми документами, доходов от реализации и сдачи в аренду объектов недвижимости. Дело в том, что пониженная налоговая ставка на прибыль 15 % (вместо 25 %) применяется, если доход по перечисленным операциям фонда составляет более 90 % от суммы его общих доходов¹².

Таким образом, в личном фонде мы видим черты холдинговой компании, аккумулирую-

⁹ Капустин А. Н. К вопросу о допустимости конструкции самоцелевого фонда // Гражданское право. 2023. № 4. С. 42–45.

¹⁰ Пп. 10.4 п. 2 ст. 51.2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

Данный статус позволяет, например, приобретать инвестиционные паи закрытого и интервального паевых инвестиционных фондов, предназначенные для квалифицированных инвесторов. См.: ст. 14.1 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

¹¹ Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы развития законодательства о личных фондах // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 17.

¹² П. 1, 1.18 ст. 284, ст. 284.12 НК РФ.

щей доходы от размещения активов в различных инвестиционных инструментах. Например, владелец ритейл-бизнеса «Глория Джинс» передал созданному им личному фонду долю участия в ООО «ВВМ Инвестментс»¹³ для управления основными операционными компаниями.

В конструкции личного фонда также преломляется и запрет на распределение прибыли как другой квалифицирующий признак некоммерческих организаций¹⁴.

Дозволяя распределять доходы от деятельности личного фонда выгодоприобретателям, коим может быть сам учредитель фонда, а также иные лица, передавшие фонду свое имущество¹⁵, законодатель создает квазикорпоративный механизм — распределение прибыли. При этом передача имущества (имущественных прав) выгодоприобретателям — физическим лицам и (или) отдельным категориям лиц из неопределенного круга физических лиц не признается объектом налогообложения (пп. 24 п. 2 ст. 146 НК РФ).

2.2. Личный фонд как субъект *sui generis*

Личный фонд выступает компромиссным решением для российского правопорядка, отрицающего расщепление правомочий собственника. Это позволяет обособить имущество за вуалью юридического лица — собственника и разрешить вопросы ответственности по обязательствам учредителя и фонда, что затруднительно в рамках договора доверительного управления и паевого инвестиционного фонда (как альтернативных вариантов профессионального управления имуществом).

Другой вопрос, что обособление имущества в фонде имеет специфические особенности, которые позволяют отнести личные фонды к юридическим лицам *sui generis*, сочетающим в

себе не только черты различных форм (корпоративных и унитарных, коммерческих и некоммерческих), но и вещные и обязательственные элементы (к последним следует отнести субсидиарную ответственность, обязательства перед выгодоприобретателями).

Субсидиарная ответственность в большей мере свойственна публично-правовым образованиям как учредителям казенных юридических лиц¹⁶, которым имущество передается на ограниченном вещном праве. Несмотря на то что данная конструкция выступает предметом длительной критики в связи с ее рудиментарностью¹⁷, она позволяет реализовывать общественно значимые задачи через отдельные субъекты, обеспечивая баланс интересов контрагентов (получение исполнения обязательства в случае недостаточности имущества / денежных средств казенного предприятия или учреждения) и публичного собственника (сохранение значимого для государства имущества и самого субъекта).

Важно, что в отличие от казенных форм личные фонды обладают общей конкурсной способностью (ст. 65 ГК РФ), т.е. кредиторы имеют общие для других организационных форм юридических лиц средства защиты в случае несостоятельности фонда. Внеконкурсная субсидиарная ответственность учредителя выводит фонды и их кредиторов на уровень особо значимых для оборота субъектов, что не имеет под собой веских оснований: кредиторы фонда рискуют не более, чем кредиторы корпораций.

Представляется, что конструкт субсидиарной ответственности связан с идеей сохранения имущества, переданного в управление. Дефиниция, определяющая существо личного фонда (п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ), указывает на управление переданным имуществом как основное содержание деятельности данной формы юридического лица.

¹³ «Глория Джинс» перешла в собственность личного фонда Владимира Мельникова (24.07.2024) // URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/gloriya_dzhins_pereshla_v_sobstvennost_lichnogo_fonda_vladimira_melnikova/ (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁴ Степанов Д. И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 60.

¹⁵ После изменений с 8 августа 2024 г. из п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ исключен запрет на безвозмездную передачу имущества фонду иными лицами.

¹⁶ Помимо этого, субсидиарная ответственность публичных собственников предусмотрена по обязательствам бюджетного и автономного учреждений, связанным с причинением вреда гражданам, а также по обязательствам, вытекающим из публичного договора при ликвидации таких учреждений, при недостаточности имущества учреждения (п. 5, 6 ст. 123.22 ГК РФ).

¹⁷ См.: Кантор Н. Е. Гражданско-правовые проблемы создания и деятельности юридических лиц, учреждаемых публично-правовыми образованиями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Специалисты подчеркивают важность сохранения всех характеристик имущества и имущественных прав, передаваемых в личный фонд, что соответствует интересам учредителя и выгодоприобретателя¹⁸.

Однако закон не содержит требований по сохранности переданного учредителем фонду имущества. Предсказуемость судьбы имущества фонда является предметом урегулирования в условиях управления личным фондом (т.е. относится к дискреции учредителя фонда).

Условия предоставления налоговых преимуществ стимулируют фонды не к производственной деятельности, а к передаче имущества (например, имущественного комплекса предприятия) в уставные капиталы хозяйственных обществ или инвестиционным фондам. Такая передача трансформирует идею управления имуществом учредителя в получение прибыли в рамках корпоративных и различных инвестиционных механизмов. Представляется, что это может затруднить защиту интересов кредиторов учредителя даже в течение срока субсидиарной ответственности фонда: имущественным фундаментом фонда будут не вещи, работы, услуги (кроме деятельности по передаче недвижимости в аренду), а «второй этаж» экономико-правовой конструкции имущественных отношений — «фиктивные вещи» (ценные бумаги, доли участия, инвестиционные механизмы), абстрактные носители стоимости¹⁹.

2.3. Взаимная субсидиарная ответственность учредителя и фонда — особое обеспечительное правоотношение

Принцип отделения подразумевает разделение правосубъектности юридического лица и его учредителя, с соответствующим имущественным обособлением и следующей из этого самостоятельной имущественной ответственностью учредителя и юридического лица. Наличие взаимной ответственности фонда и его учредителя перед кредиторами (в течение трех лет со дня учреждения с возможностью увеличения срока до пяти лет при наличии уважительных причин на стороне кредитора) трансформирует принцип отделения, как он толкуется применительно к юридическим лицам. В период дейст-

вия зеркальной субсидиарной ответственности фонд выступает продолжением сущности учредителя.

Установленный законодателем механизм субсидиарной ответственности догматически спорен, особенно в отсутствие требования о сохранности имущества или минимальной стоимости активов фонда в такой период.

Закон не связывает обращение к субсидиарному ответчику с какими-либо недобросовестными действиями при учреждении фонда, существованием требований кредиторов на момент учреждения и пр. Требования могут быть заявлены в рамках общегражданских механизмов взыскания, которые, однако, имеют существенные бреши применительно к рассматриваемым правоотношениям.

Так, кредиторы учредителя находятся в уязвимом положении, поскольку могут узнать о факте создания фонда только после вступления в силу судебного акта в отношении должника — учредителя фонда²⁰ — это связано с отсутствием опубликования факта создания фонда определенным лицом. Возможен пропуск срока для взыскания с фонда как субсидиарного ответчика. Не менее уязвимо и положение кредиторов фонда: отсутствует определенность имущественного статуса фонда (наличие у него имущества) вследствие зеркальной ответственности фонда по долгам учредителя, причем срок подвижен до 5 лет.

Взаимная субсидиарная ответственность потребует достаточно сложного иерархического субординирования требований кредиторов учредителя, контрагентов фонда, его сотрудников, выгодоприобретателей.

Спорным также представляется положение о субсидиарной ответственности учредителя по обязательствам фонда.

Во-первых, неясно, почему законодатель предвидит, что именно в течение 3 (5) лет проявятся неудовлетворительные результаты деятельности фонда.

Во-вторых, справедливо ли возлагать на учредителя предпринимательские риски деятельности фонда без учета фактора недобросовестности? Ответственность учредителя за выбор управляющего также не обоснована

¹⁸ Маргулис Р. Л., Маргулис Ю. В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. № 2. С. 87.

¹⁹ Мозолин В. П., Рябов А. А. О вертикализации предмета гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10). С. 133–141.

²⁰ Кошелев Я. С. Указ. соч.

в ситуации, когда контроль за деятельностью фонда осуществляют иные лица (в отличие от корпорации, где участник сохраняет такой контроль).

В-третьих, перечень предполагаемых контрагентов фонда не содержит «слабых», требующих дополнительной защиты. Стандарты должной осмотрительности заставляют убеждаться в устойчивом финансовом положении фонда при заключении сделки и просить обеспечительные меры в случае сомнений.

Помимо этого, в отношении фонда могут применяться общие способы защиты: оспаривание сделок *ultra vires*, банкротные процедуры, ответственность оценщика за недостоверность оценки имущества при учреждении фонда, привлечение к ответственности исполнительного органа (управляющего), членов коллегиальных органов и распространение на них выработанных для контролирующих лиц правил (ст. 53.1 ГК РФ, в частности оснований ответственности за недобросовестное, неразумное поведение, применения правила делового решения²¹).

Данный перечень достаточен для защиты интересов как выгодоприобретателей, так и контрагентов фонда. Существующая же конструкция субсидиарной ответственности доктринально и практически нестабильна.

Как представляется, необходимо исходить из защиты только тех лиц, которым неизвестно о создании фонда и передаче ему имущества. Второй значимый фактор — создание фонда как юридического *alter ego* учредителя (т.е. создания режима бенефициарного владения, при котором право собственности фонда становится номинальным и его реализация полностью зависит от воли учредителя). Только в этих случаях можно говорить об ответственности фонда по личным обязательствам учредителя (исключая встречную ответственность учредителя по долгам фонда в принципе).

2.4. Фонд как продолжение учредителя при определении срока владения имуществом в целях налогообложения

Налоговое законодательство зачастую транслирует экономическое содержание отношений,

исходя из которого можно трактовать смысл частноправовых конструкций. Связанность между фондом и учредителем проявляется в этом ракурсе через порядок определения предельных сроков владения имуществом для целей освобождения доходов от налогообложения.

Так, согласно п. 17.1 ст. 217 НК РФ при определении периода нахождения имущества в собственности учредителя личного фонда учитывается срок нахождения имущества в собственности налогоплательщика до его передачи в такой личный фонд, срок нахождения такого имущества в собственности личного фонда и срок нахождения такого имущества в собственности налогоплательщика после его получения от личного фонда. Аналогично определяется минимальный предельный срок владения недвижимым имуществом (п. 2 ст. 217.1 НК РФ), непрерывный срок нахождения акций во владении согласно п. 17.2 ст. 217 НК РФ.

Таким образом, в отечественной доктрине юридического лица фонд представляется субъектом *sui generis* за счет коллаборации элементов правового статуса корпоративных и унитарных форм, в том числе предназначенных для выполнения значимой для общественных интересов функции, а также обязательно-правовых элементов.

3. Факторы, создающие правовой режим бенефициарного владения

3.1. Закрытость информации

Исследователи проблематики управления чужим имуществом указывают на то, что наделение бенефициаров траста преимуществами по отношению к кредиторам траста (правом ссылаться на траст в отношениях с третьими лицами) возможно лишь при опубликовании соответствующих действий как общим для различных юрисдикций требованием²². Баланс интересов учредителя (проистекающих из «экранированности» имущества фонда) и его личных кредиторов связывается с информированностью последних о факте обособления, публичностью этого факта (внесением в реестр, извещением, публикацией в СМИ), прозрачностью

²¹ Емелькина Я. В. Правовой статус управляющего личным фондом : магистерская диссертация. М., 2024.

²² Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. М., 2021. Т. 1 : Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. С. 233–238.

структурирования собственниками своего имущества, что создает контролируемость рисков²³.

Вместе с тем известно, что именно конфиденциальность выступает одним из свойств трастовых отношений, привлекающих инвесторов в соответствующие юрисдикции. Именно поэтому на международном уровне принимаются меры для раскрытия конечных бенефициаров компаний и трастов (в большей мере для защиты публичных интересов, преимущественно в целях налоговой прозрачности и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма), создаются реестры бенефициарных владельцев (в некоторых странах — открытые для общественности)²⁴.

Изначально в Российской Федерации значимые для кредиторов личных фондов и их учредителей сведения содержались в государственном реестре, однако с 8 августа 2024 г. личность учредителя фонда, уставы и решения об учреждении относятся к конфиденциальной информации²⁵. Остаются закрытыми, как и ранее, сведения о бенефициарах, а отчет об использовании имущества личного фонда по общему правилу не подлежит опубликованию.

Сведения об учредителе будут содержаться в решении об учреждении, представляемом для регистрации фонда, а переход права собственности на недвижимое имущество, переход прав на доли, акции — в соответствующих реестрах. Поэтому «экранированность» определенного имущества физического лица будет известна государственным органам (для применения мер контроля в публично значимых

целях) и регистраторам. Однако личным кредиторам учредителя фонда не будет известен даже факт создания фонда, который мог бы запустить контроль за имуществом физического лица — учредителя. Могут возникнуть дополнительные сложности с получением сведений из реестров ввиду ограниченности доступа к некоторым данным.

Закрытость уставов создает риски и для самих фондов, что видно на следующем примере: поскольку предпринимательская деятельность фондов ограничивается определенными уставом целями, выход за эти цели создает сделки *ultra vires* и их оспоримость как совершенных в противоречии с целями деятельности (ст. 173 ГК РФ). Риски выхода за цели деятельности перекладываются на сам фонд: если контрагент не будет ознакомлен с содержанием устава, то сделка не сможет быть аннулирована, поскольку в предмет доказывания, согласно ст. 173 ГК РФ, входит осведомленность другой стороны сделки об уставном ограничении.

Следовательно, ознакомление контрагентов фонда с уставом (доведение до сведения кредиторов цели фонда, порядка одобрения сделок, структуры органов и пр.) в преддоговорный период находится в зоне интересов фонда.

Ограниченный доступ к данным — один из элементов режима сокрытия имущества от контроля кредиторов учредителя фонда — противоречит первоначальной идее законодателя об открытости данных ЕГРЮЛ для кредиторов учредителя²⁶. Для полной конфиденциальности специалисты допускают также учреждение фондов с привлечением «транзитных собственников»²⁷.

²³ Домшенко (Червец) Е. И. Обособление имущества субъекта гражданского права как следствие утверждения индивидуализма и условие развития предпринимательства // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 81–99.

²⁴ Например, Четвертая директива Европейского Союза 2015/849 от 20.05.2015 «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств и финансирования терроризма» // СПС «КонсультантПлюс»; Директива (ЕС) 2018/843 Европейского парламента и Совета от 30.05.2018 «О внесении изменений в Директиву (ЕС) 2015/849 о предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма и о внесении изменений в Директивы 2009/138/ЕС и 2013/36/EU» // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018L0843> (дата обращения: 17.01.2024); Nobel A., Harari M. The state of play of beneficial ownership registration in 2020 // URL: <https://taxjustice.net/2020/06/03/the-state-of-play-of-beneficial-ownership-registration-in-2020/> (дата обращения: 17.01.2024).

²⁵ П. 1 ст. 6 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

²⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/499538-7?ysclid=m60thun6gm341075037> (дата обращения: 17.01.2024).

²⁷ Кошелев Я. С. Указ. соч.

Существенная трансформация первоначальной модели личного фонда, основанной на прозрачности, публичности факта создания фонда, становится предпосылкой для модели, где скрытый бенефициар будет реализовывать свои интересы через подконтрольное ему унитарное юридическое лицо без учета интересов своих личных кредиторов.

3.2. Контроль учредителя, ограничивающий автономию воли фонда

Общая идея фонда состоит в том, что учредитель не вовлечен в управление и не имеет имущественных прав, не является его контролирующим лицом. В отличие от корпоративных форм, деятельность некоммерческих организаций не имеет механизмов контроля со стороны участников. Это отражается, в частности, в том, что в случае «чистой» от контроля учредителя модели учредитель не будет субъектом контроля в рамках законодательства о легализации.

Деятельность некоммерческих организаций (часто успешная) с учетом современных вызовов оборота (таких как искусственный интеллект и пр.) в отсутствие корпоративного контроля объясняется исследователями через теорию целевого предпринимательства, согласно которой «цель выше, чем прибыль» обеспечивает эффективность бизнеса в большей мере, чем финансовые стимулы, предлагаемые акционерами для менеджмента коммерческих корпораций²⁸.

Следовательно, если фонд не имеет высокой цели, создан на срок, не имеет бенефициаров или бенефициаром выступает сам учредитель, то сложно представить, чтобы учредитель отстранился от контроля деятельности своего личного фонда. На тесную связь учредителя с фондом указывает срочная взаимная субсидиарная ответственность, которая выступает экономической подоплекой сохранения полного контроля учредителя за деятельностью фонда.

Российский вариант фонда позволяет сохранять тесную связь и с фондом, и с его имуществом. Диспозитивность структуры управления личным фондом и ее практическая тождествен-

ность корпоративным формам²⁹ позволяют участие учредителя в образовании всех органов (высший коллегиальный орган, попечительский совет, надзорный орган), кроме исполнительного. Контроль достигается также в рамках согласования сделок фонда и действий управляющего, возможности внесения изменений в структуру органов и непосредственно устав (п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Контроль учредителя может сохраняться и за рамками 3-летнего (5-летнего) периода, что вполне обоснованно: в отличие от корпорации, где имеются выверенные механизмы контроля и замены неэффективного директора, в личном фонде такие механизмы неочевидны.

Полная подконтрольность личного фонда его учредителю позволяет ставить вопрос об ущербности правосубъектности фонда, особенно для случаев, когда вместе с контролем учредитель является выгодоприобретателем либо по истечении срока деятельности фонда имущество фонда подлежит передаче в собственность учредителя.

При создании структуры, когда вся деятельность фонда подчинена интересу и выгоде учредителя, последний выполняет роль бенефициарного владельца, а фонд — роль номинального собственника с ограниченной автономией воли.

При использовании формы личного фонда необходимо учитывать практику деятельности трастов. В трастовых юрисдикциях имеются доктрины притворных и «иллюзорных» трастов (взаимное существование которых остается предметом спора в литературе). Последствие такой квалификации трастов — получение кредиторами, супругами, наследниками доступа к активам, несмотря на формальное наличие траста³⁰.

Основные черты траста — наличие у доверительного управляющего фидуциарных обязательств перед бенефициарами, а также отказ учредителя от эффективного контроля или фактического владения имуществом траста.

Доктрина фиктивного траста заключается в том, что объективной цели сделки достаточно

²⁸ Hwang C., Lund D. S. Purpose and Nonprofit Enterprise (December 17, 2024). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2024-71, Virginia Law and Economics Research Paper No. 2024-35, European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 819/2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=5061739> 9.

²⁹ Качалова А. В. Личный фонд в системе юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 134.

³⁰ Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–49.

для создания траста, и она будет недействительной только в том случае, если учредитель и трасти имеют общее намерение ввести в заблуждение, подлинное намерение создать траст отсутствует (в том числе с целью обмана третьих лиц), учредитель и доверительные управляющие не намерены соблюдать условия траста или если учредитель сохраняет контроль над активами траста. Фиктивность траста дискуссионна, поскольку это односторонняя сделка, порождающая правоотношения (формального выражения намерения достаточно для его создания), а потому постановка вопроса о фиктивности намерения некорректна, но может рассматриваться в рамках доктрины иллюзорности траста³¹.

Доктрина иллюзорности (также критикуемая в иностранных исследованиях³²) исходит из значительного контроля учредителя траста и представляет собой реакцию судов на недобросовестные намерения лиц, которые создают траст, сохраняя при этом контроль и возможность извлекать из этого выгоду в роли учредителя, что подрывает идею фидуциарных обязательств перед назначенными бенефициарами.

Вопросы притворности и иллюзорности трастов были подняты судом, например, в деле о новозеландских трастах российского банкира С. В. Пугачева, где английский суд установил, что траст был создан для введения третьих лиц в заблуждение, поскольку учредитель траста оставил за собой такую значительную степень контроля, что рассматривал имущество траста как личное³³.

Исходя из практики трастовых юрисдикций значимыми факторами действительного траста выступают: надлежащее определение целей и порядка управления трастом, независимость управляющих, отсутствие полного контроля учредителя, проведение аудитов и пр.

Контроль учредителя означает, что он ставит на первое место свои собственные интересы, а

не интересы назначенных бенефициаров, что возвращает нас к проблеме *fiduciary self-benefit* («траст ради учредителя») или самоцелевых фондов с частной целью. Контроль может проявляться в соединении функций протектора и бенефициара, наличии юридических полномочий по назначению и отстранению управляющего, наложению вето на решения последнего, эффективном контроле за имуществом траста, полномочиях на изменение состава бенефициаров и др.

Очевидно, что конструкция личного фонда допускает создание ситуации описанной «иллюзорности», однако должны учитываться особенности российского правопорядка, в котором контролируемый учредителем «самоцелевой» фонд — норма (в рамках действующего регулирования).

Вместе с тем будет сложно признать нормальной практику³⁴ создания «иллюзорных» личных фондов, в которых соединены следующие факторы: отсутствие цели, отличающейся от цели корпоративного лица; создание фонда на определенный срок; отсутствие выгодоприобретателей; полный управленческий контроль учредителя; выполнение функций управляющего связанным с учредителем лицом, отсутствие его самостоятельности; отсутствие фактического разделения имущественных масс учредителя и фонда (их смешение).

Представляется, что сделка по созданию такого фонда может быть оспорена как мнимая по иску заинтересованного лица (в том числе кредитора, супруга, наследника), если учредитель использовал фонд лишь как формальную оболочку для нарушения законных интересов других лиц, обхода права или иного злоупотребления.

Описываемый подход сущностно отличается от признания решения о создании фонда либо сделок по передаче имущества фонду недействительными по банкротным основаниям³⁵ в

³¹ *Ryan T., Gilchrist A.* Is our Trust in the Court an illusion? A critique of the law of Illusory Trusts post Clayton v. Clayton [2015] NZCA 30 // URL: https://www.otago.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0018/332370/is-our-trust-in-the-court-and-illusion-a-critique-of-the-law-of-illusory-trusts-post-clayton-b-clayton-2015-nzca-30-715686.pdf.

³² См., например: *Bennett M. J.* The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? (June 9, 2020) // Victoria University of Wellington Law Review, Forthcoming, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 7/2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622922>; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3622922>.

³³ *Mezhdunarodniy Promyshlenniy Bank v. Pugachev* [2017] EWHC 2426 (CH.) (11 October 2017).

³⁴ Автор предвосхищает такие ситуации.

³⁵ Это предлагается в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/499538-7?ysclid=m60thun6gm341075037> (дата обращения: 17.01.2024).

деле о банкротстве учредителя, поскольку не подразумевает несостоятельность последнего.

4. Специальный способ защиты личных кредиторов учредителя, обязательства перед которыми возникли до момента учреждения личного фонда

Отдельно следует сказать об «адресной» защите интересов отдельных кредиторов, имеющих на дату учреждения фонда требования к учредителю (как с наступившим, так и не наступившим сроком исполнения). Считается, что такие кредиторы исходили из наличия определенного имущества при вступлении в обязательственные отношения с учредителем, а потому, если такое имущество передано в собственность фонда, их интерес ущемляется. Здесь требуются рамки разумного, т.к. состоятельное физическое лицо, учредившее фонд, может иметь другие активы, многократно превышающие стоимость переданного фонду имущества.

Правосубъектность личного фонда (даже созданного как *alter ego* учредителя или «иллюзорного») не позволяет ее игнорировать и, как следствие, не допускает полную консолидацию имущественных масс фонда и его учредителя без соответствующего оспаривания, которое может быть нецелесообразным для защиты интересов отдельного кредитора. Решение вопроса через «строгую» субсидиарную ответственность (не обусловленную недобросовестными действиями учредителя, а также доступную всем кредиторам учредителя — и существовавшим на дату учреждения фонда, и новым) представляется чрезмерным. Можно рассмотреть вариант замены субсидиарной ответственности фонда на солидарную и только в интересах кредиторов, существовавших на момент учреждения фонда, при доказанности ущемления их прав передачей имущества фонду.

Почему ответственность фонда должна быть солидарной, а не субсидиарной?

За рамками законодательного регулирования остался процедурный аспект реализации прав кредитора в отношении фонда как субсидиарного должника. В практике субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам казенных учреждений

сложился подход с предъявлением иска сразу к двум соответчикам. В случае удовлетворения такого иска в резолютивной части судебного акта указывается на взыскание суммы задолженности с казенного учреждения (основного должника), а при недостаточности лимитов бюджетных обязательств — с главного распорядителя бюджетных средств³⁶. Только после того, как недостаточность имущества основного должника будет подтверждена в исполнительном производстве, судебный пристав может обратиться с взысканием на имущество субсидиарного должника.

Применение указанной процедуры по аналогии к личным фондам повлечет длительность взыскания, у фонда может вовсе не остаться достаточного имущества. Процедурные особенности субсидиарной ответственности, ее срочный характер затрудняют защиту интересов кредиторов учредителя, что позволяет ставить вопрос о солидарной ответственности фонда по личному обязательству кредитора учредителя по аналогии с солидарной ответственностью при недобросовестном распределении активов при реорганизации (п. 5 ст. 60 ГК РФ). Срабатывает также логика п. 1 ст. 46 СК РФ: при неуведомлении супругом своих кредиторов о заключении брачного договора супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания такого договора.

Если передача имущества фонду нарушает законные интересы кредиторов, обязательства перед которыми возникли до государственной регистрации фонда, такие кредиторы должны иметь доступ к имуществу фонда в соответствующем размере. Предпочтительным представляется порядок солидарной ответственности. Это мотивирует учредителя урегулировать обязательства перед личными кредиторами до создания фонда и передачи ему имущества.

Солидарная ответственность — более гибкий инструмент для единичных случаев проникновения за «вуаль» фонда, при этом не вступающий в конфликт с правилом отделения, как это делает субсидиарная ответственность фонда по всем обязательствам учредителя. Как представляется, новые кредиторы учредителя, возникшие после учреждения личного фонда по общему правилу не должны иметь доступа к имуществу фонда ни через внебанкротную суб-

³⁶ П. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации».

сидиарную ответственность, ни через солидарную (однако здесь может быть важным фактор их осведомленности о создании фонда и поведение самого учредителя по раскрытию своего имущественного статуса).

5. Передача имущества фонду третьими лицами

В ходе реформирования законодательства в 2024 г. из ст. 123.20-4 ГК РФ был исключен запрет на безвозмездную передачу иными лицами имущества в личный фонд и дозволено управление не только полученным или унаследованным от гражданина-учредителя имуществом, но также иным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления.

Формулировки указывают на допустимость получения фондом имущества, например, по завещанию иных лиц — не учредителей фонда³⁷. Не исключают формулировки и безвозмездную передачу третьими лицами имущества для его управления совместно с имуществом учредителя (его супругом/супругой)³⁸. Это определенно сближает фонд с корпоративными формами, при этом ясной линией водораздела между ними выступает уставная цель фонда.

Может быть поставлен вопрос о создании «иллюзорного» режима не только в отношении имущества учредителя фонда, но и третьих лиц (с поправкой на отсутствие у передающего третьего лица статуса учредителя³⁹).

Правовой режим такого имущества имеет свои нюансы (например, может ли имущество третьего лица учитываться для целей удовлетворения требований кредиторов учредителя?),

что требует оценки в отдельном научном исследовании.

Выводы

1. Личные фонды сочетают в себе черты унитарных и корпоративных, коммерческих и некоммерческих юридических лиц, вещных и обязательственных правоотношений, что позволяет отнести их к юридическим лицам *sui generis* в российской правовой системе.

2. Конструкция личного фонда может быть использована для создания правового режима бенефициарного владения, при котором фонд имеет ограниченную автономию воли, контролируется учредителем и является его юридическим *alter ego* в целях генерации доходов в интересах самого учредителя. Данная конструкция соответствует отечественному регулированию, но не вписывается в логику трастов и европейских частных фондов. Толкование норм должно исходить из недопущения учреждения «иллюзорных» личных фондов.

3. Для защиты интересов кредиторов учредителя, обязательства перед которыми возникли до момента учреждения фонда, целесообразно установить солидарную ответственность фонда вместо субсидиарной.

4. Взаимная субсидиарная ответственность учредителя и фонда не имеет экономических и догматических предпосылок, стимулирует учредителей сохранять значительный контроль над фондами, что противоречит идее передачи имущества для профессионального управления. От данной конструкции (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ) следует отказаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. Т. 1 : Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. М., 2021. С. 233–238.

Домшенко (Червец) Е. И. Обособление имущества субъекта гражданского права как следствие утверждения индивидуализма и условие развития предпринимательства // Российский юридический журнал. 2024. № 3. С. 81–99.

³⁷ Кошелев Я. С. Указ. соч.

³⁸ Следует учитывать, что допускается соучредительство супругов и управление их общим имуществом в личном фонде (п. 3 ст. 123.20-4 ГК РФ).

³⁹ Это позволяет, в отличие от учредителя, занимать все «позиции» в фонде, включая выполнение функций управляющего.

- Емелькина Я. В. Правовой статус управляющего личным фондом : магистерская диссертация. М. : Российская школа частного права, 2024.
- Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 322 с.
- Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–49.
- Кантор Н. Е. Гражданско-правовые проблемы создания и деятельности юридических лиц, учреждаемых публично-правовыми образованиями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 239 с.
- Капустин А. Н. К вопросу о допустимости конструкции самоцелевого фонда // Гражданское право. 2023. № 4. С. 42–45.
- Качалова А. В. Личный фонд в системе юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 131–138.
- Кошелев Я. С. Личные фонды: «русские трасты» как новый импульс развития российского права // СПС «КонсультантПлюс». 2023.
- Маргулис Р. Л., Маргулис Ю. В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. № 2. С. 80–88.
- Мозолин В. П., Рябов А. А. О вертикализации предмета гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10). С. 133–141.
- Рузакова О. А., Демкина А. В. Перспективы развития законодательства о личных фондах // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 9–18.
- Степанов Д. И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13–60.
- Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 140–164.
- Bennett M. J. The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? (June 9, 2020) // Victoria University of Wellington Law Review, Forthcoming, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 7/2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622922> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3622922>.
- Hwang C., Lund D. S. Purpose and Nonprofit Enterprise (December 17, 2024). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2024-71, Virginia Law and Economics Research Paper No. 2024-35, European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 819/2024. URL: <https://ssrn.com/abstract=50617399>.
- Knobel A., Harari M. The state of play of beneficial ownership registration in 2020 // URL: <https://taxjustice.net/2020/06/03/the-state-of-play-of-beneficial-ownership-registration-in-2020/>.
- Rehahn J., Grimm A. Country report: Germany // The Columbia Journal of European Law Online. Fall 2012. Vol. 18/2. P. 100–102.
- Ryan T., Gilchrist A. Is our Trust in the Court an illusion? A critique of the law of Illusory Trusts post Clayton v. Clayton [2015] NZCA 30 // URL: https://www.otago.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0018/332370/is-our-trust-in-the-court-and-illusion-a-critique-of-the-law-of-illusory-trusts-post-clayton-b-clayton-2015-nzca-30-715686.pdf.

REFERENCES

- Bennett MJ. The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? (June 9, 2020). Victoria University of Wellington Law Review, Forthcoming, Victoria University of Wellington Legal Research Paper No. 7/2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3622922> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3622922>.
- Domshenko (Chervets) EI. Separation of assets of the civil law subject as a consequence of affirming individualism and a condition for entrepreneurship development. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2024;3:81-99. (In Russ.).
- Dozhdev DV. The European Tradition of Private Law: Studies in Roman and Comparative Law. In 2 volumes. Vol. 1: Law, justice, legal science. Good faith. Property rights and ownership. Moscow; 2021. Pp. 233–238. (In Russ.).
- Emelkina YaV. Legal status of a personal trust manager. Master's Degree Thesis. Moscow: Rossiyskaya shkola chastnogo prava; 2024. (In Russ.).

- Hwang C, Lund DS. Purpose and Nonprofit Enterprise (December 17, 2024). Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper No. 2024-71, Virginia Law and Economics Research Paper No. 2024-35, European Corporate Governance Institute — Law Working Paper No. 819/2024. Available at: <https://ssrn.com/abstract=50617399>
- Kachalova AV. Personal trust in the system of legal entities. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2023;5:131-138. (In Russ.).
- Kanashevskiy VA. The relationship of the trust members in relation to the property transferred to the trust. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2017;10:37-49. (In Russ.).
- Kantor NE. Civil law problems of creation and activity of legal entities established by public law entities. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2006. (In Russ.).
- Kapustin AN. To the question of the permissibility of the construction of a self-purpose fund. *Grazhdanskoe pravo*. 2023;4:42-45. (In Russ.).
- Knobel A, Harari M. The state of play of beneficial ownership registration in 2020. Available at: <https://taxjustice.net/2020/06/03/the-state-of-play-of-beneficial-ownership-registration-in-2020/>.
- Koshelev YaS. Personal trusts: «Russian trusts» as a new impetus for the development of Russian law. Legal reference system «Konsultant Plus:» [Electronic resource]. «KonsultantPlus». 2023. (In Russ.).
- Margulis RL, Margulis YV. Personal trust: A promising asset management solution. *Zakon*. 2024;2:80-88. (In Russ.).
- Mozolin VP, Ryabov AA. Verticalization of the subject of civil law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2010;4(10):133-141. (In Russ.).
- Rehahn J, Grimm A. Country report: Germany. The Columbia Journal of European Law Online. Fall 2012. Vol. 18/2. Pp. 100–102.
- Ruzakova OA, Demkina AV. Prospects for the personal foundations legislation development. *Lex russica*. 2024;77(7):9-18. (In Russ.).
- Ryan T, Gilchrist A. Is our Trust in the Court an illusion? A critique of the law of Illusory Trusts post Clayton v. Clayton [2015] NZCA 30. Available at: https://www.otago.ac.nz/__data/assets/pdf_file/0018/332370/is-our-trust-in-the-court-and-illusion-a-critique-of-the-law-of-illusory-trusts-post-clayton-b-clayton-2015-nzca-30-715686.pdf.
- Stepanov DI. In search of a criterion for distinguishing legal entities into two types and the principle of separation of non-profit organizations. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2007;3:13-60. (In Russ.).
- Timerbulatova ED. Construction of the inheritance fund in Russia and Germany. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2021;7:140-164. (In Russ.).
- Zaikin DP. The civil law status of trust in the Russian Federation. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кантор Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, магистр частного права (РШЧП), доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
nekantor@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia E. Kantor, Cand. Sci. (Law), Master of Private Law, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nekantor@msal.ru

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 7 февраля 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 22.11.2024.
Revised 07.02.2025.
Accepted 15.06.2025.

Ю. С. Караваева

Пермский филиал

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

г. Пермь, Российская Федерация

Включение фактических воспитателей в круг субъектов повышенной ответственности в ст. 150–151 УК РФ: социальная обусловленность и межотраслевой подход

Резюме. В свете усиления уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовный закон в 2022 г. были внесены изменения, не коснувшиеся, однако, дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий по признакам субъекта. Между тем проблема представляется актуальной, поскольку закрепленный в ст. 150–151 УК РФ перечень лиц нуждается в расширении. Аргументация автора строится на оценке социальной обусловленности уголовного закона в данной части и исследованиях представителей семейно-правовой науки, обращающихся к понятию фактического воспитания. В рамках указанных исследований установлена содержательная аналогия отношений по фактическому воспитанию несовершеннолетних с участием других членов семьи различной степени родства или свойства и детско-родительских отношений с участием биологических или юридических родителей, в том числе в части воспитания. Что касается оценки рассматриваемых уголовно-правовых запретов с точки зрения социальной обусловленности как обязательного требования к уголовному закону, то автор использует теорию социальных статусов и ролей, позволяющую выявить вытекающие из статусов других членов семьи возможности ролевого поведения, включая криминогенные его варианты в виде оказания негативного воздействия на несовершеннолетнего в рамках фактического воспитания.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних; субъекты повышенной ответственности; фактические воспитатели; социальная обусловленность; социальные статусы и роли

Для цитирования: Караваева Ю. С. Включение фактических воспитателей в круг субъектов повышенной ответственности в ст. 150–151 УК РФ: социальная обусловленность и межотраслевой подход. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 95–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.095-108

Inclusion of De Facto Guardians in the Category of Subjects with Enhanced Liability under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code: Social Justification and Interdisciplinary Approach

Yulia S. Karavaeva

Perm Branch

National Research University

Higher School of Economics

Perm, Russian Federation

Abstract. While recent amendments to criminal legislation in 2022 have strengthened the protection of minors' rights and lawful interests, however, they have failed to address the differentiation of liability for involving minors in criminal or antisocial activities based on the characteristics of the perpetrator. Meanwhile, the issue remains relevant, as the current list of liable parties under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code requires expansion. The author's argument is based on an assessment of the social justification of the criminal law in this part as well as research in family law concerning the concept of de facto upbringing. Studies in this field have established a substantive analogy between the relationships arising from de facto upbringing involving various family members of different degrees of kinship or affinity and parent-child relationships involving biological or adoptive parents, particularly in terms of upbringing. To evaluate the social justification of these criminal prohibitions as a mandatory requirement for criminal law, the author applies the theory of social statuses and roles, which helps identify the behavioral expectations associated with different family members' statuses, including criminogenic behaviors such as exerting negative influence on minors within de facto upbringing arrangements.

Keywords: involvement of minors; subjects of enhanced liability; de facto caregivers; social justification; social statuses and roles

Cite as: Karavaeva YuS. Inclusion of De Facto Guardians in the Category of Subjects with Enhanced Liability under Articles 150–151 of the Russian Criminal Code: Social Justification and Interdisciplinary Approach. *Lex russica*. 2025;78(7):095-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.095-108

Введение

Вопросы уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетних остаются предметом живого обсуждения в науке и объектом внимания со стороны законодателя. Так, в марте 2022 г. Федеральный закон № 38-ФЗ¹ внес изменения в ряд норм уголовного закона в части усиления мер ответственности за преступления против несовершеннолетних. Однако эти изменения не коснулись гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РФ, несмотря на известный науке круг вопросов, возникающих в связи с ее содержанием. Один из них — о субъектах повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, определенных в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ.

Представляется, что его рассмотрение в контексте требования социальной обусловленности уголовного закона с привлечением воз-

можностей междотраслевого подхода, а также в свете обновленной в марте 2022 г. редакции УК РФ позволит сформулировать варианты решения.

1. Теория социальных статусов и ролей как инструмент оценки социальной обусловленности уголовного закона

Обращение к вопросу о социальной обусловленности уголовного права, активно предпринимаемое исследователями сегодня, на наш взгляд, вызвано обоснованными сомнениями в наличии действительной общественной потребности в расширении сферы уголовно наказуемого поведения, которое наблюдается в последние годы. Стремление выявить объективные закономерности, понуждающие законодателя к динамичной криминализации деяний, лежит в основе дискуссий о сущности как ключевых категорий уголовного права (например, преступления и об-

¹ Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

щественной опасности), так и отдельных вновь введенных в уголовный закон запретов.

Требование социальной обусловленности уголовного закона предполагает его соответствие «...объективным потребностям и тенденциям общественного развития»², что обосновывается природой права вообще и уголовного права в частности: «Формируясь на основе существующих фактических отношений, уголовный закон отражает различные социальные факторы в виде уголовно-правовых норм»³. Складываясь между отдельными индивидами, указанные фактические общественные отношения, по сути, представляют собой поведение данных лиц, в связи с чем авторы отмечают: «Причиной к созданию уголовно-правового положения выступает поведение людей, обладающее свойством общественной опасности и требующее уголовно-правового запрета»⁴. В любом социально значимом поведении индивида реализуется его статусно-ролевое положение с учетом присущего каждому члену общества «набора статусов»⁵. Отсюда исследование вопросов социальной обусловленности уголовного закона посредством использования понятий социального статуса и социальной роли, разработанных в социологической науке, выглядит вполне перспективным с точки зрения выявления взаимосвязи между фактическими общественными отношениями и реализуемым в их рамках статусно-ролевым положением индивидов — с одной стороны и содержанием уголовного закона, придающего правовое значение отдельным статусам и ролям в целях запрещения того или иного поведения, — с другой.

Как отмечает Л. И. Спиридонов, «правонарушение и его крайняя форма — преступление означают... не посягательство на абстрактную юридическую норму, а нарушение правоотношения, то есть официально признанного порядка общественно значимых связей между людьми как носителями социальных функций»⁶. Социальная функция предопределяется положением личности в системе обществен-

ных отношений, или, как принято указывать в социологической науке, социальным статусом.

Социальный статус — это характеристика участника определенного вида общественных отношений, из которой вытекает совокупность прав, обязанностей и ответственности, в теории именуемых социальной ролью. Анализ ролевого поведения позволяет определить статусную позицию индивида, равно как и обращение к занимаемому лицом социальному статусу лежит в основе предположения об общественных отношениях, в которых оно участвует, реализуя ролевое поведение.

По мысли Л. И. Спиридонова, «если право действительно имеет своим источником общественные отношения, то в нем в первую очередь фиксируется специфическое социальное состояние людей как участников общественной жизни...»⁷. Притом что не каждый социальный статус имеет правовое значение, большинство всё же включено в правовое поле. Необходимость придания конкретному социальному статусу нормативной определенности возникает в связи с задачей охраны общественных отношений, благ, ценностей, в которых лицо с учетом своего статусно-ролевого положения участвует или к которым имеет доступ в силу этого положения, и/или задачей урегулирования тех или иных форм ролевого поведения, для соответствующего социального статуса являющихся типичными и фактически реализуемыми.

Если говорить о придании тому или иному социальному статусу уголовно-правового значения, то потребность в этом вытекает из обусловленных им статусно-ролевых возможностей посягательства на охраняемые общественные отношения, блага и ценности. В частности, в рамках изучения специального субъекта преступления появляются основания для выделения двух видов специальных признаков: признаки, характеризующие статусно-ролевое положение субъекта, и признаки, характеризующие его правовое состояние⁸.

² Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.

³ Савенок А. Л. Указ. соч. С. 130–135.

⁴ Бодаевский В. П., Соловьёв Е. А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 20–25.

⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 539–540.

⁶ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М. : Юридическая литература, 1986. С. 77.

⁷ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 77.

⁸ Караваева Ю. С. Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. № 6. (153). С. 79–90.

С учетом указанного представляется, что социологическая теория статусов и ролей личности может быть использована в качестве методологической основы изучения преступного поведения лиц, статусно-ролевому положению которых законодатель придает уголовно-правовое значение. Гносеологические перспективы данной теории связаны, на наш взгляд, еще и с тем, что рассмотрение сквозь ее призму отдельных уголовно-правовых запретов, устанавливающих или дифференцирующих ответственность в связи со статусно-ролевым положением виновного, позволяет определить границы и содержание фактических общественных отношений, поставленных под охрану. В свою очередь, это делает возможным объяснение наличия соответствующего запрета в уголовном законе, а значит, позволяет оценить его с точки зрения требования социальной обусловленности.

С учетом изложенного полагаем, что статусно-ролевая теория способна не только раскрыть особенности фактических взаимодействий, опосредованных тем или иным статусом, в том числе в тех случаях, когда буква закона не отражает социальную реальность в ее подлинном виде, но и предложить социально обоснованные пути устранения пробела. По большому счету, в силу требования социальной обусловленности, обращенного к закону в принципе и к уголовному закону в частности, теория социальных статусов и ролей может рассматриваться в качестве методологической основы нормативной формализации соответствующих общественных отношений, предполагающей в том числе установление правового статуса субъектов и вытекающих из него прав, обязанностей и ответственности. При этом актуальность обращения к данной теории, этим не исчерпываясь, обусловлена ее способностью выявлять такие аспекты того или иного статуса, которые с трудом поддаются или не поддаются нормативной формализации в принципе, однако сопряжены с реализацией социальной роли и должны быть учтены с целью юридически значимой оценки поведения. Примером придания уголовно-правового значения подобного рода аспектам выступает пункт 4 постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁹, в котором используются понятия авторитета и «иных возможностей занимаемой должности для оказания любого влияния на других должностных лиц».

В рамках данной работы мы предлагаем обратиться к проблеме субъектов повышенной ответственности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий с целью ее рассмотрения посредством статусно-ролевой теории.

2. Субъекты повышенной ответственности в ч. 2 ст. 150 и ст. 151 УК РФ: оценка с точки зрения социальной обусловленности перечня

Устанавливая уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), законодатель с целью ее дифференциации выделяет круг специальных субъектов, к которым относит родителей, педагогических работников либо иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Особое внимание в науке уделяется последней группе лиц, поскольку уголовный закон не уточняет ее содержание, а постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹⁰ к этому вопросу не обращается вообще. Используя термин «лица, заменяющие родителей», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹¹ относит к ним опекунов, усыновителей, попечителей, приемных родителей, патронатных воспитателей, то есть лиц, «...которые в силу закона явля-

⁹ Российская газета. № 154. 17.07.2013.

¹⁰ Российская газета. № 29. 11.02.2011.

¹¹ Постановление Пленума от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. № 262. 20.11.2017.

ются законными представителями ребенка, а не просто те лица, у которых ребенок находится на попечении в бытовом смысле». В отсутствие иных официальных уточнений к иным лицам в рамках рассматриваемых уголовно-правовых запретов авторы относят названных субъектов¹².

Не вызывает возражений тот факт, что преступные действия указанных лиц по вовлечению несовершеннолетнего оценены законодателем как представляющие повышенную общественную опасность, а потому заслуживающие более суровых мер ответственности. Как отмечает С. И. Осмоловская, «близкий для ребенка человек, будь то родитель либо иной родственник, воспитывающий несовершеннолетнего, несомненно, обладает неоспоримым авторитетом и способен с большей вероятностью вовлечь его в совершение противоправных действий, чем посторонний человек»¹³.

Иными словами, социальное значение ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ заключается в стремлении законодателя нормативно определить круг лиц в связи с вытекающими из их социального статуса фактическими возможностями оказать «результативное» криминогенное влияние на несовершеннолетних. Вместе с тем использованная законодателем формулировка выглядит крайне неудачной, поскольку связывает определение субъекта преступления не с фактическим воспитанием несовершеннолетнего, а с реализацией установленной законом процедуры по возложению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. При этом достаточно широкий круг лиц, которые могут фактически заниматься воспитанием несовершеннолетнего, а значит, и располагать возможностями криминогенного влияния, остается за пределами перечня субъектов данных преступлений. Речь идет о бабушках, дедушках, мачехах, отчимах, старших братьях и сестрах, сожителях и сожительницах родителя — и это только ближайший круг, хотя в некоторых случаях осуществлять фактическое воспитание могут и лица, не состоящие в кровном родстве или в отношениях свойства с несовершеннолетним. При условии длящегося совместного

проживания (что, на наш взгляд, предполагается в ситуациях фактического воспитания) обозначенные субъекты и несовершеннолетние являются участниками таких общественных отношений, которые в высокой степени сходны с детско-родительскими, имеющими уголовно-правовое значение в рассматриваемых нормах.

Следуя букве закона и тем самым игнорируя реальную возможность указанных лиц оказывать влияние на несовершеннолетнего в целях вовлечения его в совершение преступления или антиобщественных действий в условиях фактического воспитания и совместного проживания, суды квалифицируют их деяния без вменения квалифицирующего признака специального субъекта. Так, Б., являясь мачехой несовершеннолетнего П. С. и проживая совместно с ним, вовлекла его в занятие попрошайничеством, обучив методам выпрашивания денег у посторонних. Судом установлено, что Б. вместе с несовершеннолетним пасынком проходила по домам жителей села, где по ее указанию и в ее присутствии П. С., используя фразы, вызывающие жалость, выпрашивал продукты питания, денежные средства. После вовлечения в занятие попрошайничеством несовершеннолетний П. С. по устному указанию мачехи Б. неоднократно выпрашивал у жителей продукты питания, денежные средства. Указанные действия Б. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 151 УК РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий лицом, достигшим 18-летнего возраста¹⁴.

В другом случае, привлекая к ответственности по ч. 1 ст. 150 УК РФ, суд отметил, что виновная воспитывает несовершеннолетнего внука Ш., имея нотариально заверенное согласие своей дочери М. на право проведения необходимых медицинских процедур и манипуляций в любых медицинских учреждениях и организациях, на участие в школьном образовательном процессе, дополнительном образовательном процессе, на заключение необходимых договоров в образовательных и медицинских учреждениях в отношении несовершеннолетнего Ш. Суд подчеркнул, что виновная «одна воспитыв-

¹² См., например: Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Дети — жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.

¹³ Осмоловская С. И. К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 266–270.

¹⁴ Приговор Никифоровского районного суда Тамбовской области от 14.12.2021 по делу № 1-90/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

вает своего внука..., проживая вместе», вовлекла в совершение кражи, «используя сложившиеся доверительные отношения с внуком»¹⁵.

Как видим, устанавливая фактическое воспитание виновным несовершеннолетнего, а также совместное их проживание, суды тем не менее вынуждены вменять ст. 150–151 УК РФ без квалифицирующих признаков. Такая ситуация предопределяется категоричностью формализованного в кодексе условия о возложении законом на иное лицо обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в целях применения ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ. Представляется, что это условие само по себе должно вызывать вопросы о соответствии законодательного подхода, во исполнение которого действует правоприменитель, социальным реалиям, тем более что на необходимость учета и оценки фактических взаимоотношений в целях квалификации деяний, предусмотренных статьями 150–151 УК РФ, указывает Пленум Верховного Суда РФ. Так, согласно постановлению от 01.02.2011 № 1, при рассмотрении дел о преступлениях в отношении взрослых лиц, которые совершили преступление с участием несовершеннолетних, суду надлежит выяснять характер взаимоотношений между ними, поскольку эти сведения могут иметь существенное значение для установления роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений.

Складывается противоречивая ситуация: с одной стороны — необходимость оценки фактических взаимоотношений, сложившихся между виновным и несовершеннолетним, а с другой — однозначно определенное требование о соблюдении процедуры возложения обязанностей по воспитанию в целях применения ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ. Речь идет о том, что возникающие с участием обозначенных субъектов фактические отношения являются типичными, распространенными, однако законодатель не рассматривает их в качестве правоотношений, предлагая для перевода в данное качество реализацию процедуры возложения обязанностей по воспитанию.

Как справедливо отмечает Т. В. Краснова, «...воспитание не объясняет предназначение родителя и может в той же мере осуществляться лицами, заменяющими родителей»¹⁶. Обоснованным представляется утверждение Е. Г. Комиссаровой о том, что «...юриспруденция не может не учитывать того факта, что в современном мире межличностные связи ребенка и взрослого, выполняющего по отношению к нему родительские обязанности, могут быть не всегда зависимы от биологического или юридического родительства»¹⁷.

Очевидно, что социальная реальность поставляет богатый эмпирический материал, позволяющий сделать вывод о гораздо более широком круге лиц, фактически занимающихся воспитанием несовершеннолетнего, относительно тех субъектов воспитания, которые посредством установленных законом процедур указанные личные неимущественные отношения перевели в разряд юридически значимых. С одной стороны, такая ситуация представляется вполне естественной, поскольку право по определению не может уловить и придать нормативное значение всем взаимодействиям в семейно-воспитательной реальности. С другой стороны, думается, что наиболее многочисленные формы взаимодействий, приобретшие в силу своей повторяемости характер типичных, должны нормативное отражение получить. К ним, по нашему мнению, относятся взаимодействия по поводу воспитания, складывающиеся между несовершеннолетним и мачехой/отчимом, бабушкой/дедушкой, старшим братом/сестрой, сожителем/сожительницей родителя. Так, отмечая, что «отношения между пасынками (падчерицами) и отчимом (мачехой) встречаются значительно чаще, чем усыновление или отношения детей с так называемыми приемными родителями», Н. В. Копыткова указывает, что «именно на основе свойств в силу семейных отношений отчим и мачеха осуществляют воспитание и содержание несовершеннолетних пасынков и падчериц. Можно с уверенностью утверждать, что в таких случаях образуются связи, аналогичные отношениям

¹⁵ Приговор Мучкапского районного суда Тамбовской области от 30.05.2022 по делу № 1-30/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Краснова Т. В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.

¹⁷ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.

между родителями и детьми»¹⁸. М. С. Малькевич, дополняя круг данных субъектов сожителем (сожительницей) родителя несовершеннолетнего, указывает, что «...именно воспитание несовершеннолетнего является той обязанностью, которую выполняют все указанные лица. Однако для усыновителей, опекунов (попечителей) это правоотношения, а для отчима (мачехи) и сожителя (сожительницы) это фактическое отношение, не урегулированное нормами права»¹⁹.

Приведенная мысль означает, что отношения, складывающиеся между «периферийными членами семьи»²⁰ и несовершеннолетним, имеют содержание, аналогичное детско-родительским отношениям, прежде всего в части наличия воспитательного компонента, а значит, и возможности оказания криминогенного влияния с использованием межличностных взаимодействий. В частности, социальные статусы «отчим» и «мачеха» используются именно в отношении тех лиц, которые, заключив брак с родителем несовершеннолетнего, по сути, занимают место второго биологического или юридического родителя в детско-родительских отношениях. В связи с этим авторы подчеркивают, что «семейное право цивилизованного государства не может себе позволить простого молчания по поводу регулирования отношений с участием вторичных членов семьи, какими являются отчим, мачеха, пасынок, падчерица»²¹. Думается, что и уголовное право цивилизованного государства не может оставлять без должного внимания подобного рода отношения в контексте охраны интересов несовершеннолетних.

Таким образом, возникновение отношений по фактическому воспитанию несовершеннолетнего опосредовано приобретением социального статуса мачехи/отчима, сожителя/сожительницы родителя, а при условии объективной невозможности детско-родительских

отношений — наличием социального статуса бабушки/дедушки, старшего брата/сестры. Вытекающие из указанных социальных статусов ролевые требования (при установлении прочих условий) предполагают оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетнего и совместное с ним проживание. Важно, что проблема нормативной неурегулированности данных отношений имеет межотраслевой характер и сохраняет актуальность, в частности, для современной семейно-правовой доктрины, хотя начало ее обсуждению было положено в работах советских авторов.

3. Доктрина семейного права о фактическом воспитании: межотраслевой подход к проблеме неурегулированности

В подтверждение тезиса о том, что «институт фактического воспитания известен российскому праву давно»²², З. И. Воронина обращается к дореволюционному законодательству в части регламентации правового положения «приймаков и приемышей», не предполагавшего усыновления (удочерения) несовершеннолетних. Формируя правовое пространство, легализующее новое общество и новое государство, советский законодатель приравнял правовой статус указанных лиц к усыновленным (удочеренным), не признав самостоятельность соответствующих отношений, и установил запрет на усыновление (удочерение) впредь. Автор обращает внимание, что подобного рода отношения по фактическому воспитанию в рамках рассматриваемого периода были довольно широко распространены, в том числе ввиду обострения проблемы беспризорности детей.

Другие исследователи отмечают, что непридание на законодательном уровне отношениям по фактическому воспитанию значения самостоятельного вида правоотношений объ-

¹⁸ Копыткова Н. В. Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права: история и современность : сборник трудов конференции. Курск, 2017. Ч. 2. С. 63–65.

¹⁹ Малькевич М. С. Реализация родительских прав в случае проживания ребенка с отчимом (мачехой), сожителем (сожительницей) // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 240–244.

²⁰ Комиссарова Е. Г. Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 542–559.

²¹ Комиссарова Е. Г., Идрышева С. К., Краснова Т. В. Личные неимущественные отношения отчима и пасынка: в поисках юридических сущностей // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. № 2 (69). С. 73–85.

²² Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.

ясняется социально-политическими и экономическими соображениями, актуальными как для данного исторического периода, так и для современного российского государства: «Ненормативные модели семьи, как и в советское время, для государства пребывают в числе бесперспективных с точки зрения демографического воспроизводства, социально-экономического развития населения и качества детского воспитания»²³. Действительно, как было отмечено выше, в Семейном кодексе РФ о фактическом воспитании, фактических воспитателях и воспитанниках говорится лишь в связи с имущественными отношениями по выплате алиментов. Некоторые иные имущественные аспекты правового положения отдельных субъектов, объединенных нами выше термином «фактические воспитатели», раскрываются также в гражданском и трудовом законодательстве. К слову, обращение к соответствующим нормам Гражданского и Трудового кодексов РФ позволяет авторам утверждать, в частности, об особом правовом статусе мачехи и отчима и о «...целесообразности его легального признания»²⁴.

Несмотря на отсутствие внимания к проблеме фактического воспитания на нормативном уровне, на уровне доктрины еще советские ученые ставили вопросы, ответы на которые позволяли раскрыть суть соответствующих общественных отношений. Например, анализируя «наиболее типичные» ситуации их возникновения, З. И. Воронина ставит вопрос о круге субъектов — фактических воспитателей, относя к ним следующих лиц: «1) родственники отца или матери ребенка (бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети и пр.); 2) отчим или мачеха; 3) лица, не являющиеся родственниками ребенка (детей), например, если дети по просьбе родителей временно находятся у чужих людей; 4) мужчина (женщина), с которым мать (отец) ребенка состоит в фактических брачных

отношениях; 5) супруг(а) родителя-воспитателя в детских домах семейного типа и в приемных семьях»²⁵.

В рамках современной семейно-правовой науки исследователи, по сути, предлагают аналогичный перечень лиц, которые могут быть отнесены к фактическим воспитателям: близкие и дальние родственники ребенка; лица, не связанные родством; лица, состоящие в браке с родителем ребенка, а также не состоящие в таковом²⁶. Помимо примерного перечня, не имеющего исчерпывающего характера, авторы ставят вопросы и о содержании личных неимущественных и имущественных прав фактических воспитателей. И если относительно последних законодательство содержит отдельные положения, то в части регламентации содержания неимущественных прав не говорит ничего. В науке тем не менее суть отношений по фактическому воспитанию определяется как «продолжение воспитания семейно-родительского, возникающее по воле родителей или (в ситуациях невозможности ее проявления) “по умолчанию” родителей»²⁷. Е. А. Татаринцева отмечает, что «фактические воспитатели осуществляют родительские права, перечень которых предусмотрен СК РФ»²⁸. Содержательная аналогичность родительских и «как бы родительских» отношений в интересующей нас части отмечается и иными исследователями²⁹.

Проблема усугубляется отсутствием легального определения термина «воспитание» как правомочия и обязанности, вытекающих из факта биологического или юридического родительства. Законодатель, достаточно часто используя данный термин в целях урегулирования и охраны соответствующих общественных отношений силами ряда отраслей российского права, включая уголовное, оставил без внимания его содержание. Например, в ст. 96–97 СК РФ, предлагая рассматривать термины

²³ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства... С. 208–238.

²⁴ Кулакова А. А. Особенности правоотношений отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 107–110.

²⁵ Воронина З. И. Указ. соч. С. 98–102.

²⁶ Батурина Н. И., Медведев И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51.

²⁷ Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

²⁸ Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 115.

²⁹ См., например: Копыткова Н. В. Указ. соч. С. 63–65.

«фактический воспитатель» и «лица, осуществлявшие фактическое воспитание» в качестве синонимов, законодатель установил пятилетний срок и надлежащий характер воспитания в качестве условий признания данного правового статуса лица в целях взыскания алиментов с совершеннолетних воспитанников. При этом не уточняется, что такое воспитание и какое воспитание является надлежащим.

Очевидно, что воспитание предполагает воздействие определенного рода с целью формирования личности несовершеннолетнего в соответствии с морально-нравственными, социально-культурными, нормативными стандартами, принятыми в обществе. Является ли обязательным условием для возникновения возможности оказывать такое воздействие факт биологического или юридического родства субъекта воспитания с воспитываемым? Нет, не является, что подтверждается социальными реалиями и признается законодателем в указанных выше положениях Семейного кодекса РФ. Является ли обязательным условием оказания такого воздействия соблюдение процедуры возложения обязанности по воспитанию? Тоже нет, что находит подтверждение и в исторических, и в современных социальных формах организации взаимоотношений «фактический воспитатель — несовершеннолетний», и в приведенной выше позиции законодателя.

Как отмечает Н. В. Копыткова, термин «воспитание» используется для передачи сущности родительских прав³⁰, однако думается, что он вполне применим и для обозначения взаимоотношений, аналогичных родительским, и, что важно в свете тематики данной работы, при непрохождении субъектами процедуры возложения обязанностей по воспитанию.

Критикуя очевидную негибкость законодателя в анализируемой части, Е. Г. Комиссарова отмечает, что «родительство всё чаще рассма-

тривается в отрыве от его биологической составляющей. Поводом для таких исследований стали актуальные изменения в брачно-семейной сфере, описываемые как второй демографический переход, сопровождаемый такими процессами, как снижение значимости официального брака, высокий уровень разводов и сожительства, приоритет партнерских отношений над детско-родительскими»³¹. По поводу преодоления обозначенного разрыва между социальной реальностью и реальностью, сконструированной нормами права, исследователи высказывают предложения в диапазоне от необходимости получения «правового обоснования»³² отношений по фактическому воспитанию и их «единообразного юридического закрепления в СК РФ»³³ до «сопряжения этого социального понятия (социального родительства.³⁴ — Ю. К.) с правом... однако это предполагает следование уже известной нормативной терминологии и может быть только точечным»³⁵.

Как видим, представители семейного права единодушны в том, что необходимо легализовать отношения по фактическому воспитанию не только в части имущественных аспектов, но и неимущественных тоже, хотя относительно объема такой легализации мнения разнятся. Однако отметим, что в целях исследования субъектов повышенной ответственности вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий мы ограничились лишь обзором высказанных в рамках семейно-правовой науки позиций в части проблемы неурегулированности отношений по фактическому воспитанию. Кроме того, что это оставляет возможности для последующих более глубоких изысканий в заданном направлении. Полагаем, нам, таким образом, удалось в достаточной мере обозначить межотраслевой характер проблемы.

³⁰ Копыткова Н. В. Указ. соч. С. 63–65.

³¹ Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства... С. 208–238.

³² Воронина З. И. Указ. соч. С. 98–102.

³³ Кулакова Н. В. Указ. соч. С. 63–65.

³⁴ Термин «социальное родительство» используется отдельными авторами для обозначения отношений между фактическим воспитателем и несовершеннолетним. Так, Е. Г. Комиссарова указывает, что «в основе вычленения термина “социальное родительство” лежит не юридическое, а фактическое положение взрослого лица в его отношениях с ребенком. <...> Праву такие де-факто статусы или роли известны под именами отчима/мачехи (ст. 97 СК РФ) и фактического воспитателя (ст. 96 СК РФ)» (Комиссарова Е. Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 20–35).

³⁵ Комиссарова Е. Г. Родительство как семейно-правовое явление... С. 20–35.

4. О расширении круга субъектов повышенной ответственности в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ в свете концепта фактического воспитания

Постановка вопроса о субъекте повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий предполагает необходимость оценки фактических социальных отношений по воспитанию, оставленных за пределами правового регулирования и, следовательно, охраны. Постановка этого вопроса одновременно обращает внимание на изменения в современных подходах к оценке института родительства в социологической науке и семейно-правовой доктрине.

Обращение к уголовному закону в соответствующей части показывает, что, с одной стороны, законодатель включает в состав субъектов рассматриваемых преступлений, чьи деяния влекут повышенную ответственность, лиц, биологическими родителями не являющихся. С другой стороны, в целях вменения квалифицированного состава вовлечения (ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 УК РФ) законодатель требует юридического подтверждения правомочности субъектов осуществлять воспитание несовершеннолетнего, что ограничивает их круг «юридическим родительством» согласно терминологии Е. Г. Комиссаровой. Однако лица, фактически осуществляющие воспитание несовершеннолетнего, в круг указанных субъектов не входят, что, по нашему мнению, не соответствует требованию социальной обусловленности уголовного закона, поскольку отражает социальную реальность в усеченном виде. Полагаем, что круг указанных лиц необходимо расширить за счет включения субъектов фактического воспитания в связи с возможностью оказания криминогенного воздействия на несовершеннолетнего в рамках воспитательной деятельности. Речь идет о лицах, состоящих в длящихся отношениях по воспитанию и проживающих совместно с несовершеннолетним, что вытекает из их статусно-ролевого положения: это отчим/мачеха, дедушка/бабушка, старшие братья/сестры, сожитель/сожительница родителя.

Отметим, что попытка охватить в том числе указанных лиц в целях уголовно-правовой оценки их поведения предпринята законодателем в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, согласно которой

значение отягчающего наказание обстоятельства придано факту совершения преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) «лицом, проживающим совместно с несовершеннолетним (несовершеннолетней)». Указанная категория субъектов имеет характер самостоятельно выделенной наряду с иными участниками семейных и иных правоотношений — «родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней)». В данном случае законодатель, во-первых, разграничивает возможные виды имущественных и неимущественных правоотношений, выделяя отношения по содержанию, воспитанию, обучению, защите в качестве самостоятельно учитываемых в целях применения нормы. Важно, что данные отношения могут возникнуть не только с участием членов семьи, но и в связи с осуществлением профессиональной деятельности, например предполагающей защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Во-вторых, связывая возникновение любой из перечисленных обязанностей с соблюдением юридической процедуры ее возложения, законодатель, на наш взгляд, в очередной раз нивелирует возможность расширения круга субъектов за счет фактических воспитателей, поскольку де-юре семейное законодательство не предполагает автоматическое возложение данной обязанности в связи с фактическими отношениями свойства или родства (имеются в виду другие члены семьи). При этом, однако, в отличие от ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151, в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ законодатель не уточняет, что указанные обязанности должны быть возложены на виновного законом, что допускает применение данной нормы к лицам, осуществляющим хотя бы одну из обозначенных обязанностей, например, согласно условиям доверенности, договора или, как было указано выше, рода профессиональной деятельности (службы). В частности, в рассмотренном ранее приговоре³⁶ в отношении М. И. Ю. А., вовлекшей своего малолетнего внука Ш. в совершение кражи, обязанности по его обучению были возложены на виновную нотариально удостоверенным согласием матери малолетнего. Тем не менее анализируемое отягчающее наказание обстоятельство судом применено не было, что следует

³⁶ Приговор Мучкапского районного суда Тамбовской области от 30.05.2022 по делу № 1-30/2022.

признать ошибочным, тем более что виновная, проживая совместно с малолетним, подпадает и под соответствующий альтернативный признак, содержащийся в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Применительно к признаку совместного проживания с несовершеннолетним, подлежащему учету судом в целях определения меры ответственности, необходимо отметить следующее. Круг лиц, выделенный законодателем для дифференциации и индивидуализации ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий в ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 и п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ соответственно, не совпадает: во втором случае признак совместного проживания с несовершеннолетним включает в себя и лиц, фактически занимающихся его воспитанием, и иных лиц. Другими словами, если фактический воспитатель является совместно с несовершеннолетним проживающим лицом, что презюмируется содержанием данных отношений, то не всякое совместно проживающее с несовершеннолетним лицо является его фактическим воспитателем.

Кроме того, оценивая приведенное в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ указание на совместное проживание с несовершеннолетним в свете расширения круга субъектов повышенной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 УК РФ, отметим, что неясным остается вопрос о длительности такого проживания, тем более что высшая судебная инстанция на уровне разъяснений внимания ему не уделяет. Однако в теории уже высказывалась мысль о необходимости учета совместного проживания в целях отнесения отчима (мачехи) к субъектам повышенной ответственности по ч. 2 ст. 150 УК РФ, правда, наряду с фактом совместного ведения хозяйства: «Очевидно, что как при наличии зарегистрированного брака между родителем с отчимом или мачехой, так и при его отсутствии данные лица, проживая совместно с ребенком, в равнозначной степени способны оказать как положительное, так и отрицательное влияние при осуществлении воспитания, и имеют возможность вовлечь его в совершение преступления»³⁷.

В целом по поводу исследуемого вопроса в уголовно-правовой науке сформировались

две противоположные точки зрения: согласно одной, субъект повышенной ответственности должен осуществлять обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, которые на него возложены законом³⁸. Согласно другой — круг указанных субъектов не должен ограничиваться данными лицами и его следует расширить, причем либо путем использования приведенной выше формулировки п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, либо посредством простого перечисления соответствующих лиц³⁹.

На наш взгляд, в целях достижения межотраслевого терминологического единообразия, а также с учетом социологических и семейно-правовых исследований отношений по фактическому воспитанию, выявивших их содержание и круг лиц, можно предложить следующий вариант формулировки ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ: «то же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, которое фактически исполняет обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

Выводы

Использование теории социальных статусов и ролей для оценки социальной обусловленности уголовного закона предполагает анализ ролевого поведения, вытекающего из занимаемого лицом статуса, в свете уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений, благ, ценностей, возможность посягательства на которые детерминирована статусно-ролевым положением лица. Однако использование этой теории не исключает обратной логики: выявление фактически осуществляемых лицом взаимодействий с иными субъектами в рамках ролевого поведения раскрывает те или иные стороны его социального статуса, в том числе значимые для нормативного регулирования и/или охраны. Например, статусы других членов семьи, характеризующие ту или иную степень родства или свойства, предполагают также и возможность осуществления фактического воспитания несовершеннолетнего в отсутствие детско-родительских отношений с биологическими или юридическими родителями (родителем). Установление подобного рода ролевого поведе-

³⁷ Осмоловская С. И. Указ. соч. С. 266–270.

³⁸ Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Указ. соч. С. 47–51.

³⁹ Мингалимова М. Ф., Багаутдинов Ш. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 57–65.

ния этих лиц важно в свете уголовно-правовой охраны прав и законных интересов несовершеннолетнего, поскольку речь идет о фактическом воспитательном воздействии на него лицом, совместно с ним проживающим. Более того, учитывая содержательную аналогичность отношений по фактическому воспитанию детско-родительским отношениям, на что обращается

внимание в доктрине семейного права, есть все основания предполагать их повышенную криминогенность в свете ст. 150–151 УК РФ. В связи с указанным в перечень субъектов повышенной ответственности, обозначенный в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ, предлагается включить также лиц, фактически исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Дети — жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.
- Батурина Н. И., Медведев И. М. Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям по Семейному кодексу Российской Федерации // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 46–51.
- Бодаевский В. П., Соловьёв Е. А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 20–25.
- Воронина З. И. Институт фактического воспитания в семейном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 5. С. 98–102.
- Караваева Ю. С. Уголовно значимые правовые состояния как специальные признаки субъекта преступления // Российский юридический журнал. 2023. № 6. (153). С. 79–90.
- Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 208–238.
- Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.
- Комиссарова Е. Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 20–35.
- Комиссарова Е. Г. Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 542–559.
- Комиссарова Е. Г., Идрышева С. К., Краснова Т. В. Личные неимущественные отношения отчима и пасынка: в поисках юридических сущностей // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. № 2 (69). С. 73–85.
- Копыткова Н. В. Обязанности отчима и мачехи по воспитанию пасынков и падчериц // Эволюция государства и права: история и современность : сборник трудов конференции. Ч. 2. Курск, 2017. С. 63–65.
- Краснова Т. В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102–106.
- Кулакова А. А. Особенности правоотношений отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 107–110.
- Малькевич М. С. Реализация родительских прав в случае проживания ребенка с отчимом (мачехой), сожителем (сожительницей) // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С. 240–244.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
- Мингалимова М. Ф., Багаутдинов Ш. Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 57–65.
- Осмоловская С. И. К вопросу о видах специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 266–270.
- Савенок А. Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21). С. 130–135.
- Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М. : Юридическая литература, 1986. 240 с.
- Татаринцева Е. А. Модели правоотношений по воспитанию ребенка в семье и тенденции их формирования в национальном семейном праве : монография. М. : Юстицинформ, 2018. 134 с.

REFERENCES

- Artemenko NV, Shimbareva NG. Child victims of domestic violence: Responsibility for «parental» crimes. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2020;12:47-51. (In Russ.).
- Baturina NI, Medvedev IM. The grounds for the emergence of a relationship on the actual upbringing of a child and the circle of persons belonging to the actual caregivers according to the Family Code of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest]*. 2018;1(44):46-51. (In Russ.).
- Bodaevsky VP, Solovyov EA. Social justification of the criminal law situation. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*. 2020;1(76):20-25. (In Russ.).
- Karavaeva YuS. Criminally significant legal conditions as special features of the subject of the crime. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2023;6(153):79-90. (In Russ.).
- Komissarova EG, Idrysheva SK, Krasnova TV. Personal non-property relations of stepfather and stepson: In search of legal entities. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii RK*. 2022;2(69):73-85. (In Russ.).
- Komissarova EG. De facto parenting relationships: Problems of family and legal institutionalization. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021;1:130-153. (In Russ.).
- Komissarova EG. Parenthood as a Family law phenomenon: A theoretical look at the current normative origins. *Lex russica*. 2022;75(6):20-35. (In Russ.).
- Komissarova EG. Social parents and social upbringing of a child in legal discourse. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. 2023;14(2):542-559. (In Russ.).
- Komissarova EG. The doctrine of direct (actual) parenthood in Russian and foreign family law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2022;56:208-238. (In Russ.).
- Kopytkova NV. Stepfather and stepmother's responsibilities for raising stepsons and stepdaughters. The evolution of the state and law: History and modernity. Proceedings of the conference. Part 2. Kursk; 2017. Pp. 63–65. (In Russ.).
- Krasnova TV. Education as a unique legal phenomenon and the problems of its modern legal definition. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2016;9:102-106. (In Russ.).
- Kulakova AA. Features of legal relations between stepfather (stepmother) and stepson (stepdaughter). *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of Vladimir Law Institute]*. 2018;4(49):107-110. (In Russ.).
- Malkevich MS. The realization of parental rights in the case of a child living with a stepfather (stepmother), cohabitant (cohabitant). *Vestnik SamGU*. 2014;5(116):240-244. (In Russ.).
- Merton R. Social theory and social structure. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Mingalimova MF, Bagautdinov ShF. Criminal liability for the involvement of minors in the commission of crimes. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2023;5:57-65. (In Russ.).
- Osmolovskaya SI. On the question of the types of a special subject involving a minor in the commission of a crime. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 2022;18(3):266-270. (In Russ.).
- Savenok AL. Social justification of the criminal law. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus*. 2011;1(21):130-135. (In Russ.).
- Spiridonov LI. Sociology of criminal law. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1986. (In Russ.).
- Tatarintseva EA. Models of legal relations for the upbringing of a child in the family and the trends of their formation in national family law: A monograph. Moscow: Yustitsinform; 2018. (In Russ.).
- Voronina ZI. Institute of actual upbringing in Family Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 1992;5:98-102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Караваева Юлия Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 38, Студенческая ул., г. Пермь 614017, Российская Федерация
iuskaravaeva@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Karavaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Business Law, Perm Branch, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation
iuskaravaeva@hse.ru

Материал поступил в редакцию 23 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 31 октября 2024 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 23.10.2024.

Revised 31.10.2024.

Accepted 15.06.2025.

Д. А. Лукашевич

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Предмет науки истории государства и права

Резюме. В статье подробно анализируется проблема предмета науки истории государства и права. Затрагиваются вопросы соотношения понятий «предмет науки» и «объект науки»; рассматриваются точки зрения на проблему предмета историко-правовой науки, сущность истории государства и права (юридическая, историческая или комбинированная), темпоральные, пространственные и догматические границы предмета историко-правовой науки, соотношение истории государства и права и отраслевых юридических наук, а также соотношение с теорией государства и права и историей политических и правовых учений; анализируется структура науки истории государства и права и структура предмета науки истории государства и права; затрагивается соотношение понятий «история права» и «догма права»; анализируется вопрос эмпирического материала рассматриваемой науки, исторические (отечественные и зарубежные) истоки отраслевизации права, становление юридической теории, место права в системе иных социальных регуляторов в различные исторические эпохи, несостоятельность сугубо позитивистского подхода к пониманию права для объективного изучения истории государства и права; освещается проблема научной принадлежности истории международного права; дается авторское видение обозначенных проблем и их решений. В работе выделяются и анализируются «реальный» и «идеальный» уровень историко-правового исследования, их содержание и значение.

Ключевые слова: предмет юридической науки; объект юридической науки; история государства и права; история политических и правовых учений; юридическая методология

Для цитирования: Лукашевич Д. А. Предмет науки истории государства и права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 109–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130

The Subject Matter of the History of State and Law Science

Dmitry A. Lukashevich

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper provides a detailed analysis of the problem of defining the subject matter of the science of the history of state and law. It examines the relationship between the concepts of «subject of science» and «object of science», discusses various perspectives on the subject matter of historical legal science, and explores the nature of the history of state and law (whether it is primarily legal, historical, or a combination of both). The study addresses the temporal, spatial, and dogmatic boundaries of the subject matter of historical legal science, as well as its relationship with branch legal sciences, the theory of state and law, and the history of political and legal doctrines. The paper analyzes the structure of the science of the history of state and law and the structure of its subject matter, touching upon the relationship between the concepts of «history of law» and «dogmatics of law». It examines the empirical material of this discipline, including the historical (domestic and foreign) origins of the specialization of law, the development of legal theory, and the role of law among other social regulators in different historical epochs. The study also critiques the inadequacy of a purely positivist approach to understanding

law for an objective study of the history of state and law and discusses the scholarly classification of the history of international law. The author presents their own perspective on these issues and their possible solutions. The work identifies and analyzes the «real» and «ideal» levels of historical legal research, their content, and significance.

Keywords: subject of legal science; object of legal science; history of state and law; history of political and legal doctrines; legal methodology

Cite as: Lukashevich DA. The Subject Matter of the History of State and Law Science. *Lex Russica*. 2025;78(7):109-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130

Введение

Понятие «наука», как и многие другие понятия, является многозначным. Наиболее распространено представление о науке как о «сфере человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»¹. То есть если другие сферы человеческой деятельности пользуются знаниями, полученными наукой, то сама наука нацелена на получение этого нового знания.

Любая наука имеет свои границы, то есть предмет. Изучение предмета отраслевых юридических наук всегда представляло интерес для ученых, поскольку являлось своего рода отправной точкой в проведении соответствующих научных исследований².

«Объект» и «предмет» науки

С понятием «предмет науки» тесно связано понятие «объект науки». Существуют различные подходы к разграничению данных категорий. Объект науки обычно определяется как объек-

тивная реальность, окружающая действительность. С «предметом науки» всё неоднозначно.

Согласно так называемому натуралистическому подходу предмет науки — это часть окружающей реальности, которая исследуется ученым. В этом смысле предметом юридической науки является определенная правовая действительность³.

Другой подход предполагает противопоставление объекта и предмета науки: объект — это окружающая действительность, предмет — результат теоретических исследований ученого. Известный методолог Г. П. Щедровицкий приводил пример, иллюстрирующий разграничение предмета и объекта науки при данном подходе: находящееся на лугу стадо овец как объективная реальность — это объект исследования; действия наблюдателя в отношении овец — сложение, вычитание, извлечение корня, сравнение и др., то есть мысленные теоретические операции, которые производятся не с самими овцами, а с их образом в сознании исследователя, — это предмет науки⁴.

С одной стороны, корректным будет второй подход, поскольку один и тот же объект может быть рассмотрен с разных предметных пози-

¹ Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007. С. 48. См. также, например: Основы науковедения. М., 1985. С. 3 ; Рачков П. А. Науковедение : Проблемы, структура, элементы. М. : Изд-во Московского университета, 1974. С. 24.

² См., например: Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права / Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2012. Т. 1. С. 82–119 ; Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права // Алексеев С. С. Частное право : избранное. М., 2024. С. 228–527 ; Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963 ; Гришовец А. А. Современное понимание предмета науки административного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 56–67 ; Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. М., 2005. Т. 1. С. 252–307 ; Шестерюк А. С. К вопросу о предмете экологического права как науки // Экологическое право. 2005. № 1. С. 54–60.

³ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 137–138. См. также, например: Филиппова С. Ю. Предмет цивилистической науки // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 4. С. 26.

⁴ См., например: Жуланов А. Л. К вопросу о соотношении понятий объекта и предмета науки в классическом и неклассическом естествознании // Вестник ПГГПУ. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3. С. 19.

ций, например, человек может быть исследован и с юридической, и с экономической, и с анатомической точки зрения⁵. Следовательно, на первый взгляд, предмет исследования не может быть частью объекта, предмет — это теоретическое поле исследования, работа с идеальными, созданными человеческим мышлением моделями, предмет — это теоретическое отражение объекта⁶.

С другой стороны, идеальные объекты, о которых часто ведут речь методологи как об основе предмета исследования, применимы неодинаково к разным наукам, например в точных науках, безусловно, исследовательские операции происходят с искусственно созданным человечеством научным инструментарием (вышеприведенный пример с овцами и соответствующими математическими действиями: умножением, извлечением корня и т.д.); но если речь идет о юридической науке, которая имеет дело с различными источниками права: нормативными актами, актами судебной практики, правовыми обычаями и т.д. — это тоже «идеальные объекты»? Они не существуют объективно? Представляется, что это не так: они объективны равно в той же степени, в какой реален и объект исследования — социальные отношения. Поэтому если социальные отношения признаются реально существующими, то почему нельзя сказать то же самое о результатах этих отношений, закрепленных в различных источниках права? Если предмет исследования (и как следствие, предмет науки) — это сугубо «идеальные объекты», то зачем тогда их изучать, если они и так созданы человечеством и известны ему? Но именно потому наука что-либо изучает, что это является непознанным, объективно существующим. По этому поводу О. А. Красавчиков указывал, что «предмет науки остается одним и тем же: он существует

объективно, независимо от познавательной деятельности и ее результатов»⁷. На то же применительно к историко-правовой науке указывает М. О. Акишин⁸.

Проблема соотношения объективного⁹ и субъективного касается не только предмета, но и науки в целом, причем не только юридической.

Представляется, что и объективный, и субъективный компонент присутствуют в гносеологическом процессе: исследователь не только работает с источником, но и интерпретирует его (герменевтический аспект). Однако последнее не всегда означает получение истинного результата — для того, чтобы объективно познать содержание Законов Хаммурапи, надо жить в эту эпоху. Кроме того, влияние субъективного фактора на появление историко-правовых источников (нормативных актов, правовых обычаев, прецедентов и т.д.) не означает их субъективность, они предстают перед будущим исследователем как данность, объективно. Познать, как было, реально реконструировать — объективно, но скрытно; интерпретировать — субъективно, но доступно. Цель исследователя — попытаться установить максимально возможное тождество между первым и вторым. То есть и процесс формирования изучаемой историко-правовой базы, и процесс ее познания, безусловно, субъективны, но сама источниковая база — объективна.

В связи с этим представляется, что предмет исследования — это не искусственно созданная наукой исследовательская материя, а *реально существующая часть объекта*, которая изучается ученым. Например, объектом исследования в сфере трудового права являются общественные отношения в сфере труда. Однако они могут быть исследованы и с позиции экономики, и с позиции социальной психологии,

⁵ На это же указывают методологи: «Отличие предмета от объекта познания состоит также в том, что один и тот же объект может изучаться многими науками... Общество как объект познания изучается историей, политэкономией, философией, демографией и т.д. Все эти науки имеют свой особый предмет познания». См.: Новиков А. М., Новиков Д. А. Указ. соч. С. 149–150.

⁶ Кузнецова О. А., Захаркина А. В. Объект и предмет исследования в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 220.

⁷ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 282.

⁸ Акишин М. О. Объект и предмет историко-правовой науки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Екатеринбург, 2019. Т. 1. С. 1057.

⁹ Понятие «объективный» многозначно, из-за чего происходит путаница в методологических работах. «Объективный» можно понимать как реально существующий, вне субъекта; как беспристрастный (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2008. С. 307). В данном случае будем иметь в виду первое значение.

и с позиции права, и с позиции других наук. Следовательно, предметом юридического исследования является правовое регулирование трудовых отношений.

Что касается теоретического аспекта, «идеальных объектов», то они, безусловно, присутствуют и в юриспруденции, но они являются ее *научным инструментарием*, применяемым в процессе исследования, а не самим предметом исследования. И именно этот инструментарий будет эволюционировать и менять исследовательский угол зрения на одни и те же проблемы. Очевидно, что, например, исследование законодательства эпохи Ивана Грозного будет неодинаковым в 1801, 2001 и 2501 гг. Предмет исследования один, научный инструментарий и результаты исследования — несовпадающие.

Теоретический инструментарий может поменять форму и стать «практическим», реальным, будучи закрепленным в источниках права¹⁰, но если он используется как таковой, то он именно теоретический и именно инструментарий, а не предмет исследования. «Идеальные объекты» — это сфера отраслевых юридических дисциплин, а также теории государства и права; история государства и права имеет дело не с идеальными, а с реальными объектами, при изучении которых выявляются общие черты, и они наполняют отраслевую и теоретико-правовую материю. Говоря еще проще: теория государства и права — это именно *теория* государства и права, а история государства и права — это *практика* государства и права.

Иногда предмет науки, в том числе юридической, определяется как «закономерности

возникновения и развития явлений и процессов объективной реальности»¹¹. Однако представляется, что с таким подходом нельзя согласиться, поскольку выявление закономерностей является *целью и результатом* юридической и иной науки, а не предметом науки. Предмет — это исследуемая область непознанного, сфера *потенциальных* результатов; закономерности — итог, сам результат¹².

Таким образом, объект науки — это исследуемая социальная реальность; предмет науки — это урегулированная правом часть этой социальной реальности, изучаемая с целью выявления закономерностей; закономерности — это результат исследований; используемые теоретические конструкции и «идеальные объекты» — исследовательский инструментарий.

Предмет науки истории государства и права: существующие подходы

Вопрос о предмете историко-правовой науки неоднократно поднимался учеными — проводились круглые столы, шли дискуссии¹³. Однако чаще всего предмет определялся с уклоном на историю государства и права России, а не на историю государства и права в целом.

Например, еще в 1950–1960-е гг. развернулась дискуссия о предмете советской историко-правовой науки.

Ученые исходили из того, что предметом истории советского государства и права является советское государство и право в его зарождении и развитии, а также конкретные формы

¹⁰ Как будет показано далее, теоретический аспект является также «идеальным» уровнем предмета науки истории государства и права, но зародился он на «реальном» уровне.

¹¹ Попондопуло В. Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 5. С. 70.

¹² Интересно, что рассуждения В. Ф. Попондопуло о предмете юридической науки применимы только к юридическим наукам отраслевого типа, но не к истории государства и права. Даже при классификации юридических наук, которую предлагает автор, история государства и права не упоминается. См.: Попондопуло В. Ф. Указ. соч. С. 71, 73, 83.

¹³ Гальперин Г. Б., Королев А. И. История советского государства и права как наука, ее предмет и задачи // Советское государство и право. 1962. № 10. С. 36–46; Курицын В. М., Ронин С. Л. О предмете и системе курса истории советского государства и права // Там же. 1961. № 12. С. 46–56; Софроненко К. А., Мартысевич И. Д., Чистяков О. И. К вопросу о предмете истории государства и права СССР // Вестник Московского университета. Серия «Экономики, философии и права». 1958. № 3. С. 121–131; О совещании авторского актива историков государства и права при редакции журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1956. № 1. С. 131–134; Ящук Т. Ф. Эволюция предмета науки истории государства и права России в XVIII–XX вв. // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. Омск, 2021. С. 392–397; Она же. От истории русского права к истории государства и права СССР: трансформация науки и учебной дисциплины

их проявления¹⁴. При этом выявляются прежде всего закономерности развития¹⁵. В. М. Курицын и С. Л. Ронин специально подчеркивали, что история государства и права не может сводиться к истории отдельных институтов и учреждений, а должна показывать закономерности, важнейшие институты и принципы¹⁶.

Однако еще П. Н. Галанза справедливо отметил, что выявление закономерностей развития государства и права ставит знак равенства между историей государства и права с одной стороны и теорией государства и права — с другой стороны¹⁷.

В одном из первых советских учебников по истории советского государства и права предметом рассмотрения данной науки обозначались «задачи, функции и формы советского государства на разных ступенях его развития»¹⁸. Аналогичным был подход к пониманию истории права¹⁹.

Подобный подход используют и многие современные авторы²⁰. Например, И. А. Исаев справедливо указывает, что «все государственные и правовые явления вырастают из предшествующих и трансформируются в будущие формы. “Связь времен” позволяет рассматривать все явления в единой исторической перспективе»²¹. Ю. П. Титов считал, что «предметом науки истории государства и права России является изучение возникновения, развития и смены типов и форм государства и права, а

также государственных органов и правовых институтов конкретных государств у народов нашей страны в определенный исторический период»²².

О. А. Жидков и Н. А. Крашенинникова определяли предмет истории государства и права зарубежных стран как изучение государства и права в конкретно-исторической обстановке, хронологической последовательности при учете закономерностей как общеисторических, так и конкретно-исторических²³.

Как уже отмечалось, вряд ли является правомерным утверждение, что предметом истории государства и права является выявление закономерностей либо сами закономерности, поскольку последние являются *целью и результатом* качественно проведенного историко-правового исследования. В свою очередь, предмет науки — это та область неизведанного, которая подлежит исследованию. Если же закономерности уже выявлены и выявлены корректно, то места для исследования не будет.

Однако содержание и границы предмета истории государства и права во многом предопределяется пониманием самых спорных и неоднозначных в юриспруденции понятий: «государство» и «право». От этого зависит, включать ли в предмет рассматриваемой науки аспекты юридической техники, юридического быта, правовых идей и т.д. От этого зависит, является ли, например, история политических

в 1917–1940-е гг. // Вестник Томского государственного университета 2020. № 458. С. 264–268 ; *Она же*. Определение предмета истории государства и права в юридической науке второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 76–87.

¹⁴ Гальперин Г. Б., Королев А. И. Указ. соч. С. 40.

Аналогичное определение предмета давали Ю. П. Титов и О. И. Чистяков (Титов Ю. П., Чистяков О. И. Некоторые вопросы истории государства и права СССР // Советское государство и право. 1961. № 3. С. 31).

¹⁵ Гальперин Г. Б., Королев А. И. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Курицын В. М., Ронин С. Л. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ О совещании авторского актива... С. 133.

¹⁸ История советского государства и права / под ред. проф. А. И. Денисова. М., 1949. С. 3–4.

¹⁹ История советского государства и права / под ред. проф. А. И. Денисова. С. 3–4.

Так же, хотя и в несколько идеологизированном виде, определял предмет науки истории государства и права ее основоположник С. В. Юшков. См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 7.

²⁰ История отечественного государства и права / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 2003. Ч. 1. С. 4 ; История отечественного государства и права / под ред. Р. С. Мулукаева. М., 2009. С. 16 ; Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М., 2011. С. 13 ; История государства и права зарубежных стран / под ред. К. И. Батыра. М., 2005. С. 3.

²¹ Исаев И. А. История государства и права России. М., 2002. С. 6.

²² История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М., 2011. С. 3.

²³ История государства и права зарубежных стран / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М., 2000. Ч. 1. С. IX.

и правовых учений составной частью истории государства и права либо теории государства и права.

Представляется, что если рассматривать предмет науки в вышеизложенном контексте конкретной части объекта — реально существующих отношений, то предметом науки истории государства и права является *государство и право в целом, в конкретно-историческом развитии с целью выявления соответствующих закономерностей*. Иными словами, предмет отражается в самом названии науки — история государства и права.

В свою очередь, предмет науки истории государства и права предопределяет предмет конкретных историко-правовых исследований.

Однако и в плане подхода к пониманию «закономерностей» есть нерешенные проблемы. В частности: разве закономерности мирового развития государства и права не были выявлены ранее К. Марксом и Ф. Энгельсом? Могут ли появиться исследования, коренным образом меняющие юридическую и методологическую парадигму и целиком опровергающие марксизм, а не указывающие на отдельные, принципиально ничего не меняющие «несстыковки» в этой концепции?²⁴ Этот вопрос остается открытым. Думается, что результатом историко-правовых исследований могут быть не самые общие закономерности, пронизывающие все государства и правовые системы, на которые обращал внимание марксизм (общественно-экономические формации; государство и право — это надстройка экономического базиса), а частные закономерности — развитие отдельных государственных и юридических институтов и т.д.

Другой немаловажный вопрос — всегда ли предметом и целью конкретных историко-

правовых исследований на практике является выявление закономерностей? Чаще всего нет. Большинство диссертационных и других историко-правовых научных исследований базируются на архивных исследованиях, а не на сравнительном анализе однотипного развития в различных государствах, что могло бы показать закономерности и отклонение от них. Использование архивного материала как главный критерий новизны²⁵ и качества историко-правового исследования показывает, что реальной целью таких работ является цель *познавательная*, а не диалектическая. Другого и быть не может, поскольку выбираемые в научных исследованиях (особенно в кандидатских диссертациях) незначительные хронологические рамки (20–50 лет) априори не могут дать возможности выявить какие-либо закономерности. По этому поводу еще в советские времена П. А. Рачков указывал: «...Наиболее важные научные открытия, хотя и возникают часто из исследований, преследующих чисто познавательные цели, рано или поздно приводят к фундаментальным практическим результатам»²⁶.

Следует отличать предмет науки от предмета конкретных историко-правовых исследований; чтобы наука оставалась наукой, она должна выявлять закономерности, без логического «каркаса» наука становится бесформенной, бессмысленной и бесполезной для общества. Поэтому если предметом историко-правовых исследований может быть изучение государства и права в конкретно-исторический период с познавательной целью, то совокупность подобных исследований дает представление о мировом развитии государства и права, а значит, имеется почва для выявления закономерностей в целом.

²⁴ Не будем затрагивать так называемый цивилизационный подход, который ничего общего с наукой, на наш взгляд, не имеет, хотя бы потому, что обращает внимание не на закономерности мирового развития, а на особенности, не на общее, а на частное. Последнее, кстати, марксизмом никогда и не отвергалось, другое дело, что сами сторонники «цивилизационного подхода» очень искаженно и упрощенно понимают марксизм.

²⁵ При этом понятие новизны, нового знания является мало разработанным в науке, хотя определенные шаги в этом направлении были сделаны. Так, П. П. Чупин предлагал выделять несколько типов новизны: тип «А» — расширение сферы действия известных законов, методов, правил; тип «Б» — ограничение (сужение) сферы действия известных законов, методов, правил; тип «В» — выдвижение новой гипотезы, принципа, метода; тип «Г» — отвержение состоятельности ранее выдвинутой гипотезы, принципа, метода; тип «Д» — поиск новых объяснительных возможностей в русле существующих идей, схем и парадигм; тип «Е» — опровержение парадигм и создание условий для выдвижения новых (Чупин П. П. Новое знание как проблема методологии науки // Структура науки и механизм возникновения нового знания. Обнинск — М., 1977. С. 153–154).

²⁶ Рачков П. А. Указ. соч. С. 48.

Но возникает еще один вопрос: а есть ли границы в выявлении закономерностей? Иными словами, если закономерности выявлены, наука истории государства и права прекратит на этом существование? Конечно нет. Поэтому целью историко-правовой науки, на наш взгляд, должно быть не только выявление закономерностей, но и изучение правового опыта как такового. Он может быть использован в будущем, при возникновении аналогичных ситуаций, а также будет служить в том числе уточнению тех или иных закономерностей, их изучению при более детальном приближении. Бывают ситуации, когда, казалось бы, неактуальные исследования вдруг становились актуальными через некоторый промежуток времени. Например, исследования правовых проблем капиталистической эпохи казались в СССР пройденным этапом, но ситуация резко поменялась в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда отброшенные ранее исследования стали «классикой права». «Не всякая работа по истории является актуальной для своего времени, но историческая наука в целом не может не быть актуальной»²⁷. Такая ситуация порождает явление «отложенной актуальности»²⁸.

Однако общие указания на закономерности, государство и право в целом не решают множество методологических проблем, с которыми неминуемо сталкивается исследователь. Рассмотрим некоторые из них.

Онтологическая основа науки истории государства и права — историческая, юридическая или комбинированная?

По данному вопросу существуют различные позиции.

В науке доминирует позиция о том, что история государства и права — это синтез истории

и юриспруденции, одновременно и историческая, и юридическая наука²⁹.

Такой подход представляется несколько упрощенным. По этой же логике надо сделать вывод, что судебная медицина — это и медицина, и юриспруденция; юридическая психология — это и психология, и право; гражданское право — это и экономическая теория, и юридическая; экологическое право — это и экология, и юриспруденция; семейное право — это и семейная психология, и право. Примеры можно продолжать. Однако в этих и других подобных сравнениях надо помнить, что соответствующей юридической наукой занимаются юристы, а не экологи, экономисты, историки, психологи и т.д. Разумеется, могут быть исключения³⁰, однако они не сказываются на общей исследовательской картине.

Как точно указывал О. А. Красавчиков, «при решении вопроса об отнесении определенных социальных явлений к предмету той или другой науки существенное значение имеет не тот факт, что они уже изучаются “иной” наукой, но характер, сущность и угол зрения, под которым рассматриваются данные явления»³¹.

История и история государства и права — это сходные, но не совпадающие науки. Думается также, что история государства и права не составляет часть исторической науки — первая является самостоятельной наукой. Как история химии относится к химии, а не к истории, так история математики относится к математике, а не к истории, так же история государства и права относится к юридической науке, а не к исторической. Подобно тому, как юристы-отраслевники обращаются к истории отрасли не потому, что они историки права, а потому, что они хотят увидеть корни современного состояния отрасли, так и юристы обращаются к истории

²⁷ Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 157.

²⁸ Лукашевич Д. А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985–1991 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 5–6.

²⁹ Титов Ю. П., Чистяков О. И. Некоторые вопросы истории государства и права СССР // Советское государство и право. 1961. № 3. С. 31 ; История отечественного государства и права / под ред. Р. С. Мулукаева. М., 2009. С. 15 ; Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М., 2011. С. 13.

³⁰ См., например: Винокурова М. В. Сейзина в обычном праве малых городов средневековой Англии // Средние века. 2017. Т. 78. № 1–2. С. 115–153 ; Она же. Становление общего права в Англии XII — начала XIII в. и работа разъездного королевского суда в Корнуолле // Там же. 2024. Т. 85. № 2. С. 81–108 ; Дмитриева О. В. Теория парламентского представительства в Англии XVI — начала XVII века // Там же. 2016. Т. 77. № 3–4. С. 250–263 ; Касатов А. А. Институт сейзины в системе имущественных отношений англо-нормандского королевства (XII–XIII вв.) // Там же. 2012. Т. 73. № 3–4. С. 104–129.

³¹ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 274.

права не потому что они историки, а история права — это часть истории, а потому, что они хотят увидеть закономерности формирования, развития и прекращения государств и правовых систем.

Кажущееся пересечение или в некоторых вопросах совпадение исторической и историко-правовой науки, на наш взгляд, объясняется не тем, что юристы занимаются историей либо искусственно создается дублирующая наука, а тем, что еще в школе, преподавая историю, учитель в первую очередь делает акцент на конкретных исторических персоналиях, главах государств и, разумеется, не может ни сказать о развитии государства в целом, о государственном механизме, государственных и правовых реформах и лишь затем обращает внимание на неюридические аспекты, в том числе развитие культуры. То есть не юристы вторгаются в историю, а изначально сами историки стержнем своей науки и учебной дисциплины делают историю государства и называют это историей.

Важной отличительной чертой наук является используемый ими методологический инструментарий. Однако в сфере истории государства и права целый ряд общеисторических методов исследования неприменим (биографический метод, метод математической статистики и др.)³². Они могут использоваться «попутно», как подспорье, но не могут являться исключительными методами историко-правовых исследований, поскольку не приведут к получению историко-правового знания. В процессе историко-правового исследования проводится юридический анализ, используется юридический понятийный аппарат, которым обладают только профессиональные юристы.

Подобно тому, как, например, цивилисты, изучая догму римского права, используют цивилистический методологический инструментарий и делают цивилистические, а не историко-правовые выводы, историки государства и права изучают правовой материал и получают юридические выводы (хотя и на общеисторической почве), а не общеисторические.

Это, конечно, не значит, что историки не могут пользоваться результатами историко-правовых исследований или даже сами не могут их проводить. Как историки права могут иссле-

довать общеисторические процессы в качестве самостоятельной цели исследования, так и историки могут исследовать историко-правовые проблемы. Однако цель, как правило, иная — использование юридического компонента для понимания общего исторического процесса.

Иными словами, возвращаясь к соотношению понятий «объект» и «предмет» науки, можно сделать вывод, что объектом историко-правовой науки являются социальные отношения, то есть сфера истории, социологии, других социальных наук, а предметом историко-правовой науки — юридическая область этих социальных отношений. Поскольку предмет науки — это ее сердцевина, основа, то если предмет науки является юридическим, значит, и сама наука является юридической. Следовательно, история государства и права — это самостоятельная *юридическая* наука.

Следует также учитывать процесс постоянной, объективной и неминуемой структурной трансформации науки, которая ведет к появлению новых отраслей научного знания³³. При этом не только история государства и права многое заимствовала у истории, но и сама история многое заимствовала у других наук, включая юриспруденцию³⁴. Так же, как ранее медицина выделилась из биологии, а история из философии (как часть социальной философии, обращенной в прошлое), так и историко-правовая наука оформилась как самостоятельная область человеческого знания. То есть подход к эволюционной трансформации науки должен быть диалектическим, а не метафизическим. В ином случае придется делать вывод, что история государства и права — это часть истории, а в более широком смысле — часть философии, а сами категории государства и права — это часть философии и социологии³⁵.

Проблема эмпирического материала историко-правовой науки

В историко-правовых исследованиях распространен подход, согласно которому эмпирический материал исследования должны составлять прежде всего (а зачастую — исключительно) нормативные акты. Данный подход закладыва-

³² Смоленский Н. И. Указ. соч. С. 216–264.

³³ См., например: Кивенко В. Д. Структура науки как отражение структуры материи. Ростов н/Д, 1961. С. 4.

³⁴ Теория и методология истории / под ред. А. И. Филюшкина. М., 2024. С. 68–69.

³⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 11–12.

ется еще в студенческие годы, когда на семинарских занятиях учащиеся анализируют «правовые памятники», которыми почему-то почти всегда являются нормативные правовые акты.

Естественно, что такой подход не является удачным. Уже при изучении римского права вдумчивому исследователю понятно, что, например, Уложение Юстиниана, — это не уложение в классическом понимании, а переплетение нормативно-правового, научного и учебного правового материала, хотя и получившего силу закона. Тем более нет смысла что-либо доказывать, говоря об институциях Гая, являвшихся учебником права. То есть уже в Древнем Риме была правовая система, базировавшаяся на совершенно иных ценностных основаниях, чем современная. В ней не было барьера между теорией и практикой, между законом и монографией, между правом и справедливостью, между абстрактным и казуистичным юридическим мышлением. Следовательно, изучение только нормативного материала даст искаженную картину правовой действительности Древнего Рима.

Кроме того, первым правовым источником во многих государствах являлся правовой обычай, который по своей природе не имеет формализации. Если исследователь не находит правового регулирования каких-либо отношений в нормативных актах, то это не значит, что такого регулирования не было — оно могло быть на уровне правового обычая. Несмотря на сложность в обнаружении и изучении обычного права, в настоящее время появляются соответствующие исследования³⁶.

Еще более сложная картина в англосаксонской правовой семье, где основным источником права является судебный прецедент, и в мусульманской правовой семье, где первостепенное значение играет религия, а право и мораль рассматриваются как ее придатки. Иной была и советская социалистическая правовая семья, которая (по крайней мере официально) во главу угла ставила моральные принципы³⁷, которым должно было следовать право — религия же вообще отрицалась как пережиток прошлого. Для советской правовой системы не было характерно существенное влияние

процесса (как в англосаксонской, римской и частично континентальных системах) — суд рассматривался как исключительное средство защиты; были распространены внесудебные и квазисудебные институты разрешения правовых конфликтов; активно действовали негосударственные (либо же, наоборот, огосударствленные) общественные структуры, которые, однако, занимались правотворчеством: КПСС, профсоюзы, Академия наук СССР³⁸ и т.д.; в целом право играло прикладную роль в регулировании социальных отношений.

Таким образом, нужно не только понять смысл того, что считалось правом в соответствующем государстве соответствующей эпохи, но и какое место в системе социального регулирования право занимало, ведь не везде и не всегда оно занимало лидирующее место.

В связи с этим изучение только нормативного правового материала не является методологически верным. Многие исследователи, сами того не осознавая, чувствуют это — неслучайно ценность научных трудов по истории права предопределяется использованием в первую очередь архивного материала, а он, как известно, почти всегда представляет собой неюридическую эмпирическую базу.

По этому поводу О. А. Красавчиков писал, что нельзя сводить предмет той или иной юридической науки исключительно к нормам права, поскольку познать нормы права из самих себя невозможно³⁹.

Есть еще одна важная сторона использования ненормативного (а иногда и неюридического) материала в качестве источника историко-правового исследования — именно он нередко дополняет и делает более ценным проведенный анализ. Например, факт размещения Законов Хаммурапи на базальтовом столбе (что с научной точки зрения относится не просто к истории, а к истории культуры) проливает свет на многие имеющие значение для правильного понимания правовой системы Вавилона вопросы: это был факт официального обнародования закона; это свидетельствует о высоком уровне грамотности населения, способного прочесть данный закон; это свидетельствует о юридиче-

³⁶ См., например: *Винокурова М. В.* Обычаи городов средневековой Англии. М. — СПб., 2021.

³⁷ См., например: *Основы коммунистической морали.* М., 1980.

³⁸ Например, имеющие нормативную силу «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Интересно, что в этом ряду Академия наук СССР была официально названа первой.

³⁹ *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 278.

ском просвещении народа — знание закона не являлось корпоративной привилегией избранных, как было, например, в Риме во времена понтификов. Казалось бы, не имеющая ничего общего с юриспруденцией история культуры напрямую служит цели историко-правовых исследований.

Кроме того, если для познания права изучение норм права может быть допустимым, то этого совершенно недостаточно при изучении государства в соответствующий период.

В этой связи использование не только юридического (нормативного, правоприменительного и др.), но и неюридического материала (культурного, статистического и др.) в юридических целях только обогащает историко-правовое исследование, делает его более доказательным, целостным и завершенным.

Структура науки истории государства и права

Данный вопрос требует отдельного развернутого исследования, но в самом общем виде представляется, что есть основания для выделения в науке истории государства и права общей части и особенной части.

Собственный многолетний преподавательский опыт показывает, что затруднения, которые возникают у студентов при изучении дисциплин историко-правового цикла (история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история римского права) возникают прежде всего из-за того, что данные дисциплины преподаются как совокупность разрозненных фактов и правовых явлений. Без общей логики, стержня, мировой эволюции государства и права историко-правовые дисциплины предстают бессистемными — как нагромождение мало связанной информации. В этом смысле выделение общей части в историко-правовой науке и историко-правовой дисциплине представляется оправданным. Общая часть выделяется и в некоторых других юридических науках, например в конституционном (государственном) праве⁴⁰. Своего рода

общая часть — теория истории — выделяется и в исторической науке⁴¹.

Общая часть знакомила бы студентов не только с основными методологическими вопросами, но и с основными чертами государства и права различных эпох и могла бы, например, включать следующие вопросы: учение о феодальном государстве, роль церкви в средневековой Европе, зарождение и развитие инквизиционного уголовного процесса.

Особенная часть могла бы строиться на разделении историко-правовых дисциплин: история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история римского права, история политических и правовых учений.

Нетрудно заметить, что, во-первых, поскольку история политических и правовых учений, а также история государства и права зарубежных стран имеют дело не с одним государством, а со всей цивилизацией, именно эти науки дают наибольший гносеологический результат в плане выявления общих закономерностей — выявить общие закономерности, изучая одно государство или одну правовую систему, невозможно; во-вторых, история римского права, хотя и рассматривается исторически как отдельная юридическая наука, предметно является составной частью истории государства и права зарубежных стран.

Исследование особенной части историко-правовой материи при выявлении закономерностей и общих черт давало бы новый материал для общей части историко-правовой науки. То есть особенная часть дает почву для общей части истории государства и права, а общие правовые конструкции, существующие вне эпох, должны становиться достоянием отраслевых юридических наук, а внеотраслевые категории — достоянием теории государства и права.

Содержание — историческое или юридическое — общей части также является ответом на вопрос о сущности науки истории государства и права. Очевидно, что общая часть должна включать в себя в сконцентрированном виде теоретически осмысленные юридические ас-

⁴⁰ Богданова Н. А. Система науки конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 295–301 ; Конституционное право. Общая часть / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой. М., 2022. Кн. 1 ; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1 : Общее государственное право.

⁴¹ См., например: Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2012 ; Теория и методология истории / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014.

Н. И. Смоленский пишет, что «теория истории — область общих представлений об истории в целом (общей историческая теория) либо о тех или иных процессах и явлениях... В любом случае теория истории —

пекты, а не общеисторические. Теория государства и права как наиболее общая теоретическая выжимка историко-правового опыта, будучи фундаментальной юридической наукой, не могла появиться на базе «исторической» науки, она могла сформироваться только на базе юридической науки, коей является история государства и права.

Еще одной важной проблемой является вопрос о том, представляет ли собой история государства и права простую сумму существующих отраслей права и институтов государства, анализируемых в прошлом.

Думается, что нет. На это обращали внимание историки права еще более полувека назад⁴².

Во-первых, система права с ее сложившейся отраслевизацией не является чем-то постоянным и исконным. Как известно, модель современной системы права сложилась на рубеже XIX–XX вв. Историку права приходится работать не только с периодами, когда не было современной картины права (существовало, например, каноническое право, манориальное право и т.д.), но и с эпохами, когда не было формальной определенности и фиксированности права (например, главным источником был правовой обычай), либо вообще с периодами, когда право только начинало складываться. Следовательно, простая сумма отраслей права не даст представления о предмете истории права — он намного шире.

Во-вторых, как уже отмечалось, в отличие от догматического метода, активно используемого в отраслевых юридических науках, история государства и права имеет дело с государством и правом в целом, а не с его отдельной частью. Именно это позволяет получить более полное представление о соответствующей эпохе, увидеть закономерности развития, взаимосвязь и взаимозависимость компонентов государства и права. Простая сумма отраслей права и институтов государства не позволит получить общей картины.

Вопрос о единстве предмета историко-правовой науки

Различные историко-правовые науки как составные элементы особенной части ставят вопрос

о единстве предмета истории государства и права.

Нетрудно заметить, что юридические науки историко-правового цикла неодинаково рассматривают различные правовые явления — различен масштаб изучения: история римского права изучает правовую систему одного государства, история государства и права России — также одного, но право рассматривается в совокупности с государством, история политических и правовых учений рассматривает развитие соответствующей мысли во всем мире на протяжении всего периода существования современной цивилизации, история государства и права зарубежных стран в аналогичном мировом масштабе рассматривает уже практику реализации подобной мысли.

Следовательно, будет неодинаков предмет каждой историко-правовой науки («подпредмет» науки истории государства и права): предмет истории римского права предполагает изучение эволюции правовой системы конкретного государства с целью познания и выявления закономерностей; предмет истории государства и права России — это изучение эволюции государства и правовой системы нашей страны с целью познания и выявления закономерностей; предметом истории политических и правовых учений, а также истории государства и права зарубежных стран является познание и выявление закономерностей в развитии мировой юридической и политической мысли, практике государственного и правового строительства соответственно.

Соотношение истории государства и права и теории государства и права

Данная проблема имеет давние корни. Методологическая необходимость рассмотрения соотношения двух данных юридических наук предопределяется их значительным сходством в предметном плане: как уже указывалось, предмет историко-правовой науки часто определяется как установление закономерностей развития государства и права; предметом теории государства и права является установление закономерностей развития государства и

это высший, самый развитый уровень исторического познания, а не уровень конкретно-исторических представлений о событиях» (Смоленский Н. И. Указ. соч. С. 3).

⁴² Курицын В. М., Ронин С. Л. Указ. соч. С. 52 ; Тутов Ю. П., Чистяков О. И. Указ. соч. С. 31.

права⁴³. Неслучайно на совпадение предметной области обращал внимание, как указывалось выше, еще П. Н. Галанза. Представляется, что в таком пересечении или даже совпадении ничего удивительного нет; с нашей точки зрения, история государства и права и теория государства и права — это две стороны одной медали. Как отмечалось, теория государства и права — это именно *теория* государства и права, а история государства и права — это *практика* государства и права. История государства и права изучает реальность государственного и правового развития, устанавливает логические связи, выявляет закономерности, дает основу для развития отраслевых юридических наук; на метатеоретическом уровне самые общие закономерности и типы становятся достоянием теории государства и права.

Структура предмета историко-правовой науки

Предмет юридической науки имеет определенную структуру.

Рассматривая структуру предмета гражданской науки, О. А. Красавчиков выделял в ней фактическую и юридическую стороны. К фактической стороне ученый относил имущественные и личные неимущественные отношения, регулируемые гражданским правом; к юридической стороне — нормы и институты гражданского права, источники, юридическую технику, опыт применения гражданского права, гражданские правоотношения и юридические факты⁴⁴.

Представляется, что аналогичные элементы структуры, хотя и с определенными особенностями, можно выделить в предмете историко-правовой науки.

Элементы предмета науки истории государства и права можно разделить на основные и вспомогательные. Основные элементы — государство и право. К вспомогательным можно отнести экономические, культурные, религиозные, национальные и иные аспекты, свидетельствующие о предпосылках появления и отраже-

нии в обществе соответствующего правового регулирования.

Деление предмета рассматриваемой науки на вспомогательные и основные элементы обусловливается следующим. Во-первых, догматическое изучение государства и права в отрыве от предпосылок их зарождения, трансформации и прекращения не даст объективного и всестороннего результата. В этом состоит еще одно различие в исследовании ушедших в прошлое государственных и правовых институтов между историками права и учеными-отраслевиками — последние изучают соответствующие институты, как правило, в статике, сами по себе, для сравнительного анализа с современным состоянием, историки права обязательно учитывают предпосылки, рассматривают государство и право как часть эпохи, не вырывая их из исторического контекста. Кроме того, если даже гипотетически проанализировать право «само в себе» возможно, то исследовать государство — нет, поскольку оно органически сочетается со многими, прежде всего политическими, отношениями. Например, образование США как государства можно понять только через призму изучения экономических, политических и иных процессов. Во-вторых, предпосылки хотя и являются необходимым элементом предмета исследования, но не могут быть исключительным элементом исследования, без исследования государства и права — в противном случае историко-правовое исследование не станет юридическим. Именно поэтому, на наш взгляд, не могут считаться историко-правовыми итоговые выводы исследования о развитии в целом экономики, политики религиозных отношений и т.д. Данные отношения должны служить историко-правовому исследованию, а не наоборот. Поэтому предпосылки являются необходимым, но все-таки вспомогательным элементом предмета науки истории государства и права.

К основным элементам предмета относится прежде всего само государство и право, которое имеет не только реальный (то есть объективно существовавший или существующий), но и идеальный уровень. И в данном случае перед исследователем появляется масса про-

⁴³ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 8 ; Денисов А. И. Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права. Критика буржуазных теорий. М., 1954. С. 3 ; Кононов А. П., Ильина Л. Н., Донская Н. А. Предмет, метод и место общей теории права и государства в системе общественных неюридических и юридических наук. М., 2005. С. 14 ; Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2002. Т. 1. С. 8–14.

⁴⁴ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 300.

блем (которые вновь невозможно решить без учета вспомогательных элементов), например о понимании государства и права в соответствующий исторический период; о содержании других юридических понятий, созданных в прошлом: «сейзина», «император», «конфедерация» и т.д. Эти понятия имели иной смысл, чем в современном праве, либо в современном юридическом лексиконе вообще отсутствуют. И в данном случае ученый исследует не только реальные государственные и юридические отношения, но и теоретические конструкции, созданные юристами прошлого. То есть ученый изучает в том числе то, что создали ученые ранее. Это составляет «идеальный» уровень предмета, который может распространяться и на основные, и на вспомогательные его элементы. Представляется, что именно идеальный уровень стал основой для формирования отраслей права, а также теории государства и права.

Иногда в литературе отмечается, что предмет науки не только объективен, но и субъективен, поскольку его изучает человек⁴⁵. Однако представляется, что данное утверждение не соответствует действительности: как указывалось ранее, предмет является частью объекта, он не субъективен. Субъективным является процесс исследования и его результат (содержание, интерпретация), а не сам предмет. Существует субъективное влияние на созданный когда-то эмпирический материал: нормативный акт, судебное решение, правовой обычай и т.д. Но предмет предстает перед исследователями как реальный и объективный, то есть субъективный фактор трансформируется в будущем в объективный. Признание субъективного компонента в предмете приводит к необходимости признания субъективного компонента и в самом объекте, что является абсурдным.

Таблица 1

Предмет науки истории государства и права

Элементы предмета	Уровни предмета	
	реальный уровень — объективно существовавшие явления	идеальный уровень — теоретические конструкции
вспомогательные	экономические, культурные, религиозные, национальные и иные отношения	
основные	государство и право	

Основные элементы предмета предполагают не только изучение государства и права, но и оценку опыта их функционирования, поскольку, если ученые-отраслевники изучают действующее государство и право с целью регулирования существующих отношений, то есть обращают внимание на то, *как нужно* урегулировать, то историки права имеют дело с прошлым, то есть с тем, *как было* урегулировано. По этой причине история государства и права без оценки исторического опыта невозможна — именно на исторической оценке должно заканчиваться историко-правовое исследование.

Структура предмета науки истории государства и права предопределяет предметы соответствующих историко-правовых наук («подпредметы» науки истории государства и права), а последние — предмет соответствующих историко-правовых исследований.

Однако необходимо иметь в виду, что предмет науки не равнозначен результатам, которые получает наука в процессе проводимых исследований, поскольку предмет — это только область потенциальных исследований, но при проведении исследований появляется субъективный фактор — это сам исследователь, который обладает определенной научной идеологией.

Догматические границы предмета науки истории государства и права: государство и право — вместе или врозь?

В историко-правовой и теоретико-правовой науке нередко поднимается вопрос о зарождении и существовании права без государства⁴⁶, чем ставится под сомнение традиционный подход

⁴⁵ Акишин М. О. Указ. соч. С. 1057.

⁴⁶ См., например: Крашенинникова Н. А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2007. № 6. С. 3–27; Муромцев Г. И. Монономия как ста-

о неотделимости права от государства⁴⁷. Либо же к проблеме подходят с другой стороны: с целью подчеркнуть юридическую значимость указанных наук обращается внимание на прева-лирование права над государством, что нередко отражается в названии учебных курсов — теория права и государства, история права и государства, история учений о праве и государстве.

Данная дискуссия похожа на дискуссию о наименовании одной из историко-правовых дисциплин: «история отечественного государства и права» либо «история государства и права России». Ближайшее рассмотрение данной «проблемы» показывает ее отсутствие: «отечество» — имя нарицательное, «Россия» — имя собственное. Наполнение каждого понятия всегда условно: употребление имени «Россия» не означает употребление одноименного государства в современных географических границах. На наш взгляд, ничего принципиально не меняется при перестановке в названии науки или учебной дисциплины понятий «право» и «государство», вопрос шире: объективно ли необходимо государство для появления права? Не стоит ли свести изучение юридической истории сугубо к изучению права, как это делалось в России в дореволюционный период? И второй вопрос: не расширится ли безгранично анализируемая наука, если она будет изучать не только право, но и государство?

На эти вопросы нет однозначного ответа, неслучайно даже С. В. Юшков и С. Ф. Кечекьян возражали против расширения историко-правовой науки до истории государства и права⁴⁸. Именно «государство» в большей степени, чем «право», соприкасается с неюридическими науками (историей, политологией, социальной

психологией, социологией, экономической теорией и др.) и создает ореол неюридического характера истории государства и права.

С другой стороны, все попытки доказать возникновение права до государства разбиваются о неудобный вопрос о характере догосударственных социальных норм — их принципиальном отличии от моральных и религиозных регуляторов.

Кроме того, сведение истории государства и права до истории права создает диссонанс: изучается теория государства и права, а с ретроспективной точки зрения изучается только право, но не государство.

В этой связи представляется, что право и государство — это неотделимые явления, и данный традиционный подход заслуживает внимания и сохранения.

Хронологические границы предмета истории государства и права. Соотношение историко-правовой науки и отраслевых юридических наук

Важный аспект хронологических (темпоральных) рамок — начальные и конечные границы. В историко-правовой среде доминирует точка зрения, согласно которой границы истории государства и права проявляются там, где появляются действующие юридические акты⁴⁹. Это обосновывается, на первый взгляд, вполне логично: история государства и права не должна вторгаться в сферу отраслевых юридических дисциплин⁵⁰. Однако данный подход встречает не менее логичные возражения:

1. Историко-правовая наука уже включает не только ушедшую в прошлое, но и юридически

для становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 93–96 ; *Он же*. Правогенез: проблемы методологии // Вестник РУДН. Серия «Юрид. науки». Т. 25. № 2. С. 359–375.

⁴⁷ Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2002. Т. 1. С. 14.

⁴⁸ Кечекьян С. Ф., Юшков С. В. О переименовании историко-правовых дисциплин // Вестник Высшей школы. 1946. № 3. С. 48–49.

⁴⁹ Иногда встречается такое утверждение: «Достоянием предмета историко-правовых наук является лишь то, что осталось в прошлом» (Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перелова. М., 1998. С. 23). См. также: Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. М., 2001. Т. 1. С. 11 ; Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2009. С. 39–40.

Из этого исходили и исходят многие историки права, см., например: Ящук Т. Ф. Определение предмета истории государства и права в юридической науке второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 84.

⁵⁰ Предисловие проф. О. И. Чистякова (Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 2009. С. 9).

действующую правовую материю: Конституцию США 1787 г., Кодекс Наполеона 1804 г., германское Гражданское уложение 1896 г., римское право, англо-американское прецедентное право и т.д. Перечисленный и подобный правовой материал изучается студентами в рамках курса истории государства и права зарубежных стран, и аксиоматически позиционируется, что он является историко-правовым.

2. Известно, что юристы-отраслевники, начиная изложение учебного материала или проводя научные исследования, как правило, начинают с изучения историко-правового аспекта. В этой связи почему они считают (и логично) этот подход приемлемым, а историки права полагают неприемлемым использовать юридически действующий правовой материал? Более того, как известно, практически во всех юридических вузах римское право — классическую историко-правовую дисциплину — преподают специалисты по гражданскому праву.

3. Как квалифицировать с позиции юридической научной отраслевой принадлежности такое явление, как «ультраактивное действие закона (переживание закона)» — применение утратившего силу закона к отношениям, возникшим в период его действия? Это сфера истории государства и права либо соответствующей отраслевой юридической науки?

4. Как поступить в ситуации, когда хронологически после имеющего юридическую силу юридического акта был принят ныне не действующий акт? Его изучать, а предшествующий акт — нет?

5. Как быть в ситуации, когда юридически акт имеет силу, но исторически поменялось толкование его некоторых статей, как, например, произошло с пресловутой статьей 39 Великой хартии вольностей 1215 г.?

6. Наконец, как быть, если учесть, что правовой материал является не только нормативным? При анализе, например, судебной

практики соответствующего периода также необходимо «отделять зерна от плевел» по принципу юридического действия правового материала? И возможно ли это?

В конечном счете решение вопроса о хронологических (темпоральных) границах истории государства и права выводит к другой методологической проблеме — о соотношении истории государства и права и отраслевых юридических наук.

В настоящее время, как указывалось, данная проблема решается разграничением историко-правового и отраслевого научного поля критерием юридического действия правового источника. Это означает, что под историей в истории государства и права понимается исключительно юридический «архив», застывшее прошлое, изучение которого является данью традиции, ради познавательных целей. Однако думается, что историю государства и права нужно понимать не как архив, а как *эволюцию, развитие* государства и права⁵¹. Именно в этом смысле понимают историю гражданские историки, доводящие исследование до наших дней и не оставляющие временного буфера перед настоящим днем⁵². Именно в этом смысле изучалась история права в Средние века учеными-юристами и практиками⁵³; именно для этих целей появилась история права как юридическая дисциплина в университетах — она была необходима для изучения эволюции права с целью его познания, с целью понимания его сущности и правоприменения.

Показателен в этом смысле опыт нашего государства, где появление отраслей права как юридических наук стало возможно после систематизации законодательства под руководством М. М. Сперанского: сначала было создано по хронологическому принципу Полное собрание законов Российской империи (историко-правовой принцип) и лишь на его основе разработан по отраслевому принципу Свод законов Рос-

⁵¹ Неслучайно в словаре С. И. Ожегова история понимается в первую очередь как «действительность в ее развитии, движении», как «наука о развитии общества и природы», как «ход развития, движения чего-н.» и только затем — как «прошлое, сохраняющееся в памяти человечества», то есть история — это движение, развитие, а уже затем — архив. Аналогично понимается известным филологом историзм — «рассмотрение предметов и явлений в их историческом развитии» (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2008. С. 180–181).

⁵² См., например: История России : учебник для вузов / под ред. Ю. А. Петрова. М., 2024 ; Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России : учебник. М., 2022.

⁵³ Игнатович В. Болонский университет в Средние века. СПб., 1846. С. 39, 65–66 ; Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 2012. С. 15–19. См. также: История Средних веков / под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. М., 1952. Т. 1. С. 509, 515.

сийской империи (догматический принцип)⁵⁴. Такую же роль сыграла разработка судебной реформы 1864 г.⁵⁵ Иными словами, отраслевизация права (и как отрасли законодательства, и как юридической науки) стала возможна после историко-правового анализа⁵⁶; говоря еще проще, отрасли права — это выкристаллизованный, теоретически осмысленный историко-правовой материал⁵⁷, то есть теория — это осмысленная практика.

Именно поэтому основанные на опыте, а не на теории первые мировые юридические памятники содержали не теоретическое, а сугубо практическое словоупотребление (человек, вещь, удар и т.д.), которое затем, по мере развития юриспруденции, стало облекаться в соответствующие понятия (физическое лицо, право собственности, побои и т.д.).

Если в теократических государствах источником юриспруденции является бог, религия, верования, то в светских государствах — практика, опыт, который может быть как отраженным в правовых актах и юридическом быту (история государства и права), так и не отра-

женным, остающимся на уровне идей (история политических и правовых учений). То есть первичным звеном историко-правовой науки является *опыт*, в основе которого лежит *идея*. Неслучайно, как уже говорилось ранее, функцией науки является «выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»⁵⁸.

Аналогичным был опыт европейских государств: отраслевизация и структурное обособление права стало возможным на базе детального исследования Уложения Юстиниана. И наоборот: англосаксонская правовая семья, не имевшая такого влияния римского права, как в континентальной Европе, не восприняла четкой отраслевизации права, в основе этой системы до сих пор лежит не теория и логика, а опыт⁵⁹.

Отраслевизация права стала возможной также после появления круга юридически образованных лиц, в чем немаловажную роль сыграли университеты⁶⁰. Огромное значение имели также экономическое развитие государств и постепенная смена феодализма капитализмом,

⁵⁴ Ряд авторов первой половины XIX в. отмечали, что русская юридическая наука по-настоящему начинается только после издания Свода законов Российской империи. См.: *Березкин С. Ф.* Сперанский как кодификатор: речь, читанная С. Ф. Березкиным в заседании Одесского юридического общества 11 февраля 1889 г. Одесса, 1889. С. 10; *Гордеенко Г.* О законодательном достоинстве Свода законов Российской империи. Х., 1885. С. 28.

⁵⁵ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. СПб., 1902. Т. 1. С. 59; *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 97.

Роль кодификационных работ, предшествовавших изданию Свода законов 1832 г., в догматизации русского уголовного права признавал Г. С. Фельдштейн (*Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права России. М., 2003. С. 427–428).

⁵⁶ Как указывал Коркунов, современные ему юристы не просто привыкли к Своду Законов, а воспитывались на нем (*Коркунов Н. М.* Значение свода законов // Сборник статей Н. М. Коркунова. 1877–1897. СПб., 1898. С. 77). Г. Ф. Шершеневич указывал, что «составление Свода законов и Полного собрания законов встряхнуло пыль с исторических памятников и возбудило к исследованию прошлого государственного быта России, — и далее, — ... исторические памятники как общие, так и собственно правовые, подверглись подробному исследованию с точки зрения их значения для истории гражданского права» (*Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. М., 2003. С. 50, 56). Р. С. Тараборин считает Свод законов 1832 г. «основанием отраслевой системы гражданского права Российской империи» (*Тараборин Р. С.* Формирование системы гражданского права Российской империи в эпоху модернизации общества (XVIII — первая треть XIX в.). М., 2022. С. 59). См. также: *Лядащева-Ильичева М. Н.* Гражданское законодательство в России в 1969 — октябре 1917 г. М., 2016. С. 20–24; *Тесля А. А.* Источники гражданского права Российской империи XIX — начала XX века. Хабаровск, 2005. С. 56–57.

⁵⁷ Неслучайно даже многие названия отраслей права — гражданское, цивилистика, уголовное, коммерческое, полицейское — имеют исторические корни, свидетельствующие о формировании отрасли на базе историко-правового материала.

⁵⁸ *Новиков А. М., Новиков Д. А.* Указ. соч. С. 48.

См. также, например: *Основы науковедения.* М., 1985. С. 3; *Рачков П. А.* Указ. соч. С. 24.

⁵⁹ *Цвайгерт К., Кёйтц Х.* Сравнительное частное право. М., 2019. С. 186.

⁶⁰ *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. СПб., 1902. Т. 1. С. 56.

в рамках которого значение права повышается, а его структура значительно усложняется.

Появление теоретического материала, отраслевизация права не означают прекращения существования истории государства и права, не означают, что она выполнила свою миссию, сформировав правовую систему конкретного государства. Если рассматривать историю государства и права как эволюцию, как развитие, как постоянное движение правовых систем и государств, то нетрудно заметить, что изменение права и государства, накопление нового опыта их развития приводит к постоянной трансформации и видоизменению системы права, к появлению новых отраслей, эволюции существующих либо их отмиранию. В этом смысле историко-правовая материя продолжает сохраняться в качестве эмпирической основы данной трансформации.

Интересна судьба римского права. В римском государстве оно было практико-ориентированным, руководством к действию⁶¹; в Средние века и Новое время — теоретическим, шло накопление и систематика теоретического правового материала (глоссаторы, постглоссаторы), в итоге оно представляло собой первую общую теорию гражданского права; в последние два века после возникновения национальных правовых доктрин гражданского права, когда человечество «переросло» римское право, по-

следнее сохранило значение лишь как определенный этап в истории правовых учений.

Кроме того, мировой опыт развития государства и права до конца не изучен — подобно океанологии, которая изучает многое, но не всё в мировом океане (он сохраняет интерес как объект исследований), теоретические правовые науки не компенсируют весь имеющийся у человечества опыт конструирования и трансформации государства и права.

Постоянное изучение практики государства и права создает теоретическую правовую базу, однако данная база не есть только актуальная и востребованная практикой правовая теория — имеющаяся юридическая теория гораздо шире, чем то, что может быть востребовано в конкретную эпоху. Однако невостребованная часть не означает отсутствие ценности в ней. Так, созданное до Октябрьской революции в России «рыночное» гражданское право стало невостребованным в советские времена, однако оказалось востребованным в постсоветский период; так и наоборот — созданная в СССР теория социалистического гражданского права полностью или в части может оказаться актуальной позже. То есть теория не есть статичное отражение практики, она представляет собой большой общечеловеческий запас знаний, из которого по мере необходимости извлекается нужное.

Т а б л и ц а 2

Зарождение правовой теории

Отсутствие теоретического осмысления	ТГП ↔ ИППУ
	правовая теория, «отраслевизация» права (отечественная и зарубежная) ↓ актуальная отраслевая теория ↔ неактуальная отраслевая теория
накопление правового материала (история (эволюция) государства и права)	

Приведенное не означает, что история государства и права является единственной, главной областью правового знания, это не увеличивает ее значимость и не уменьшает значимость других областей права. Вопрос в другом — в отсутствии противопоставления

истории государства и права отраслям права. Отрасли права — это часть структуры («это всего лишь систематика положений позитивного права»⁶²). То есть история государства и права не конкурирует с отраслями права, как целое не конкурирует с частью. Разграничение истории

⁶¹ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 187.

⁶² Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 13.

государства и права и отраслей уместно лишь в учебных целях, но не в научных.

Представляется, что критерием отделения историко-правового исследования от отраслевого является не юридическое действие правового материала, а цель исследования: если цель — увидеть становление современных государственных и правовых институтов, то это сфера отраслевых юридических наук; если цель — увидеть эволюцию как таковую, изучить опыт, то это сфера истории государства и права. То есть в первом случае историко-правовой материал используется как инструментальный, во втором — как цель⁶³. Отрасли права задаются вопросом «что?», а история государства и права — вопросами «как?», «почему?». Отраслевая юридическая наука прагматична и конкретна, очерчена четкими рамками отрасли; историко-правовая наука — полиотраслевая сфера, где не только право, но и государство рассматривается как единое целое, а не механическое сложение институтов, где объединяющим звеном является тот или иной исторический фактор, оказавший влияние на развитие государства и права.

Различие между историко-правовой и отраслевой наукой можно продемонстрировать на примере известного различия между «историей римского права» и «догмой (системой) римского права» — один и тот же правовой материал исследуется по-разному и с различными целями: историко-правовой либо догматической, отраслевой. Отраслевой подход рассматривает правовое явление в статике, историко-правовой в динамике, с учетом принципа историзма⁶⁴.

При этом один и тот же правовой материал может рассматриваться и с историко-правовых, и с теоретико-правовых, и с отраслевых позиций. Например, такая непонятная для европейского юриста англосаксонская правовая семья

может быть понята и изучена только в контексте переплетения историко-правовых и иных юридических материй одновременно. Аналогичная ситуация с мусульманской правовой семьей.

Специалисты по истории английского права справедливо отмечают, что история права подвержена изменению и развитию — постепенно открываются новые факты и интерпретации, ранее неизвестные⁶⁵. Более того, в англосаксонской правовой семье существующее право как бы вырастает из истории права — там нет четкой, непроходимой границы между прошлым и настоящим в юридической сфере. Поэтому, разъясняя сущность и особенность, например, английской правовой системы, английские юристы прежде всего обращают внимание на ее исторические истоки (the historical sources of English law, historical background)⁶⁶. Английский историк права Уильям Холдсворт справедливо отмечал, что познать английское право при изучении отдельных актов как таковых, без исторического контекста, невозможно («A true knowledge of legal principles cannot be gained from the sections of statutes, or the short statements of digests, unless such information is supplemented by some study of the history of the law so summarized. Neither complete understanding, nor accurate statement of existing law is possible, without some knowledge of the basis upon which that law rests»)⁶⁷. Это касается правовой системы в целом и правоприменительной практики в частности. Применяя судебный прецедент при рассмотрении дела, судья выводит из прошлого настоящее. В этом смысле прошлое даже не является прошлым — оно настоящее, но есть настоящее, *актуальное* для данного дела, а есть неактуальное.

Интересно, что не только право, но и государство в англосаксонских государствах

⁶³ Акишин М. О. Указ. соч. С. 1059 ; Кузнецова О. А. Историко-правовой метод в отраслевых юридических исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. № 5. С. 115–116. Также см., например, работу С. Н. Братуся, который раскрывает предмет гражданского права через имущественные и личные неимущественные отношения, то есть через отношения существующие, а не ушедшие в прошлое (Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 5–6). Аналогично — С. С. Алексеев (Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. С. 237–252).

⁶⁴ Принцип историзма традиционно понимается как рассмотрение всякого явления в развитии: зарождении, становлении и отмирании, с учетом установления причинно-следственных связей событий и явлений (Теория и методология истории... С. 388).

⁶⁵ An introduction to English legal history. By J. N. Baker. London, 1979. P. 5.

⁶⁶ Walker R. G. The English legal system. London, Dublin, Edinburgh, 1994. P. 3–16 ; Elliott C., Quinn F. English Legal System. 2009. P. 12. См. также, например: Brunner H. The sources of English law. Boston, 1908.

⁶⁷ Holdsworth W. A history of English law. London, 1903. P. XIX.

вырастает из прошлого. Модель высшей государственной власти в Великобритании основывается на неcodифицированной конституции этого государства, включающей не только статутное право (один из древних актов конституции Британии — Великая хартия вольностей 1215 г.), common law, но и конституционные соглашения. В США структура высших органов государственной власти определена еще в конце XVIII в. — Конституцией 1787 г.

То есть в англосаксонской правовой семье история права является не историей правовой мысли, зафиксированной в правовых актах прошлого, а фундаментом, источником (в самом широком смысле этого слова) действующей правовой системы.

Интересна и еще одна сторона соотношения истории государства и права и отраслевых юридических наук. Проведенное когда-то отраслевое исследование по прошествии времени как бы попадает в сферу интересов истории государства и права: содержащийся в работе анализ правовых источников станет историко-правовым материалом, содержащийся доктринальный анализ соответствующих правовых институтов — сферой истории правовых учений.

Иногда приводятся иные доводы в пользу того, что историки права не должны вторгаться в современную им эпоху — это вызовет необъективность и предвзятость исследования, а также сделает его неполноценным, поскольку многие источники остаются недоступными⁶⁸.

Однако данные доводы встречают соответствующие возражения: как быть, если исследователь проводит анализ не субъективно, а объективно, если, например, он изучает процесс разработки кодекса, принятого несколько лет назад, что представляет для исследователя сугубо познавательный интерес и никак не связано с какими-либо его идеологическими установками? Как быть, если, наоборот, он исследует события давно минувших лет, но субъективизма в их оценке не меньше, чем в актуальное время — достаточно вспомнить противоречивые оценки правления и реформ Ивана Грозного, Петра Великого, И. В. Сталина и т.д.? Если даже при исследовании далекого прошлого соответствующие источники также до конца не открыты, утеряны или уничтожены —

это тоже будет основанием для игнорирования изучения соответствующих эпох?

Некоторые методологи рассуждают еще более радикально, утверждая, что, например, историческая наука (по их определению «универсальная», наряду с математикой, логикой и философией), «обязана изучать три времени бытия явлений: прошлое (ретроспекция), настоящее (презент), будущее (прогнозы)»⁶⁹. Безусловно, рациональное зерно в этих рассуждениях есть.

По этой причине представляется, что нет серьезных оснований для исследования любых периодов в истории государства и права — темпоральные границы могут, как указывалось выше, определяться только целью исследования — отраслевой (историко-правовой анализ как подспорье в познании действующего права) или историко-правовой (историко-правовой анализ — самоцель исследования).

Пространственные границы предмета истории государства и права: история международного права — сфера истории государства и права либо сфера международное права?

Данный вопрос не часто возникает в науке, и, казалось бы, уже сложился на протяжении десятилетий порядок — история государства и права не рассматривает историю международного права. Это подтверждается и на официальном уровне⁷⁰. Но это практическая сторона вопроса, серьезных обоснований того или иного подхода в науке нет.

Представляется, это вызвано пресловутым делением истории государства и права на «историю отечественного государства и права» («историю государства и права России») и «историю государства и права зарубежных стран», в результате чего каждая из дисциплин, сконцентрировавшись на изучении соответствующих национальных правовых систем, не видит необходимости в изучении истории международного права.

Также влияние международного права на национальное право до первой половины XX в. незаметно. Далее — заметно, но незначительно, в связи с чем им, как в точных науках незначительными величинами, «пренебрегают».

⁶⁸ Акишин М. О. Указ. соч. С. 1061–1062.

⁶⁹ Зеленов Л. А., Владимиров А. А. Науковедение: проблемы пограничных наук. Н. Новгород, 2022. С. 7.

⁷⁰ Паспорт научной специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» и паспорт научной специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» (СПС «КонсультантПлюс»).

Международное право ставит своей целью изучение действующего международного правопорядка. Получается парадоксальная ситуация: историки права считают историю международного права «уже не их» сферой, а юристы-международники — «тем более не их» сферой. В итоге рассматриваемая область выпадает из поля зрения исследователей.

Это невнимание к истории международного права необоснованно — оно представляет интерес и для историков права, и для специалистов по международному праву. Для последних эта сфера особенно важна, поскольку, подобно англосаксонской модели организации права, в сфере международного права часто правовые нормы уходят корнями в прошлое: правовые международные обычаи, заключенные десятилетия назад многосторонние договоры (в том числе Устав ООН), длительное время существующие международные организации и т.д. В международном праве история права и действующие нормы неразрывно связаны.

Но, подобно разграничению истории права и отраслей права, исследование истории международного права с целью познания и применения действующих правовых норм — это сфера международного права; изучение становления и развития международного права как таково-

го, а также его влияния на национальные правовые системы — сфера истории государства и права.

В целом, поскольку при изучении истории международного права используется историко-правовая методология, можно сделать вывод о принадлежности истории международного права к предмету истории государства и права.

Заключение

Таким образом, предмет науки истории государства и права составляет государство и право в целом в конкретно-историческом развитии с целью выявления соответствующих закономерностей. Предмет предопределяется юридической (неисторической) сущностью историко-правовой науки. Структурно предмет включает основные и вспомогательные элементы, которые имеют реальный и идеальный уровень. Предмет истории государства и права неограничен хронологически и содержательно (в сравнении с отраслями права и международным правом), его отличием от предмета других юридических наук является цель: изучение опыта мирового развития государства и права (цель других фундаментальных юридических наук — развитие юридической теории).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2012.
- Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
- Акишин М. О. Объект и предмет историко-правовой науки // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.). Т. 1. Екатеринбург, 2019.
- Алексеев С. С. Частное право : избранное. М., 2024.
- Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.
- Гальперин Г. Б., Королев А. И. История советского государства и права как наука, ее предмет и задачи // Советское государство и право. 1962. № 10.
- Денисов А. И. Предмет и метод теории государства и права. Происхождение государства и права. Критика буржуазных теорий. М., 1954.
- Жуланов А. Л. К вопросу о соотношении понятий объекта и предмета науки в классическом и неклассическом естествознании // Вестник ПГГПУ. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3.
- Зеленов Л. А., Владимиров А. А. Науковедение: проблемы пограничных наук. Н. Новгород, 2022.
- Кечежян С. Ф., Юшков С. В. О переименовании историко-правовых дисциплин // Вестник Высшей школы. 1946. № 3.
- Кононов А. П., Ильина Л. Н., Донская Н. А. Предмет, метод и место общей теории права и государства в системе общественных неюридических и юридических наук. М., 2005.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т. 1. М., 2005.
- Крашенинникова Н. А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2007. № 6.

- Курицын В. М., Ронин С. Л. О предмете и системе курса истории советского государства и права // Советское государство и право. 1961. № 12.
- Лукашевич Д. А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985–1991 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.
- Муромцев Г. И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3.
- Муромцев Г. И. Правогенез: проблемы методологии // Вестник РУДН. Серия «Юрид. науки». 2021. Т. 25. № 2.
- Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007.
- О совещании авторского актива историков государства и права при редакции журнала «советское государство и право» // Советское государство и право. 1956. № 1.
- Основы науковедения. М., 1985.
- Попондопуло В. Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 5.
- Рачков П. А. Науковедение : Проблемы, структура, элементы. М. : Изд-во Моск. университета, 1974. 240 с.
- Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2012.
- Софроненко К. А., Мартысевич И. Д., Чистяков О. И. К вопросу о предмете истории государства и права СССР // Вестник Московского университета. Серия «Экономика, философия и право». 1958. № 3.
- Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
- Теория и методология истории / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014.
- Теория и методология истории / под ред. А. И. Филюшкина. М., 2024.
- Цвайгерт К., Кёйтц Х. Сравнительное частное право. М., 2019.
- Чупин П. П. Новое знание как проблема методологии науки // Структура науки и механизм возникновения нового знания. Обнинск — М., 1977.
- Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М., 2003.
- Яцук Т. Ф. Определение предмета истории государства и права в юридической науке второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11.
- Яцук Т. Ф. Эволюция предмета науки истории государства и права России в XVIII–XX вв. // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы международной научной конференции. Омск, 2021.
- Baker J. N. An introduction to English legal history. London, 1979.
- Elliott C., Quinn F. English Legal System. 2009.
- Holdsworth W. A history of English law. London, 1903.
- Walker R. G. The English legal system. London ; Dublin ; Edinburgh, 1994.

REFERENCES

- About the meeting of the copyright group of historians of state and law at the editorial office of the journal «Soviet State and Law». *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1956;1. (In Russ.).
- Agarkov MM. Selected works on civil law. Vol. 1. Moscow; 2012. (In Russ.).
- Akishin MO. Object and subject of historical and legal science. One hundred years' anniversary to the Ural State Law University (1918–2018). Vol. 1. Ekaterinburg; 2019. (In Russ.).
- Alekseev SS. Private law: Selected works. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Alekseev VV, Kradin NN, Korotaev AV, Grinin LE, editors Theory and methodology of history. Volgograd; 2014.
- Azmi DM. Historical, theoretical and methodological analysis of the structure of law. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2011. (In Russ.).
- Baker JN. An introduction to English legal history. London; 1979.
- Bratus SN. The subject and the system of Soviet civil law. Moscow; 1963. (In Russ.).
- Chupin PP. New knowledge as a problem of methodology of science. The structure of science and the mechanism of the emergence of new knowledge. Obninsk — Moscow; 1977. (In Russ.).
- Denisov AI. The subject and method of the theory of state and law. The origin of the state and law. Criticism of bourgeois theories. Moscow; 1954. (In Russ.).
- Elliott C, Quinn F. English Legal System. 2009.
- Filyushkina AI, editor. Theory and methodology of history. Moscow; 2024. (In Russ.).
- Fundamentals of science. Moscow; 1985. (In Russ.).

- Galperin GB, Korolev AI. The history of the Soviet State and law as a science, its subject and objectives. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1962;10. (In Russ.).
- Holdsworth W. A history of English law. London; 1903.
- Kechekyan SF, Yushkov SV. On the renaming of historical and legal disciplines. *Vestnik Vysshey shkoly*. 1946;3. (In Russ.).
- Kononov AP, Ilyina LN, Donskaya NA. The subject, method and place of the general theory of law and the state in the system of social non-legal and legal sciences. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Krasavchikov OA. Categories of the science of civil law. Selected Works. Vol. 1. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Krashenninnikova NA. On the methodology of studying the history of law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo*. 2007;6. (In Russ.).
- Kuritsyn VM, Ronin SL. The subject and the system of the course of the history of the Soviet state and law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1961;12. (In Russ.).
- Lukashevich DA. Legal regulation of the process of forming a market economy in the USSR in 1985–1991. Dr. Diss. (Law). Moscow; 2022. (In Russ.).
- Muromtsev GI. Pravogenesis: Problems of methodology. *Vestnik RUDN. Seriya «Yurid. nauki» [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2021;25(2). (In Russ.).
- Muromtsev GI. The mononorm as a stage of law formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2017;3. (In Russ.).
- Novikov AM, Novikov DA. Methodology. Moscow; 2007. (In Russ.).
- Popondopulo VF. The object and subject of legal science. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 2016;5. (In Russ.).
- Shershenevich GF. The science of civil law in Russia. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Smolenski NI. Theory and methodology of history. Moscow; 2012. (In Russ.).
- Sofronenko KA, Martysevich ID, Chistyakov OI. The subject of the history of the state and law of the USSR. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Ekonomika, filosofiya i pravo»*. 1958;3. (In Russ.).
- Tarasov NN. Methodological problems of legal science. Ekaterinburg; 2001. (In Russ.).
- Walker RG. The English legal system. London; Dublin; Edinburgh; 1994.
- Yaschuk TF. Definition of the subject of the history of the state and law in the legal science of the second half of the 1950s — early 1960s. Genesis: Historical research. 2020;11. (In Russ.).
- Yaschuk TF. The evolution of the subject of science of the history of the state and law of Russia in the 18th–20th centuries. Law enforcement in public and private law: Proceedings of the international scientific conference. Omsk; 2021. (In Russ.).
- Zelenov LA, Vladimirov AA. A. Science studies: Problems of frontier sciences. N. Novgorod; 2022. (In Russ.).
- Zhulanov AL. To the question of the relationship between the concepts of object and subject of science in classical and non-classical natural sciences. *Vestnik PGGPU. Seriya 3, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2013;3. (In Russ.).
- Zweigert K, Ketz H. Comparative Private Law. Moscow; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукашевич Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dalukashevich@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Lukashevich, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dalukashevich@msal.ru

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 13.11.2024.
Revised 14.06.2025.
Accepted 15.06.2025.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ INDEX LIBRORUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.131-147

А. Х. Саидов

Академия наук Республики Узбекистан
г. Ташкент, Республика Узбекистан

О развитии сравнительной истории права (статья-рецензия: размышления после прочтения двухтомного учебника Д. Ю. Полдникова «Сравнительная история зарубежного права» (М., 2024))

Резюме. История государства и права является ключевой дисциплиной для формирования юридического мировоззрения, а значит, нуждается в обновлении по мере развития правоведения. С этой целью издан фундаментальный двухтомный учебник Д. Ю. Полдникова «Сравнительная история зарубежного права» (Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник : 2 т. М. : Норма, 2024. Т. 1 : Правовые традиции древности и Средневековья. 544 с. ; Т. 2 : Современные правовые традиции. 624 с.). Его отличает оригинальная авторская концепция, основанная на цивилизационном подходе и сравнительном анализе правовых традиций мира в их самобытности, равноценности и разнообразии. Автор применяет единую аналитическую модель традиции (исторический контекст и носители традиции, основы традиции, характерные институты), охватывая период с древности до современности и используя богатый историко-правовой и культурный материал, включая примеры из литературы и искусства. К несомненным достоинствам издания относятся научная глубина, новизна учебно-методических подходов (включая наглядные материалы и хронологические таблицы), доступный стиль изложения. Вместе с тем дискуссионным представляется исключение из предмета рассмотрения российской и некоторых иных правовых традиций, а также преобладание анализа «права в книгах» над «правом в действии». В целом рецензируемый учебник вносит значительный вклад в развитие сравнительно-исторического мышления и междисциплинарных исследований права.

Ключевые слова: история права; сравнительное правоведение; зарубежное право; правовые традиции; цивилизационный подход; юридическое образование; учебник; рецензия; источники права; носители традиции; основы традиции; отдельные институты

Для цитирования: Саидов А. Х. О развитии сравнительной истории права (статья-рецензия: размышления после прочтения двухтомного учебника Д. Ю. Полдникова «Сравнительная история зарубежного права» (М., 2024)). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 131–147. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.131-147

To the Development of Comparative Legal History (Review: Reflections after Reading D.Yu. Poldnikov's Two-Volume Textbook «Comparative History of Foreign Law» (Moscow, 2024))

Akmal Kh. Saidov

Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. The history of state and law serves as a fundamental discipline for shaping legal consciousness and therefore requires continuous updating alongside the evolution of legal scholarship. This need has

© Саидов А. Х., 2025

been addressed in the publication of D.Yu. Poldnikov's comprehensive two-volume textbook «Comparative History of Foreign Law» (Moscow: Norma, 2024). The work stands out for its original conceptual framework, grounded in civilizational theory and comparative analysis of the world's legal traditions in their uniqueness, equivalence and diversity. The author employs a unified analytical model of legal tradition (historical context and bearers of tradition, foundations of tradition, characteristic institutions), covering the period from antiquity to modernity while drawing upon rich legal and historical and cultural materials, including examples from literature and art. The textbook's undeniable merits include its scholarly depth, innovative educational methodology (featuring visual materials and chronological tables), and accessible writing style. However, certain debatable choices include the exclusion of Russian and some other legal traditions from consideration, as well as the predominance of «law in books» analysis over «law in action». Overall, the reviewed textbook makes a significant contribution to developing comparative-historical thinking and interdisciplinary legal research.

Keywords: legal history; comparative law; foreign law; legal traditions; civilizational approach; legal education; textbook; review; sources of law; bearers of tradition; foundations of tradition; particular institutions

Cite as: Saidov AKh. To the Development of Comparative Legal History (Review: Reflections after Reading D.Yu. Poldnikov's Two-Volume Textbook «Comparative History of Foreign Law» (Moscow, 2024)). *Lex russica*. 2025;78(7):131-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.131-147

Введение

В системе высшего юридического образования особое внимание уделяется формированию юридического мировоззрения (мышления) студентов, воспитанию у них демократического правового идеала. Наряду с другими историко-теоретическими дисциплинами (теория права и государства, история политических и правовых учений) этим целям призван служить учебный курс истории государства и права зарубежных стран¹.

Как справедливо пишет В. Г. Графский, «всеобщая история права и государства — одна из самых вместительных юридических дисциплин. Она изучает и обобщает процессы возникновения, оформления и последующих изменений правовых обычаев и законов у разных народов мира и на всем протяжении истории — древней, средневековой и современной»². По широте и объему своего предмета, охватывающего все страны, все правовые отрасли во все юридические периоды, всеобщая история государ-

¹ В разное время он именовался по-разному. В 1940-е гг. в советской юридической науке широко обсуждался вопрос о наименовании историко-правовых наук. В 1946 г. С. Ф. Кечекьян и С. В. Юшков предлагали именовать «Всеобщая история права». Это предложение было оспорено Е. А. Скрипилёвым, который возразил против того, чтобы в названии учебного курса опустить слово «государство» (см. подробнее: Советская историко-правовая наука: Очерки становления и развития / отв. ред. В. М. Курицын. М.: Наука, 1978. С. 278–283). Один из первых учебников «Всеобщая история государства и права» (М., 1944–1947 гг.) был написан ведущими советскими учеными-юристами — корифеями советской юриспруденции, благодаря усилиям профессора В. А. Томсинова он был переиздан (см.: Всеобщая история государства и права: в 2 т. М., 2023). В советское время капитальный учебник З. М. Черниловского носил название «Всеобщая история государства и права» (М., 1983). В последнее время то же название имеет учебник О. Омельченко «Всеобщая история государства и права» в двух томах (М., 1998). Фундаментальный учебник В. Г. Графского называется «Всеобщая история права и государства» (М., 2000). Большинство ученых-юристов отдают предпочтение наименованию «История государства и права зарубежных стран» (см.: История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. / отв. ред. О. А. Жидков и Н. А. Крашенинникова. М.: Норма, 2007; Батыр К. История государства и права зарубежных стран. М., 2003; Милехина Е. История государства и права зарубежных стран. М., 2002). Оно вошло и в образовательный стандарт. Однако научная специальность именуется «5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки». Представляется, что каждое наименование науки и учебной дисциплины требует оговорок. И любое из них, в том числе избранное Д. Ю. Полдниковым для рецензируемого учебника («Сравнительная история зарубежного права»), фактически отражает современный уровень развития историко-правовой науки.

² Графский В. Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. М.: Норма, 2000. С. XII.

ства и права превосходит все отрасли юридической науки³.

Основная часть

Почти полвека тому назад выдающийся советский (российский) историк права профессор О. А. Жидков писал, что «назрела необходимость разработки научного курса всеобщей истории права, где органически сольются история права СССР и история права зарубежных стран, где будут раскрыты основные закономерности исторического развития права»⁴. Далее он отмечал, что «издание научного курса истории права могло бы стать важной вехой в развитии науки всеобщей истории государства и права и всей юридической науки в целом»⁵.

Выход в свет рецензируемого двухтомного учебника Д. Ю. Полдникова стал как бы ответом на призыв корифея историка права. Учебник «Сравнительная история зарубежного права» — заметное явление в современной мировой юриспруденции. Особенности и динамика развития системы юридического образования, правопонимания и историко-правовых наук способствуют сохранению интереса научной юридической общественности к изменениям оценок наиболее значительных событий всемирной истории права. Уже первое ознакомление с оглавлениями двухтомного издания позволяет сделать вывод о том, что оно носит фундаментальный характер и является результатом весьма длительной плодотворной творческой работы автора. Рецензируемый учебник представляет собой в определенном смысле обобщенное логическое продолжение многочисленных историко-правовых исследований автора, направленных на изучение сравнитель-

но-исторического правоведения. Талантливый и креативный ученый историк-юрист Д. Ю. Полдников известен своими монографическими работами, многочисленными научными статьями и учебно-историческими материалами. В конкретных исследованиях ученого видна научная значимость его историко-правовых идей. Рецензируемый учебник охватил самые различные стороны теории и практики создания учебной литературы по сравнительной истории права нового типа, а именно: идейную направленность учебника, его воспитательное значение, концептуальную основу учебника и фактическую наполненность его содержания, структуру и стиль изложения, соотношение учебника с достижениями мировой историко-правовой науки⁶. Актуальность и востребованность содержания учебника определяются значимостью научно-познавательных задач, поставленных автором. Содержание учебника логически взаимосвязано, подача материала четко структурирована, интересны как идейный авторский замысел учебника, так и методологические установки. По своей структуре первый том учебника делится на восемь глав и второй том — на девять глав.

Под правовой традицией мы понимаем совокупность устоявшихся правовых норм, принципов, обычаев и идей, которые определяют характер национальной правовой системы и являются продуктом длительного исторического развития. Правовая традиция играет ключевую роль в сравнительной истории права, представляя собой совокупность юридических и культурных, исторических и национальных элементов, которые формируют основу правопорядка в разных обществах. Сравнение западных и незападных правовых традиций сталкивается с рядом методологических трудностей, связанных

³ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 3.

⁴ Жидков О. А. О состоянии и задачах научных исследований в области всеобщей истории государства и права // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 22.

⁵ Жидков О. А. О состоянии и задачах научных исследований в области всеобщей истории государства и права. С. 22.

⁶ Подробнее см.: Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.). М., 2016 ; Он же. Функциональный метод в сравнительной истории права в Европе // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 4. С. 47–56 ; Он же. О правовой традиции *ius commune* как предмете историко-правовой науки // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 145–152 ; Он же. От философии и права к философии права? (конфликт двух правовых школ *ius commune* (XIII–XIV вв.)) // История государства и права. 2010. № 20. С. 44–46 ; Он же. Научная доктрина *ius commune* как формальный источник права в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Право. 2013. № 1. С. 64–80.

с различиями в подходах к пониманию права, источникам (формам) права, принципам правового регулирования, роли государства, правоприменению⁷.

Одной из приметных новаций в обсуждении основных правовых традиций стала книга канадского юриста П. Гленна «Правовые традиции мира» с характерным и много поясняющим в авторском замысле подзаголовком: «Упорно сохраняющаяся множественность в праве»⁸.

Особое внимание автором уделяется основным правовым традициям древности, Средневековья и современности. Автор на основе богатейшего историко-эмпирического и научно-законодательного материалов проследит достаточно важные для науки и учебной дисциплины «Сравнительная история права» теоретические и методологические проблемы, в том числе закономерности и преемственность правовых традиций.

Учебник Д. Ю. Полдникова — это новое слово в университетском юридическом образовании как в научно-познавательном, так и в учебно-методическом плане. Важно и то, что учебник соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и образовательным стандартам МГИМО МИД России по направлению «Юриспруденция».

Учебник написан очень живо, со множеством интересных и познавательных историко-правовых сведений. С несомненным интересом читаются историко-правовые экскурсы со ссылкой на примеры из художественной литературы: А. С. Пушкин (с. 83), С. Я. Маршак (с. 30–31), Аристофан (с. 275), О. де Бальзак (т. 2, с. 212), К. Мокуами (т. 2, с. 408); из народного творчества: древнеиндийские басни (с. 30–31), эпос о Гильгамеше (с. 64), поэма «Махабхарата» (с. 93–94); пословицы и поговорки (с. 63, 78, 195, 408,

410, 421; т. 2, с. 94, 165); юридические афоризмы (т. 1: с. 31, 45, 64, 255, 294, 297, 330, 331, 388, 400, 416, 423, 488; т. 2: с. 14, 44, 51, 52, 106, 112, 113, 117, 212, 243–244, 249, 255, 256, 285, 292, 313, 315, 319, 378–379, 448, 449, 514, 515, 568); из искусства: пальмовые листья рукописи «Нарада» 1407 г. (с. 107), девятикратное челобитие «Коуту» (с. 196), фрагмент картины К. Капидаги «Торжественный прием сановников Селимом во дворце Топкапы в Стамбуле» (с. 213), камей «Суд над Орестом» (с. 328), фрагмент мозаики и изображение Юстиниана и византийских сановников (с. 344), миниатюра «Патриарх Никифор I венчает на царство Михаила I Рангаве» (с. 367), сцена битвы при Гастингсе 1066 г. на «Гобелене из Байё» (с. 472), картина О. Домье «Три судьи» (т. 2, с. 164), карикатура Э. Фукса (1870 г.) на прусский подход к объединению Германии (т. 2, с. 228), здание Высшего имперского суда в Лейпциге (т. 2, с. 235), здание Высокого суда в Бомбее (т. 2, с. 489).

«Всем этим объясняется и то, почему юриспруденция не только наука, но и искусство; она — искусство, поскольку она творит, как искусство; но она еще и потому искусство, что предполагает дарования художника — умение формировать и конструировать; юриспруденция и потому еще искусство, что та же фантазия, которая открывает взору художника картины жизни, открывает умственному взору юриста жизненные явления, в которые он может провести свои принципы»⁹. Тема «Право в живописи, архитектуре и скульптуре» предоставляет широкие возможности для междисциплинарных исследований¹⁰. Исследование права через художественные произведения открывает новые горизонты для анализа и поистине безгранично¹¹.

Автор весьма убедительно показывает, что история правовых традиций древности и

⁷ Подробнее см.: Саидов А. Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии. Ташкент : Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2024. С. 6–7.

⁸ См.: Glenn P. H. Legal Traditions of the World. Sustainable Diversity in Law. N. Y. : Oxford University Press, 2000.

Фактически работа П. Гленна содержит радикальное переосмысление сложившегося предмета сравнительного правоведения.

⁹ Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 115.

¹⁰ См.: Алексеев А. И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. М., 2007 ; Право и история художественной культуры. М., 2012.

¹¹ См.: Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе. М., 1959 ; Алексеев А. И. Искание правды. М., 1980 ; Он же. Музы и право. М., 2003. См. также: Саидов А. Х. Гете как юрист // Государство и право. М., 2010. № 2. С. 76–89 ; Он же. Гёте как юрист = Goethe als Jurist. Ташкент : Baktria press, 2014 ;

Средневековья жива и для сегодняшнего дня составляет фундамент современной правовой цивилизации, технологичной, информационной и стремящейся к глобализации.

Автор стремится в первом томе объяснить теоретические основы историко-правового нарратива, а также правовые традиции аграрных обществ Евразии с позиции трех идеальных типов: «право судей» как практическое средство решения юридических споров; «право ученых» как путь праведной жизни; «право правителя» как средство управления обществом по воле правителя (с. 10)¹².

Автор рассматривает древнейшие правовые традиции Ближнего Востока, т.е. с формирования истоков писаного права (гл. I). При этом весьма убедительно показывается процесс формирования основ правовой традиции (с. 49–51). С помощью учебника студент будет отвечать на важнейшие юридические вопросы: что такое право? как оно возникло? как происходит правовое развитие на основе различных правовых традиций? Студент может увидеть, что каждая национальная правовая система — часть всемирной истории права. При этом в учебнике представлен авторский взгляд на всемирную историю права через призму самобытности, равноценности и разнообразия правовых традиций народов Востока и Запада. Заслуживает поддержки подход Д. Ю. Полдникова, содержащий основные правовые традиции, дающий представление о диапазоне исторических типов права, о тенденциях и условиях правового развития от архаических форм к более сложным, о возможностях и рецепции права при смене общественных укладов.

Автор совершенно правильно пишет о том, что «сравнительное изучение древневосточных обществ ранней и поздней древности позволило специалистам (историкам, антропологам и археологам) уточнить понятие раннего типа государства (отличного от государства нации Нового времени), а также дополнить картину

развития институтов публичной власти, выделить их типы и структурировать по стадиям сложности» (с. 42). При этом Д. Ю. Полдников весьма убедительно критикует концепцию «восточной деспотии» (с. 41–42).

Термин «деспотия» происходит от греческого слова δεσπότης (деспотес), означающего «господин» или «владыка». Первоначально это слово имело нейтральный оттенок, но с развитием политико-правовой теории стало обозначать форму абсолютной власти, основанной на принуждении и страхе. «Восточная деспотия» — концепция, описывающая автократическую систему управления в древневосточных обществах, где государь обладал неограниченной властью. Автор приводит не только важнейшие утверждения основоположников «восточной деспотии» Аристотеля, Геродота, представителей Просвещения (Ш. Л. Монтескьё, Г. Мабли, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо), К. Виттфогеля, но и веские аргументы против стереотипа «восточной деспотии» (с. 42). К сожалению, и сегодня есть сторонники концепции «восточной деспотии». Продолжается распространение этой антинаучной концепции в современных учебниках по истории государства и права зарубежных стран¹³.

Учебник Д. Ю. Полдникова отличает целостная и единообразная учебно-методическая концепция изложения материала и современный юридический научно-категориальный аппарат. В каждой правовой традиции рассматриваются: общество и социальные структуры; основы правовой традиции; основные сферы регулирования. В конце каждой главы под рубрикой «Выводы» приводятся научные обобщения автора, суммирующие основное содержание каждой правовой традиции и акцентирующие внимание на главном. В каждой правовой традиции дается оригинальная «юридическая лента времени», на которой в хронологическом порядке зафиксированы основные даты, которые студентам предстоит запомнить в ходе самостоя-

Он же. Данте-юрист. Ташкент : Адолат, 2011 ; *Он же.* Кафка-юрист. Ташкент : O'zbekiston, 2013 ; *Он же.* Шекспир и юриспруденция. Ташкент : O'zbekiston, 2011 ; *Он же.* Французские писатели-юристы. Ташкент : Янги аср авлоди, 2013.

¹² См. также: *Фома Аквинский.* О правлении правителей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) Л., 1990. С. 217–243.

¹³ См. подробнее: История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. С. 37–40, 538 ; *Косарева А. И.* История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. С. 27–28, 67, 175 ; *Прудников М. Н.* История государства и права : учебник для бакалавров. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 45.

тельной работы. Таким образом формируются хронологические юридические представления студентов о всемирном поступательном развитии права.

Весьма оригинальна и убедительна авторская трактовка каждой правовой традиции на основе общей аналитической модели: исторический (цивилизационный) контекст и носители правовой традиции; форма (источники) права, основы его понимания, толкования и применения; характерные институты по важнейшим сферам правового регулирования.

Такой методологический подход автором выдержан во всех главах двухтомного учебника. Автор показывает, что «Сравнительная история зарубежного права» — дисциплина развивающаяся, живая, полная тайн и открытий. Студент узнает, что такое юридическая хронология, научится определять место историко-правовых событий на юридической ленте времени, разбираться в различных юридических памятниках мира. Д. Ю. Полдников представил современные точки зрения на ключевые проблемы правовых традиций древности, Средневековья и современности. Они сводятся к следующим моментам:

- современное понимание юридической истории Древнего мира, Средних веков и современности в системе юридического знания;
 - новый взгляд на происхождение писаного права, правовых традиций и становление правового общества, освещение юридического движения от первобытности к правовой цивилизации;
 - доступное объяснение понятий и особенностей правовой традиции различных юридических цивилизаций;
 - целостное и яркое описание правовых традиций древности, Средневековья и современности с особым вниманием к духовно-культурной жизни народов;
 - деликатное и вместе с тем достаточно емкое отражение правовых традиций различных религий;
 - живой показ социально-правовой жизни, структуры правового общества, взаимоотношений в нем;
 - раскрытие специфики публичной власти и собственности в древних, средневековых и современных правовых цивилизациях.
- Отличительной особенностью учебника является обращение к истории общества и основных социальных институтов, в том числе семьи и собственности, к основным сферам правового

регулирования в каждой из древних, средневековых и современных правовых цивилизаций.

В главе пятой «Правовые традиции античной цивилизации между судебной риторикой и юриспруденцией» и главе шестой «Правовая традиция христианской Римской империи» содержится новый правовой материал и объясняется, как возникли древнейшие цивилизации, почему даже для глубокой древности можно говорить о единстве всеобщей истории права. История Древней Греции и история Древнего Рима представлены как составные части единой античной цивилизации, которая, как показано в учебнике, является фундаментом европейской правовой цивилизации. Эта связь между древностью, Средневековьем и современностью четко прослеживается в учебнике.

Важнейший методический прием — сопоставление различных правовых традиций Древнего мира, Средневековья и современности. Студент постоянно имеет возможность синхронно и диахронно сравнивать, что побуждает его анализировать и мыслить конкретно-исторически, он находится в юридическом мире синхронизированной, сравнительной истории права, что является неперенным условием современного правового мышления.

Пройдя с помощью путеводной нити от возникновения права до конца правовой истории Древнего мира, Средневековья и современности, студент ощутит преемственную связь между прошлым, настоящим и будущим и поймет: древность и Средневековье и питают современную правовую цивилизацию.

В учебнике Д. Ю. Полдникова Средневековье охватывает период от падения Западной Римской империи до начала эпохи Великих географических открытий. В правовой истории человечества это тысячелетие ознаменовалось важнейшими юридическими достижениями, и автор учебника показывает роль Средневековья в развитии основ современного права. При этом автор исходит из того, что каждая сфера правового регулирования: экономика и политика, социальные отношения и религиозность, культура и духовность — имеет свою правовую ценность, и пренебрежение любой из них приведет к недопустимому искажению общей юридической картины. Особое внимание уделяется тому, чтобы рассказать о наиболее значительных юридических достижениях Средневековья, особенно тех, которые вошли в правовую цивилизацию XX в., показать, сколь многим современный юридический мир обязан

Средневековью, и создать у студентов своего рода иммунитет от всё еще широко распространенных уничижительных оценок «мрачного» Средневековья.

Д. Ю. Полдников, изучая сравнительную историю зарубежного права, уделяет особое внимание цивилизационному подходу, который акцентирует роль культурных и национальных исторических и социальных факторов в развитии правовых традиций. Цивилизационный подход позволяет выйти за рамки западноцентричной перспективы и рассматривать право как часть цивилизационного наследия, включая юридический вклад неевропейских обществ. При этом автор подчеркивает, что доминирование западной правовой традиции в сравнительных исследованиях приводит к игнорированию правовых традиций, сформировавшихся в Азии, Африке и других регионах. Он выступает за интеграцию данных правовых традиций Востока и местных традиционных практик в глобальный правовой дискурс.

В отличие от универсального подхода, Д. Ю. Полдников акцентирует внимание на том, что каждая правовая традиция развивается под влиянием уникальных национально-культурных и историко-социальных условий. Например, исламское право, индусские правовые традиции или нормы, основанные на обычаях, рассматриваются как неотъемлемые элементы соответствующих цивилизаций. Автор подчеркивает, что правовые традиции не следует оценивать с позиций прогресса или отсталости. Он считает, что разные цивилизации выработали свои уникальные пути правового регулирования, которые не менее значимы, чем римское право или европейская правовая традиция.

Подход Д. Ю. Полдникова предполагает изучение права в контексте религии, философии, экономики и социальных институтов. Например, право Древнего Востока или Центральной Азии не может быть понято вне их ирригационных, кочевых или сакральных основ. Автор применяет методы сравнительного анализа, чтобы выявить как универсальные, так и уникальные черты различных правовых традиций. Он отмечает, что, например, понятия справедливости, ответственности или законности могут иметь различную интерпретацию в разных правовых цивилизациях.

В своих исследованиях Д. Ю. Полдников уделяет внимание регионам, которые были исключены из традиционных западных исследований. Он указывает на важность право-

вых традиций, сформировавшихся под влиянием исламской культуры, кочевых обычаев и взаимодействия с соседними цивилизациями. Автор рассматривает право как динамическую систему, которая адаптируется к изменениям внутри цивилизации. Например, трансформация обычаев в законы или интерпретация религиозных норм в изменяющемся социокультурном контексте.

Таким образом, цивилизационный подход, предложенный Д. Ю. Полдниковым, расширяет горизонты юридической науки, позволяя учитывать богатство и разнообразие правовых традиций мира. Его учебник способствует как преодолению западноцентризма, так и формированию более инклюзивной и глобальной картины эволюции правовых традиций. Такой подход помогает лучше понять не только различия, но и точки соприкосновения между различными правовыми цивилизациями, что особенно важно в условиях глобализации и межкультурного диалога.

Д. Ю. Полдников справедливо критикует западноцентризм в юридической науке, отмечая, что он игнорирует вклад неевропейских обществ в развитие правовых систем. Он подчеркивает необходимость учитывать уникальные исторические и социальные условия других регионов для формирования более сбалансированного подхода.

Структура учебника позволяет показать Древний мир, Средневековое и современное общество в их динамике, уделить внимание как наиболее важным «сквозным» юридическим проблемам правовой истории, так и особенностям правового развития отдельных регионов и стран. На наш взгляд, учебник Д. Ю. Полдникова отвечает следующим критериям фундаментального учебника:

— автор объективно излагает огромный массив правового материала. В целом учебник построен на принципе исторической объективности; упор сделан не на юридические конфликты, а на атмосферу юридического доверия; можно с уверенностью утверждать, что учебник будет способствовать взаимопониманию между государствами и народами;

— учебник ориентирован на общечеловеческие правовые ценности, отсутствуют национальные, религиозные и другие стереотипы;

— в учебнике отражены дискуссионные проблемы и спорные вопросы, а также различные точки зрения на сравнительную историю зарубежного права;

— автор весьма удачно и гармонично сочетает соотношение между правовыми традициями, юридической преемственностью и новациями;

— язык и стиль изложения учебника доступен и ясен, понятен и адаптирован к восприятию студентов-юристов;

— особо следует отметить развивающийся характер учебника;

— отличительными чертами учебника являются также современный дизайн, наличие иллюстративных материалов, карт, таблиц, высокое полиграфическое исполнение со стороны издательства «Норма» (в качестве пожелания можно высказать: картины и карты следовало сделать цветными).

Еще одно достоинство рецензируемого учебника — его способность формировать юридическое мировоззрение, совершенствовать такие правовые навыки студентов-юристов, как умение толковать историко-правовые и юридические памятники мира и выявлять различия между разными правовыми традициями и интерпретациями историко-правовых событий.

В текст каждой главы правильно включены отрывки из первоисточников, для наглядности даны иллюстрации, т.е. карты (7), таблицы (29) и схемы (15), облегчающие усвоение студентами учебного материала. Их задача — не только заинтересовать студентов, но и научить их работать еще с одним весьма важным источником информации. Новым является также использование в учебнике синхронистических таблиц, составленных в удобной для пользования форме. Они помогают студентам наглядно представить себе, что происходило в тот или иной исторический период в различных географических частях юридической планеты.

Учебник Д. Ю. Полдникова построен по проблемно-хронологическому принципу. Структура подачи учебного материала позволяет показать правовые традиции различных обществ в динамике, уделить внимание как наиболее важным т.н. сквозным проблемам правового развития древности, Средневековья и современности, так и особенностям правовых традиций отдельных правовых семей и национальных правовых систем.

В изложении учебного материала автор исходит из представления о характере правового развития: его многовариативности, оригинальности тех или иных правовых институтов, приоритетности общечеловеческих правовых

ценностей, таких как общепризнанные права и свободы человека. При этом конечный результат далеко не всегда предсказуем и является следствием сложного взаимодействия множества факторов и различных правовых традиций.

Большое место в учебнике уделяется рассказу о событиях правовой истории различных эпох и государств. Это сделано потому, что правовая история современности имеет не только научно-познавательное, но и практико-прикладное значение. Ведь именно тогда возникли многие демократические правовые институты: избирательные права и выборы, парламенты и парламентаризм, права и свободы человека и др., которые студенты могут наблюдать в современной жизни и с которыми вскоре столкнутся лично. Но, кроме того, правовая история обладает огромным воспитательным ресурсом. Она содержит наглядные примеры здравого смысла и безрассудства людей, добросовестного исполнения ими гражданского долга или пренебрежения им, размышлять над которыми для студентов очень полезно. Уделяя должное внимание внутренним тенденциям развития каждой правовой традиции, автор показывает, как постепенно у разных народов складывались демократические институты рыночной экономики, правового государства, какую роль в их формировании сыграли достижения науки, культуры, политико-правовой мысли, общая гуманизация нравов.

К сожалению, вне поля зрения автора остался один из древнейших источников восточного права — «Авеста». «Авеста» — древний текст зороастрийской традиции, содержащий нормы религии, морали и права. «Авеста» заложила традиции защиты собственности, регулирования семейных отношений и уголовного права, подчеркивая важность морально-этических принципов. «Авеста» оказала значительное влияние на развитие норм и обычаев, связанных с земледелием, семейными отношениями и религиозными обрядами в древних правовых системах, включая индийскую и греко-римскую цивилизации. В российской юридической науке ее исследуют как источник права, формировавшего правовые традиции в древнем Иране. С таким подходом согласиться нельзя. Родиной зороастризма является современный Узбекистан, в частности Хорезм.

В. Г. Графский отмечал, что «Авеста» содержит нормы, регулирующие религиозную, семейную и социальную жизнь зороастрийского

общества¹⁴. Зороастрийское право подчеркивало важность этического поведения, защиты правдолюбивого человека (ашаван) и установления справедливости как божественной воли.

Центральная Азия характеризуется уникальным геополитическим положением, соединяющим Восток и Запад, что определяло ее роль в торговле, культурном обмене и развитии цивилизаций. Регион был свидетелем становления сложных политических структур, от кочевых империй до централизованных теократических государств. Фундаментальное шеститомное издание ЮНЕСКО «История цивилизации Центральной Азии»¹⁵ представляет собой всестороннее исследование истории цивилизации региона, охватывающее социальные, экономические, культурные и правовые аспекты. В нем подчеркивается вклад Центральной Азии в мировую цивилизацию, включая развитие права, науки, торговли и дипломатии.

Таким образом, два тома учебника охватывают всю правовую историю человечества с древнейших времен до конца XX в. Позитивными отличительными чертами двух томов стали новые учебно-методические и дидактические сравнительные подходы к сравнительной истории права, сочетание информативности и наглядности при изложении учебного материала.

Автор учебника Д. Ю. Полдников совершенно правильно отказался от политизации изложения учебного материала, обратившись к многовариантности всемирно-юридического процесса. Основное внимание уделяется формированию у студентов ярких правовых образов и научно обоснованных юридических характеристик наиболее значимых правовых эпох человечества. Выработанный автором учебника понятийно-категориальный аппарат

сравнительной истории зарубежного права послужит для студентов надежным ориентиром в океане юридических фактов, великих юридических памятников и переплетений правовых традиций различных народов мира. В этой связи было бы целесообразно дать в конце каждого тома правовой глоссарий¹⁶ наиболее часто употребляемых юридических терминов, список великих юридических памятников мира и указатель имен исторических деятелей. Учебно-методические иллюстрации, т.е. карты, схемы, таблицы, диаграммы, выступают не только как дополнение к тексту учебника, но и как его относительно самостоятельная часть, выполняя роль особой формы дидактического материала.

К отдельным недостаткам учебника можно отнести: определенную информационную перенасыщенность; наукообразность юридического изложения; недостаточное освещение вопросов правовой культуры, или, словами американского философа права XX в. Р. Паунда, «право в действии» (law in action), в то время как в учебнике преобладает «право в книгах» (law in books); ориентацию учебно-методического аппарата только на текст без учета других составляющих учебника. Еще одно замечание общего характера — это отсутствие в учебнике истории доказательств. Очевидно, что тот, кто не научился искусству доказательства, не способен отличить правильное суждение от неправильного.

Еще одно соображение методологического плана. Каково место истории национального права во всемирной истории права? Национальная правовая история выступает соединяющим звеном между региональной и всемирной историей права. Сравнительная история права формирует целостное представление о всемир-

¹⁴ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. 2-е изд. С. 126–129.

Впрочем, только в учебнике В. Г. Графского говорится о зороастрийском праве. См. также: Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2008 ; Ртвеладзе Э. В., Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент : Адолат, 2000 ; Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. «Так говорил Заратустра»: между Западом и Востоком // Политика и общество. 2004. № 5. С. 1–15 ; Они же. Учение о договоре в Авесте: из Видевдата // Политика и общество. 2004. № 4. С. 96–100 ; Саидов А. Х. Введение в изучение истории цивилизации Центральной Азии // Политика и общество. 2007. № 7. С. 76–79 ; Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. М., 2000. № 7. С. 93–107.

¹⁵ History of Civilization of Central Asia. 6 Vol. Paris : UNESCO Publ., 1976–2007.

¹⁶ Подробнее см.: Всемирная история государства и права : энциклопедический словарь / под ред. А. В. Крутских. М. : Инфра-М, 2001 ; История государства и права : словарь-справочник / под ред. М. И. Сизикова. М. : Юрид. лит., 1997.

ном развитии права, воспитывает уважение к правовой культуре и юридическим традициям зарубежных стран. Важное значение имеет сопоставительная характеристика развития права зарубежных стран и национального (российского) права на протяжении всей правовой истории. Ведь чем лучше студенты смогут изучить и глубже понять правовые реалии существования ближних и дальних соседей, тем полнее будут их представления о роли и месте национального (российского) права на правовой карте мира, о тех юридических перспективах, которые открывает для России XXI век.¹⁷

В этой связи следовало бы включить в учебник самостоятельную главу о правовых традициях России, показав студентам характерные черты российской правовой цивилизации, выявить общие и отличительные черты правового развития России по сравнению с другими правовыми традициями стран Европы и Азии, Африки и Америки, разъяснить причины специфики правовой эволюции, правового быта и менталитета жителей России¹⁸. Среди факторов, обусловивших особенности российской правовой цивилизации, следует указать как главный географическое положение земель, ставших волею истории местом расселения восточных славян. Именно природно-климатические условия Восточно-Европейской равнины, суровость ее климата, обширные расстояния, огромные леса делали труд человека на востоке Европы более тяжелым и менее производительным, чем на Западе. Эти естественно-объективные различия, которые давали о себе знать из года в год в течение столетий, привели к значительному отрыву в уровне правового развития Руси, особенно ее северо-восточных районов, от стран Западной Европы. Это усугубилось и тем, что географическое положение России делало ее объектом постоянных вторжений кочевых

народов из степей Азии, что вело к милитаризации российского общества. Эти и другие объективные причины способствовали появлению характерных черт российской правовой цивилизации. Обращение к естественно-научной аргументации, внимание к роли природных факторов призвано доказать закономерность установления и укоренения правовых традиций России; именно в них и заключается индивидуальность российской правовой цивилизации, которая, в свою очередь, имеет неповторимые особенности. Четкая постановка вопроса об особенностях российского права, показ влияния на него конкретных исторических событий должны составить основное содержание главы о правовых традициях России¹⁹.

В этом случае можно было бы убрать из названия учебника словосочетание «зарубежных стран». И тогда учебник получит весьма звучное и емкое название «Сравнительная история права». Впрочем, автор во введении «Нарратив истории права» совершенно правильно пишет именно о предмете, целях и методах сравнительной истории права (с. 16–33).

Еще одно пожелание автору на будущее. Современное юридическое образование нуждается не только в разработке учебников нового поколения, но и в учебно-методическом комплекте по курсу «Сравнительная история права»: хрестоматиях, сборниках юридических памятников мира, контурных картах, атласах, компьютерных учебниках и учебных пособиях. Кроме печатного учебника (издания на бумажном носителе) должны быть электронные учебники, постоянно обновляемые компьютерные, мультимедийные, активные, цветные, со ссылками на неограниченные ресурсы Интернета. Настало время овладения с использованием новых информационно-коммуникационных технологий²⁰ современными мультимедийны-

¹⁷ В свете этого укажем на весьма удачную попытку профессора Т. Радько. См.: Радько Т. Правовая система России на юридической карте мира. М.: Проспект, 2021.

¹⁸ Еще О. А. Жидков писал об органическом слиянии истории права СССР и истории права зарубежных стран в научный курс всеобщей истории права (см.: Жидков О. А. Избранные труды / отв. ред. Г. И. Муромцев, Е. Н. Трикоз. М., 2006. С. 33). Следует приветствовать подход В. Г. Графского, который во второе издание своего учебника включил две темы и два параграфа о возникновении и развитии российского права (см.: Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. 2-е изд. С. 238–239, 243–250, 558–568, 639–642). Впрочем, насколько нам известно, учебник В. Г. Графского — единственный среди других учебников по истории государства и права зарубежных стран, включивший темы об истории российского права.

¹⁹ Подробнее см.: Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, Инфра-М, 2021.

²⁰ В этой связи процитируем И. А. Исаева: «То, что сейчас происходит в историко-правовой науке, и не только, — это наступление новых методик. Цифра активно наступает на основания гуманитарной науки,

ми формами представления знаний по сравнительной истории права, а также изучения как в позитивном, так и в критическом аспекте зарубежного опыта по подготовке и изданию учебников и учебно-методической литературы по всеобщей истории права.

Научная и педагогическая юридическая общественность должна активнее входить в международную юридическую образовательную среду. Для этого было бы целесообразно издать двухтомный учебник Д. Ю. Полдникова на английском языке. Широкие зарубежные научные связи и высокий потенциал знания иностранных языков позволят автору осуществить английское издание учебника. Для нахождения зарубежных партнеров и спонсоров целесообразно организовать онлайн-презентацию учебника, авторских учебных программ и многочисленных публикаций автора.

Следует отметить, что мы весьма высоко оцениваем первый опыт издания учебника по сравнительной истории зарубежного права. Вместе с тем удивляет очень маленький тираж двухтомного учебника — 100 экз. Такой тираж не доходит не только до студентов, но и до профессорско-преподавательского состава юридических вузов. Следовательно, необходимо в ближайшее время рассмотреть вопрос о тиражировании учебника Д. Ю. Полдникова в российских регионах и на постсоветском пространстве. Целесообразно объединить усилия юристов-историков для подготовки и выпуска онлайн историко-правовой библиотеки аудиовизуальных материалов для студентов и преподавателей историков права.

Представляется целесообразным также создание информационно-ресурсного центра по сравнительной истории права в МГИМО, где для этого имеются все необходимые условия. Такой информационный центр стал бы координационным центром, объединяющим звеном для научной и педагогической юридической общественности. Информационный центр мог бы организовывать различные юридические

выставки и демонстрировать учебные материалы: учебники, наглядные пособия, авторские программы по сравнительной истории права как в онлайн-, так и в офлайн-формате. Информационный центр мог бы стать платформой для диалога и обмена лучшим педагогическим опытом между российскими и зарубежными учеными-юристами. Информационный центр исследовал бы также зарубежные учебники, содержащие материалы по истории различных национальных правовых систем, выпускать дайджесты, обзоры, публикации в юридических журналах. Более того, Информационный центр мог бы подготовить для зарубежных стран программу, содержащую необходимый минимум знаний по истории российского права, который Россия хотела бы видеть в зарубежных учебниках по истории права, а в порядке обмена получить от зарубежных стран подобные материалы.

Несомненно, учебник Д. Ю. Полдникова открывает широкие возможности для получения историко-правовых знаний, включая знание методов историко-правового исследования. Более того, учебник призывает к творческому сотрудничеству, ориентирует на продуктивную, творческую мыслительную деятельность, способствует тому, чтобы студент-юрист постоянно находился в состоянии выбора, в поисках оптимального юридического решения. Надо отметить и то, что учебник вызывает у студентов позитивное эмоциональное отношение к предмету курса «Сравнительная история права».

Учебник Д. Ю. Полдникова, помимо образовательного содержания, несет воспитательный заряд, способствует формированию у студентов чувства гражданственности, без чего невозможно существование любого современного человека, общества и государства. Поэтому историк права должен быть одновременно и педагогом в самом широком смысле этого слова, воспитателем и просветителем общества. Этому способствуют идейная направленность и концептуальность изложения автора, соответствие

к которым мы привыкли, исходящие от Платона и Аристотеля. Посмотрим, что будет. Возможно ли ужиться этим двум направлениям, кто из них окажется более справедливым или они найдут общий язык? История права подходит к технологизации, или цифре, как сейчас говорят, несколько иначе, воспринимая технологические вызовы на каком-то более глубинном уровне, более основательно». См.: Исаев И. А. Фундаментальные проблемы истории права : доклад на Международном научно-практическом семинаре «Проектная мастерская кафедры истории государства и права», 24 декабря 2020 г. ; История права как открытая наука : доклад на Международной конференции «Современные проблемы юридической науки», посвященной 98-летию общенационального лидера азербайджанского народа Г. Алиева, 22 апреля 2021 г. // Канал YouTube: Open Science. History & Future of Law.

содержания учебника новейшим достижениям мировой историко-правовой науки, строгая выверенность историко-правового материала, точность, достоверность приводимых исторических фактов и вместе с тем информационная насыщенность, полнота освещения правовых традиций на протяжении всей всемирной истории права.

Рецензируемый учебник Д. Ю. Полдникова дает историку права интересные новые данные и обобщения о поступательном хронологическом развитии права. Особенно существенны вопрос об особенностях различных правовых традиций в разные исторические эпохи и авторские выводы по каждой правовой традиции.

Следует отметить, что учебник Д. Ю. Полдникова полезен не только историкам права, но и теоретикам права, специалистам по истории правовых учений и компаративистам. Так, теоретику государства и права учебник дает важную информацию о роли права в жизни различных обществ и цивилизаций, где в одних укоренилось «юридическое мировоззрение», отдавшее закону первостепенное значение и считающее закон необходимым для эффективного государственного управления, при этом закон объявляется важнейшим эффективным способом (средством) социально-экономических, политико-правовых и культурно-гуманитарных преобразований; в других — «юридический негативизм» в современных вариантах альтернативы «правление людей» или «правление закона». Для теоретика права, занимающегося теорией догмы (догматического) права, интерес представляет освещение вопроса об использовании института «политика — право», тем более что практика обоснования политических курсов правовыми аналогиями в соответствующей их интерпретации известна в различных правовых традициях (хотя и не в столь специфических формах).

Стоит особо остановиться на значении учебника для истории правовых учений. Автор много и обстоятельно пишет о различных учениях о праве. В этой связи приведем один пример о соотношении конфуцианства и легизма в правовой традиции Китая. Автор дает сопоставительную характеристику этих двух идеолого-правовых течений. В первом томе учебника автор анализирует историческую ситуацию, в

которой появились на свет конфуцианство и легизм, их содержание, генезис (с. 141–201). Это историческая часть — необходимая основа второго тома, посвященного правовой традиции Китая XX в., где детально показывается, как интерпретировались конфуцианство и легизм в модернизации китайского права (с. 414–475).

В свете вышеизложенного представляется по меньшей мере неоправданной (некорректной) встречающаяся в юридической литературе трактовка легизма как чуть ли не прогрессивного учения, отстаивающего законность в государственном управлении. И хотя в некоторых работах акценты расставлены правильно, в целом легизм с позиции юридической науки освещен весьма недостаточно. А между тем изучение правовой идеологии легизма существенно не только в собственном историческом плане, но и для объяснения уровня и характерных черт современного правосознания, господствующего в Китае²¹. Очевидно, свойственный этому правосознанию юридический негативизм своими корнями восходит как к конфуцианству с его недооценкой правовых норм, так и в меньшей мере к легизму, дискредитировавшему идею закона его сугубо уголовно-репрессивной трактовкой.

Учебник значим для науки о политических и правовых учениях и потому, что он представляет собой удачный образ столь необходимого для данной науки сочетания истории и современности. Уже не раз отмечалось, что эта наука, если она не хочет остаться по преимуществу учебной дисциплиной, должна изучать не только сами правовые учения прошлого, но и ту борьбу, которая ведется иногда вокруг и по поводу них. И тем не менее этой стороне вопроса в юридической литературе далеко не всегда уделяется должное внимание.

В заключение можно указать на следующие отличительные особенности учебника Д. Ю. Полдникова.

Первая особенность: научность. Научность как качество рецензируемого учебника означает изложение истинных правовых знаний в соответствии с современным состоянием и достижениями мировой историко-правовой науки. Научность учебника Д. Ю. Полдникова проявляется в индивидуально-авторском и профессиональном изложении вопросов предмета

²¹ Подробнее см.: Имамов Э. З. К характеристике правосознания и права Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 107–111; Он же. Китайское право — единство традиции и законодательной нормы // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 6. С. 76–85.

учебной дисциплины «Сравнительная история права».

Вторая особенность: авторское оригинальное изложение учебного материала. Это важнейший принцип создания добротного учебника по сравнительной истории права. Автор с помощью учебно-методических средств и приемов достиг основной цели целостно описать, объяснить и дать оценку со своей научной позиции закономерности развития правовых традиций через призму их самобытности, равноценности и разнообразия.

Третья особенность: соответствие содержания учебника новейшим достижениям современной мировой историко-правовой науки. Автор рецензируемого учебника не только владеет в совершенстве объемом традиционных фундаментальных знаний, но и держит руку на пульсе развития юридической науки, в курсе последних исследований и происходящих изменений в изложении всемирной истории права.

Четвертая особенность: краткость, но емкость историографических и источниковедческих образов. Каждой тематической главе учебника предшествует краткая характеристика приводимой литературы и источников по всеобщей истории, а также по истории права. При этом выбор источников серьезно продуман с точки зрения материальной и содержательной доступности книг. Необходимо иметь в виду не полноту указаний, а отчетливость в выборе, соотносясь с практической целью учебника.

Пятая особенность: точность. Речь идет о достоверности приводимых историко-правовых фактов и вместе с тем информационной насыщенности, полноте изложения событий. Вероятно, понимая, что в объеме университетского учебника достаточно сложно подробно раскрыть всю палитру всеобщей истории права, Д. Ю. Полдникова вместе с тем ввел в учебник историческую юридическую хрестоматию, составленную из замечательных и поучительных мест (цитат), переведенных из древних, средневековых и современных источников. Поэтому учебник не только знакомит студента с литературой предмета по одним именам и источникам, но и ставит его в непосредственное отношение с первоначальным источником историко-правовой науки. Автор в равной мере владеет как историко-правовым, так и современным юридическим материалом, вводит

читателя в специфику историко-правового мышления.

Шестая особенность: своеобразие педагогического стиля автора. Отчетливо структурно удачное расположение глав облегчает историко-правовой обзор целого, и хорошее научно-литературное изложение совершенно соответствует назначению фундаментального университетского юридического учебника богатым запасом фактических историко-правовых сведений. Самое главное: учебник Д. Ю. Полдникова отвечает основным требованиям и условиям, предъявляемым к учебнику по сравнительной истории права.

Заключение

Таким образом, обобщенно можно подытожить, что учебник Д. Ю. Полдникова характеризуют строгий научный подход к изложению, включение новейших достижений мировой историко-правовой науки в повествовательную канву и наличие литературы, которая представляет собой лаконичный историографический и источниковедческий обзоры, предваряющие тематические главы учебника (всего 17); фактическая историческая достоверность и полнота изложения, а также доступный стиль изложения — вот те позитивные качества фундаментального учебника по сравнительной истории права. Это одновременно и основные положения, которыми, на наш взгляд, должны руководствоваться и студент, и преподаватель, а также рецензент-критик при оценке рецензируемого учебника.

Наконец, наша заключительная оценка двухтомного учебника Д. Ю. Полдникова: учебник отличается своей фундаментальностью, высоким научным уровнем, аргументированностью, множеством обстоятельных ссылок на разнообразные юридические документы и правовые памятники, необходимым списком разных видов юридических источников (первоисточники, кодексы и законы, научные труды), что дает возможность студентам-юристам глубже ознакомиться со сравнительной историей зарубежного права. И этот учебник принадлежит к числу тех, мимо которых не может пройти ни один последующий исследователь поднятых проблем, и автор продолжает большой и углубленный поиск в области сложных историко-правовых проблем сравнительного зарубежного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. СПб. : Издательство Политехнического университета, 2008. 300 с.
- Алексеев А. И. Музы и право. М., 2003. 174 с.
- Алексеев А. И. Искание правды. М., 1980. 136 с.
- Алексеев А. И. Юридическая действительность в изобразительном искусстве. М., 2007. 122 с.
- Батыр К. И. История государства и права зарубежных стран : учебник. М. : Проспект, 2003. 496 с.
- Всемирная история государства и права : энциклопедический словарь / под ред. А. В. Крутских. М. : Инфра-М, 2001. 398 с.
- Всеобщая история государства и права : учебник : в 2 т. / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2023.
- Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе. М. : Госюриздат, 1959. 526 с.
- Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма, 2000. 744 с.
- Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 792 с.
- Жидков О. А. Избранные труды / отв. ред. Г. И. Муромцев, Е. Н. Трикоз. М. : Норма, 2006. 608 с.
- Жидков О. А. О состоянии и задачах научных исследований в области всеобщей истории государства и права // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 7–23.
- Имамов Э. З. К характеристике правосознания и права Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 107–111.
- Имамов Э. З. Китайское право — единство традиции и законодательной нормы // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 6. С. 76–85.
- История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 720 с.
- История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. / отв. ред. О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова. М. : Норма, 2007.
- История государства и права : словарь-справочник / под ред. М. И. Сизикова. М. : Юридическая литература, 1997. 304 с.
- Косарев А. И. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. 464 с.
- Милехина Е. В. История государства и права зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2002. 360 с.
- Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 112–117.
- Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права : учебник : в 2 т. М. : ТОН-Остожье, 1998.
- Полдников Д. Ю. Научная доктрина *ius commune* как формальный источник права в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 64–80.
- Полдников Д. Ю. О правовой традиции *ius commune* как предмете историко-правовой науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 145–152.
- Полдников Д. Ю. От философии и права к философии права? (конфликт двух правовых школ *jus commune* XIII–XIV вв.) // История государства и права. 2010. № 20. С. 44–46.
- Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник : в 2 т. Т. 1 : Правовые традиции древности и Средневековья. М. : Норма, 2024. 544 с.
- Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник : в 2 т. Т. 2 : Современные правовые традиции. М. : Норма, 2024. 624 с.
- Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.) : монография М. : Проспект, 2016. 339 с.
- Полдников Д. Ю. Функциональный метод в сравнительной истории права в Европе // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 4. С. 47–56.
- Право и история художественной культуры. М. : Юнити-Дана, 2012. 431 с.
- Прудников М. Н. История государства и права : учебник для бакалавров. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. 603 с.
- Радько Т. Н. Правовая система России на юридической карте мира. М. : Проспект, 2021. 136 с.
- Ртвеладзе Э. В., Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент : Адолат, 2000. 352 с.

- Саидов А. Х. Введение в изучение истории цивилизации Центральной Азии // Политика и общество. 2007. № 7. С. 76–79.
- Саидов А. Х. Гете как юрист // Государство и право. 2010. № 2. С. 76–89.
- Саидов А. Х. Гёте как юрист = Goethe als Jurist. Ташкент : Baktria press, 2014. 240 с.
- Саидов А. Х. Данте-юрист. Ташкент : Адолат, 2011. 200 с.
- Саидов А. Х. Кафка-юрист. Ташкент : O'zbekiston, 2013. 192 с.
- Саидов А. Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии. Ташкент : Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2024. 66 с.
- Саидов А. Х. Французские писатели-юристы. Ташкент : Янги аср авлоди, 2013. 552 с.
- Саидов А. Х. Шекспир и юриспруденция. Ташкент : Ozbekiston, 2011. 168 с.
- Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. «Так говорил Заратустра»: между Западом и Востоком // Политика и общество. 2004. № 5. С. 1–15.
- Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Зороастрийское право в контексте религиозно-правовых учений древней и раннесредневековой Центральной Азии // Государство и право. 2000. № 7. С. 93–107.
- Саидов А. Х., Абдуллаев Е. В. Учение о договоре в Авесте: из Видевдата // Политика и общество. 2004. № 4. С. 96–100.
- Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, Инфра-М, 2021. 672 с.
- Советская историко-правовая наука: Очерки становления и развития / отв. ред. В. М. Курицын. М. : Наука, 1978. 343 с.
- Трикоз Е. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Государство и право в модернизирующемся мире» памяти профессора Жидкова Олега Андреевича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2006. № 2. С. 126–127.
- Фома Аквинский. О правлении правителей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 217–243.
- Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М. : Высшая школа, 1983. 656 с.
- Glenn P. H. Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. N. Y. : Oxford University Press, 2000. 371 p.
- History of Civilization of Central Asia. 6 Vol. Paris : UNESCO Publishing, 1976–2007.

REFERENCES

- Alekseev AI. Search of truth. Moscow; 1980. (In Russ.).
- Aquinas T. On the rule of rulers. Political structures of the era of feudalism in Western Europe (11th–17th centuries). Leningrad; 1990. (In Russ.).
- Avesta. The Law against Devas (Videvdāt). Adapted translation, research and commentary by Rtveladze EV, Saidov AKh, Abdullayev EV. St. Petersburg: Polytechnic University Publishing House; 2008. (In Russ.).
- Batyr KI. The history of the state and the law of foreign countries: A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2003. (In Russ.).
- Chernilovsky ZM. Universal history of the state and law. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1983. (In Russ.).
- Glenn PH. Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. N.Y.: Oxford University Press, 2000.]
- Golyakov IT. The court and legality in fiction. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1959. (In Russ.).
- Grafsky VG. The universal history of law and the state: A textbook for universities. Moscow: Norma Publ.; 2000. (In Russ.).
- Grafsky VG. The universal history of law and the state: A textbook for universities. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
- History of Civilization of Central Asia. 6 Vol. Paris: UNESCO Publishing; 1976–2007.
- Imamov EZ. Chinese law — the unity of tradition and legislation. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1989;6:76–85. (In Russ.).
- Imamov EZ. To the features of the legal consciousness and law of the People's Republic of China. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1988;4:107–111. (In Russ.).
- Kosarev AI. The history of the state and law of foreign countries: A textbook for universities. Moscow: Norma Publ.; 2002. (In Russ.).

- Krashenninnikova NA, Zhidkov OA, editors. The history of the state and law of foreign countries: A textbook for universities. In 2 volumes. Vol. 1. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2005. (In Russ.).
- Krutsikh AV, editor. The World History of State and Law: An encyclopedic dictionary. Moscow: Infra-M Publ.; 2001. (In Russ.).
- Kuritsyn VM, editor. Soviet Historical and Legal Science: Essays on its Formation and Development. Moscow: Nauka Publ.; 1978. (In Russ.).
- Law and the history of artistic culture. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2012. (In Russ.).
- Legal validity in the visual arts. Moscow; 2007. (In Russ.).
- Milekhina EV. The history of the state and law of foreign countries: A study guide. Moscow; 2002. (In Russ.).
- Muromtsev SA. The creative power of jurisprudence. *Yuridicheskiy vestnik*. 1887;9:112-117. (In Russ.).
- Muses and law. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Omelchenko OA. The universal history of the state and law: A textbook. In 2 volumes. Moscow: TON-Ostozhye Publ.; 1998. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. Comparative History of Foreign Law: A textbook. In 2 volumes. Vol. 1: Legal traditions of Antiquity and the Middle Ages. Moscow: Norma Publ.; 2024. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. Comparative History of Foreign Law: A textbook. In 2 volumes. Vol. 2: Modern legal traditions. Moscow: Norma Publ.; 2024. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. Formation of the doctrine of contract in the legal science of Western Europe (12th–16th centuries): A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. From philosophy and law to philosophy of law? (The conflict of two legal schools of jus commune (13th–14th centuries). *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*. 2010;20:44-46. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. On the legal tradition of the ius commune as a subject of historical and legal science. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Legal Sciences Series]*. 2014;2:145-152. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. The functional method in the comparative history of law in Europe. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo*. 2017;4:47-56. (In Russ.).
- Poldnikov DYU. The scientific doctrine of ius commune as a formal source of law in Western Europe in the 12th–18th centuries. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2013;1:64-80. (In Russ.).
- Prudnikov MN. History of the state and law: A textbook for bachelors. 6th ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2013. (In Russ.).
- Radko TN. The legal system of Russia on the legal map of the world. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Rtveladze EV, Saidov AKh, Abdullaev EV. Essays on the history of the civilization of ancient Uzbekistan: Statehood and law. Tashkent: Adolat Publ.; 2000. (In Russ.).
- Saidov Kh. Goethe as a lawyer = Goethe als Jurist. Tashkent: Baktria press; 2014. (In Russ.).
- Saidov AKh, Abdullaev EV. «Thus spoke Zarathustra»: Between the West and the East. *Politics and society*. 2004;5:1-15. (In Russ.).
- Saidov AKh, Abdullaev EV. The doctrine of the contract in the Avesta: From the Videvdat. *Politics and society*. 2004;4:96-100. (In Russ.).
- Saidov AKh, Abdullaev EV. Zoroastrian law in the context of religious and legal teachings of Ancient and Early Medieval Central Asia. *State and law*. 2000;7:93-107. (In Russ.).
- Saidov AKh. An introduction to the study of the history of Central Asian civilization. *Politics and society*. 2007;7:76-79. (In Russ.).
- Saidov AKh. Comparative study of Western and non-Western legal traditions: Problems of methodology. Tashkent: National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights; 2024. (In Russ.).
- Saidov AKh. Dante as a lawyer. Tashkent: Adolat Publ.; 2011. (In Russ.).
- Saidov AKh. French legal writers. Tashkent: Yangi asr avlodi; 2013. (In Russ.).
- Saidov AKh. Goethe as a lawyer. *State and law*. 2010;2:76-89. (In Russ.).
- Saidov AKh. Kafka as a lawyer. Tashkent: O'zbekiston Publ.; 2013. (In Russ.).
- Saidov AKh. Shakespeare and jurisprudence. Tashkent: Ozbekiston; 2011. (In Russ.).
- Sinyukov VN. The Russian legal system. An introduction to general theory. 2nd ed., suppl. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
- Sizikov MI, editor. History of the state and law: Reference book. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1997. (In Russ.).

Tomsinov VA, editor. The universal history of the state and law: A textbook. In 2 volumes. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2009. (In Russ.).

Trikoz EN. All-Russian Scientific and Practical Conference «State and Law in a Modernizing World» in memory of Professor Oleg Andreevich Zhidkov. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Legal Sciences Series]*. 2006;2:126-127. (In Russ.).

Zhidkov OA, Krashenninnikova NA, editors. History of the state and law of foreign countries: A textbook. In 2 volumes. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).

Zhidkov OA. On the state and objectives of scientific research in the field of the universal history of the state and law. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava [Current Issues of the State and Law]*. Moscow; 1976. Pp. 7–23. (In Russ.).

Zhidkov OA. Selected works. Muromtsev GI, Trikoz EN, editors. Moscow: Norma Publ.; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саидов Акмаль Холматович, доктор юридических наук, профессор, академик, действительный член Академии наук Республики Узбекистан
д. 70, Яхёё Гулямова ул., г. Ташкент 100047, Республика Узбекистан
poldnikov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akmal Kh. Saidov, Dr. Sci. (Law), Professor, Academician, Full member of the Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan
poldnikov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 июня 2025 г.

Принята к печати 15 июня 2025 г.

Received 03.11.2024.

Revised 14.06.2025.

Accepted 15.06.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

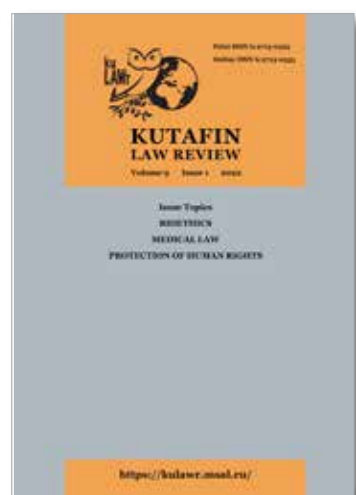
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008